

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От Редакционной коллегии</i>	5
Проблема в фокусе:	
Музеи и музейные работники в годы Великой Отечественной войны	
<i>Петров П.В. Мартин Михайлович Ребанэ (1889–1973): Путь от красного командира до директора музея</i>	7
<i>Зайцева Т.В. Рукопись рассказа «Хранитель музея» Б.Л. Бродянского: Образ хранителей пригородных дворцов-музеев в блокадном Ленинграде</i>	19
<i>Порисенко И.В. Деятельность Н.В. Успенского по сохранению памятников мемориальной пластики ленинградских некрополей в 1941–1945 гг.: По материалам петербургских архивохранилищ</i>	30
<i>Кирпичникова М.В. Хранители Гатчинского дворца-музея в борьбе за его восстановление (1944–1951)</i>	37
Музей	
<i>Соломаха Е.Ю. Эрмитаж. Память о блокаде</i>	50
<i>Гончаренко С.Н. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в экспозициях исторических музеев России и Финляндии</i>	61
<i>Петухова А.А. Художественное наследие И.Е. Репина в культурной политике Советской России и усадьба «Пенаты» накануне, во время и после Великой Отечественной войны</i>	72
Памятник	
<i>Митюкова Е.В. Брестская крепость: Историю храним для потомков</i>	84
<i>Федоров Д.С. «Музеобус» — это музей, но только автобус</i>	94
Наследие	
<i>Любезников О.А. Блокадная топография Ленинградского университета: Опыт реконструкции</i>	103
<i>Никонова А.А., Савельева А.Г. Фронтовое поколение: Архивные материалы врача-хирурга В.Н. Гороховой</i>	110
<i>Балакирева Т.А. К проблеме сохранения литературного наследия в период Великой Отечественной войны: На примере творчества А.Р. Беляева</i>	119
Семейная память о Великой Отечественной войне	
<i>Купцова Е.Д. Последние письма прадеда: История Великой Отечественной войны в зеркале семейного архива</i>	127
<i>Грекова А.Н. Жить и помнить</i>	143

Редакционная коллегия:

Пиотровский Михаил Борисович, действительный член РАН,
действительный член РАХ (председатель);

Никонова Антонина Александровна, канд. филос. н., доцент (заместитель председателя).

Члены Редакционной коллегии:

Беззубова Ольга Владимировна, канд.филос. н., доцент;
Бирюкова Марина Валерьевна, д-р культурологии, доцент;
Гнедовский Михаил Борисович, канд. ист. н.;
Маковецкий Евгений Анатольевич, д-р филос. н., доцент.

Секретариат Редакционной коллегии:

Ананьев Виталий Геннадьевич, д-р культурологии;
Любезников Олег Анатольевич, канд. ист. н.

E-mail: mmh-journal@mail.ru

www.museumstudy.ru/mmh-journal

*Мнение авторов может не совпадать
с мнением членов редакционной коллегии и международного редакционного совета.*

Международный редакционный совет журнала:

Александр Михайлович Шолохов, канд. биол. наук, президент Российского комитета
Международного совета музеев (ИКОМ России) (2016–2022) (председатель);

Барбара Киршнеблат-Гимблет, Ph.D., почетный профессор Нью-Йоркского университета,
почетный доктор Университета Хайфы, главный куратор экспозиции
и советник директора Музея истории польских евреев (Польша);

Дарко Бабич, Ph.D., доцент, руководитель направления музеологии и наследия,
Университет Загреба, советник при Президиуме Международного комитета по подготовке
персонала (ИКТОП) Международного совета музеев (ИКОМ) (Хорватия);

Кирилл Евгеньевич Рыбак, д-р культурологии, Советник Министра культуры РФ (Россия);
Кристина Крепс, Ph.D., профессор, руководитель программы музейных исследований

и исследований в области наследия, директор Музея антропологии, Денверский университет (США);

Леонтина Мейер-ван Менш, директор Этнографических коллекций Саксонии,
член исполнительного совета Международного совета музеев (ИКОМ) (Германия);

Татьяна Павловна Калугина, д-р филос. н., зав.отделом переводов для изданий,
Государственный Русский музей (Россия);

Франсуа Мересс, Ph.D., профессор, университет Новая Сорbonna—Париж 3,
президент Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ)
Международного совета музеев (ИКОМ) (2013–2019) (Франция).

Подписано в печать: 13.06.2025 г.

Формат: 70 × 100/16

Усл. печ. л.: 12,02

TABLE OF CONTENTS

<i>From the Editorial Board</i>	5
A Problem in Focus: Museums and Museum Workers during the Great Patriotic War	
<i>Petrov P.V. Martin Mikhailovich Rebane (1889–1973): The Path from the Red Commander to the Director of the Museum</i>	7
<i>Zaitseva T.V. Manuscript of the Story «The Museum's Curator» by B.L. Brodyansky: The Image of the Curators of Suburban Palace-Museums in Blocked Leningrad</i>	19
<i>Porisenko I.V. N.V. Uspensky's Activities for the Preservation of Monuments of Memorial Plastics of Leningrad Necropolises in 1941–1945: Based on the Materials of the Petersburg Archives</i>	30
<i>Kirpichnikova M.V. The Guardians of the Gatchina Palace-Museum in the Fight for its Recovery (1944–1951)</i>	37
Museum	
<i>Solomakha E.Yu. The Hermitage. Memory of the Blockade</i>	50
<i>Goncharenko S.N. The Soviet-Finnish War of 1939–1940 in the Exhibitions of Historical Museums of Russia and Finland</i>	61
<i>Petukhova A.A. I.E. Repin's Artistic Legacy in the Cultural Policy of Soviet Russia and the Penaty Estate before, during and after the Great Patriotic War</i>	72
Monument	
<i>Mityukova E.V. The Brest Fortress: We keep the History for the Future Generations</i>	84
<i>Fedorov D.S. The Museobus is a Museum, but It's Bus</i>	94
Heritage	
<i>Lyubeznikov O.A. The Siege Topography of Leningrad University: Experience of Reconstruction</i>	103
<i>Nikonova A.A., Savelieva A.G. Front-Line Generation: Archival Materials by Surgeon V.N. Gorokhova</i>	110
<i>Balakireva T.A. On the Issue of Preserving Literary Heritage during the Great Patriotic War: The Case Study of A.R. Belyaev's Creative Work</i>	119
Family memories of the Great Patriotic War	
<i>Kuptsova E.D. Great-Grandfather's Last Letters: The History of the Great Patriotic War reflected in the Family Archive</i>	127
<i>Grekova A.N. To Live and to Remember</i>	143

Editorial Board:

Piotrovsky Mikhail Borisovitch, Full Member of the Russian Academy of Sciences,
Full Member of the Russian Academy of Arts (Chairman);
Nikonova Antonina Alexandrovna, Candidate of Science in Philosophy,
Associate Professor (Vice Chairman).

Members of the Editorial Board:

Bezzubova Olga Vladimirovna, Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor
Biryukova Marina Valerievna, Doctor of Cultural Studies;
Gnedovsky Mikhail Borisovitch, Candidate of Science in History;
Makovetsky Evgeny Anantolievitch, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

Secretary:

Ananiev Vitaly Gennadievitch, Doctor of Cultural Studies;
Lyubeznikov Oleg Anatolievitch, Candidate of Science in History.

E-mail: mmh-journal@mail.ru
www.museumstudy.ru/mmh-journal

International Board of Journal:

Alexander Mikhailovitch Sholokhov, Ph.D. in Biology, President of Russian National Committee of the International Council of Museums (ICOM) (2016–2022) (chairman);
Barbara Kirshenblatt-Gimblett, Ph.D., Distinguished Professor of New York University, Doctor Honoris Causa of University of Haifa, Chief Curator of the POLIN Museum of the History of Polish Jews core exhibition (Poland—USA);
Christina Kreps, Ph.D., Professor, Director of Museum and Heritage Studies, Director of Museum of Anthropology, University of Denver (USA);
Darko Babic, Ph.D., Assistant Professor, Head of Museology and Heritage Management, Zagreb University (Croatia), Advisor to the Board of ICOM-ICTOP;
François Mairesse, Ph.D., Professor, Université Sorbonne Nouvelle—Paris 3 (France), President of ICOM-ICOFOM (2013–2019);
Kirill Evgenievitch Rybak, Doctor of Cultural Studies, Advisor to Minister of Culture of Russian Federation (Russia);
Léontine Meijer-van Mensch, Director of the State Ethnographical Collections of Saxony, (Germany), Member of Executive Board of ICOM;
Tatiana Pavlovna Kalugina, Doctor of Philosophy, Head of Department of Translations, the State Russian Museum (Russia).

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящий номер журнала приурочен к 80-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне, 80-летию окончания Второй мировой войны. Участники и свидетели трагедии войны — фронтовики, труженики тыла, узники концентрационных и трудовых лагерей, дети, пережившие ужасы военного времени, — увы, уходят. Сохранение памяти о событиях военных лет — задача, возложенная на следующие поколения.

Музеи — институты сохранения памяти, предметов и тех смыслов, с которыми они связаны. Миссию музеев воплощают в жизнь музейные сотрудники, практики музейного дела, становящегося предметом научной рефлексии в музеологических штудиях. Этот номер, созданный силами специалистов ведущих музеев России и Белоруссии, преподавателями, выпускниками и студентами Санкт-Петербургского государственного университета, посвящен военным страницам истории — людям и институциям, сберегавшим и сохраняющим ныне вечные ценности культуры.

ПРОБЛЕМА В ФОКУСЕ: МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ РАБОТНИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Петров П.В.

МАРТИН МИХАЙЛОВИЧ РЕБАНЭ (1889–1973): ПУТЬ ОТ КРАСНОГО КОМАНДИРА ДО ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ

Петров, Павел Владимирович—доктор исторических наук, заведующий отделом музейных исследований, Государственный музей-заповедник «Петергоф», г. Петергоф, Санкт-Петербург, Россия, peterhof_petrov@mail.ru.

В статье рассматривается жизнь и деятельность бывшего директора Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков Мартина Михайловича Ребанэ, которая долгое время оставалась в тени внимания историков. Биография Ребанэ изобиловала частыми перемещениями и сменой мест работы. Пройдя две войны—Первую мировую и Гражданскую в период с 1914 по 1920 гг., он становится на долгое время партийным работником. Но затем в его жизни случились два места работы, ставшие для него наиболее важными, которые он запомнил до конца своих дней. Это была работа директором в Ораниенбаумском дворце-музее и парке накануне Великой Отечественной войны и работа в объединенных музеях Петергофа и Ораниенбаума на начальном этапе войны, в июне-декабре 1941 г. Именно здесь в полной мере проявились организационные навыки и опыт музейной работы Мартина Михайловича, которые помогли спасти ценнейшую часть коллекций пригородных дворцов-музеев. Именно тогда в тыл страны, в города Горький, Сарапул и Ленинград были направлены около 13 тысяч предметов из собраний музеев Петергофа и Ораниенбаума. Во время блокады Ленинграда М.М. Ребанэ был отправлен в эвакуацию, и после окончания войны продолжил работать на партийных должностях. Но свою трудовую карьеру он все равно завершил в музее, уже в родной Эстонской ССР. Подводя итог жизненному пути Мартина Михайловича Ребанэ, следует сказать, что самым важным делом его жизни стало спасение музейных ценностей из дворцов Петергофа и Ораниенбаума.

Ключевые слова: Командир, пропаганда, партийная работа, бюро, комитет, музей, предмет, эвакуация.

MARTIN MIKHAILOVICH REBANE (1889–1973): THE PATH FROM THE RED COMMANDER TO THE DIRECTOR OF THE MUSEUM

Petrov, Pavel Vladimirovich—Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Museum Research, Peterhof State Museum-Reserve, Peterhof, St. Petersburg, Russia, peterhof_petrov@mail.ru.

The article examines the life and work of the former director of the Peterhof and Oranienbaum palace-museums and parks, Martin Mikhailovich Rebane, which for a long time remained in the shadow of historians' attention. Rebane's biography was full of frequent moves and changes of jobs. Having gone through two wars—the First World War and the Civil War in the period from 1914 to 1920, he became a party worker for a long time. But then in his life there were two jobs that became the most important for him, which he remembered until the end of his days. These were the work of the director of the Oranienbaum palace-museum and park on the eve of the Great Patriotic War and work in the combined museums of Peterhof and Oranienbaum at the initial stage of the war, in June-December 1941. It was here that Martin Mikhailovich's organizational skills and experience in museum work were fully demonstrated, which helped save the most valuable part of the collections of the suburban palace-museums. It was then that about 13 thousand items from the collections of the Peterhof and Oranienbaum museums were sent to the rear of the country, to the cities of Gorky, Sarapul and Leningrad. During the siege of Leningrad, M.M. Rebane was sent to evacuation, and after the end of the war he continued to work in party positions. But he still ended his working career in the museum, already in his native Estonian SSR. Summing up the life of Martin Mikhailovich Rebane, it should be said that the most important thing in his life was the rescue of museum valuables from the palaces of Peterhof and Oranienbaum.

Key words: Commander, propaganda, party work, bureau, committee, museum, subject, evacuation.

Личность и деятельность бывшего директора Ораниенбаумских и Петергофских дворцов-музеев и парков Мартина Михайловича Ребанэ до настоящего времени остается малоизученной¹. В своей жизни ему довелось возглавлять три музеиных учреждения—Ораниенбаумский дворец-музей и парк накануне Великой Отечественной войны (с декабря 1939 по июнь 1941), объединенные Петергофские и Ораниенбаумские дворцы-музеи и парки в начале войны (с конца июня по декабрь 1941) и Этнографический музей Академии Наук Эстонской ССР уже в послевоенные годы (с 1951 по 1958 гг.). Кроме того, первый опыт музейной деятельности М.М. Ребанэ получил еще в Гатчинском дворце-музее в 1930-е гг. Таким образом, можно утверждать, что это был довольно известный музейный деятель, внесший, к тому же, большой вклад в дело спасения ценностей пригородных дворцов в начале Великой Отечественной войны.

Деятельность Мартина Михайловича Ребанэ по эвакуации музейных ценностей Петергофских дворцов-музеев в 1941 г. стала известна благодаря его воспоминаниям, хранящимся в архиве Государственного музея-заповедника «Петергоф»² и опубликованным в сборнике материалов пятой ежегодной научно-практической музейной конференции³ и в сборнике документов по истории Петергофа в Великой Отечественной войне⁴. В честь

¹ По теме имеется лишь одна научная статья: *Петров П.В. Мартин Михайлович Ребанэ: судьба музейного деятеля // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал. 4–6 апреля 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 188–191.*

² Архив ГМЗ «Петергоф». Р-263. Л. 1–28.

³ Ребанэ М.М. Некоторые воспоминания о том, как спасали ценностии Петергофа в 1941 году // Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» / Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. В. СПб., 2015. С. 342–348.

⁴ Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. Сост. П.В. Петров, Т.Г. Яковлева. СПб., 2019. (Серия «Петергофская летопись». II). Т. I. С. 204–207.

70-летия Победы в музее-заповеднике «Петергоф» проводилась выставка, названием которой стал заголовок воспоминаний М.М. Ребанэ—«Как спасали Петергоф», посвященная эвакуации музеиных ценностей в 1941 г.⁵ Однако, о других периодах биографии Ребанэ долгое время почти ничего не было известно, что породило многочисленные неточности при описании его жизни и деятельности. С помощью многочисленных документов, выявленных в фондах как российских, так и зарубежных архивов, постараемся восполнить имевшуюся лакуну в жизнеописании этого достаточно незаурядного деятеля отечественной культуры.

Возможно, что невнимание историков к личности М.М. Ребанэ отчасти объяснялось особенностями его сложной биографии, особенно в период 1920-х—1940-х гг. Частые назначения на различные должности способствовали тому, что он нигде не работал долгое время. И лишь в самом конце трудовой деятельности, в 1950-е гг., для Мартина Михайловича наступил период стабильности. На наш взгляд, в жизни этого незаурядного человека в полной мере отразилась советская эпоха, со всеми своими героическими и трагическими страницами. Бедный выходец из простонародья благодаря своим личным способностям и упорству сумел достичь высоких, ответственных должностей и внести свой личный вклад в сохранение музейного наследия страны.

Мартин Михайлович Ребанэ родился 22 февраля 1889 г. в г. Валк⁶ (современный Валга) Лифляндской губернии⁷, в семье рабочего-строителя. По национальности его родители были эстонцами. Отец, Михаил Михайлович, умер в 1891 г., когда сыну было всего 2,5 года. Мать, Мария Мартиновна (урожденная Котеман) была вынуждена пойти работать прачкой, чтобы прокормить шестерых сыновей (двоих умерли в еще раннем возрасте). Обучение Мартин Михайлович проходил в 3-х летней начальной школе при кирхе Иоанна г. Валка. С семилетнего возраста матери приходилось посыпать сына на заработки пастухом, чтобы оплатить его обучение⁸.

Вынужденный рано зарабатывать себе на жизнь, М.М. Ребанэ в марте 1901 г. устроился на работу в садоводство Ю. Тенисона в г. Юрьеве (современный Тарту). Однако выучиться на садовода у него не получилось, так как, по его словам, от частой переноски воды он ободрал себе плечи и заболел. В мае 1902 г., по требованию хозяина, ему пришлось уволиться из садоводства и искать себе работу. Он устроился наборщиком в типографию Я. Тенисона в том же городе. Однако проработал там Мартин Михайлович лишь до октября 1905 г., когда его уволили по подозрению в распространении листовок антиправительственного содержания⁹.

⁵ Государственный музей-заповедник «Петергоф» // Открытие выставки «Как спасали Петергоф. Эвакуация музейной коллекции в годы Великой Отечественной войны». URL: <http://peterhof-museum.ru/multimedia/photo/2015/251> (дата обращения: 10.07.2025)

⁶ Латышский город Валка до 1920 г. назывался Валк (нем. Walk). В 1920 г. город был разделен на две части—латышский Валка (Valka) и эстонский Валга, и его северо-восточная часть отошла к Эстонии. После получения независимости в 1991 г. и вступления стран Прибалтики в Шенгенскую зону, город снова стал единым, в городе действует латвийско-эстонская программа соседства.

⁷ В настоящее время—часть Латвийской Республики.

⁸ Объединенный ведомственный архив культуры (далее—ОВАК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–3, 4 об., 5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее—ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 3; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 6.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 3; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 1, 2, 2 об., 4 об., 5; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Л. 4 об., 6.

Поскольку в другие типографии г. Юрьева М.М. Ребанэ на работу уже не принимали, ему пришлось вернуться в родной город Валк, где он поступил на работу в аптекарский склад Эйнера. На складе он проработал до декабря 1905 г., когда ему пришлось скрыться от преследования полиции. Причиной бегства стало его активное участие в деятельности молодежной подпольной социал-демократической группы перед готовящимся восстанием. Чтобы избежать ареста, Ребанэ пришлось скрыться из г. Валк. Вначале Мартин Михайлович переехал в Феллинский уезд Лифляндской губернии, а затем — в Холмский уезд Псковской губернии. Попытка найти себе в провинции работу не увенчалась успехом, и он был вынужден переехать в Москву. Но и там М.М. Ребанэ не смог трудоустроиться, поэтому ему пришлось отправиться на восток страны — в Сибирь¹⁰.

В марте 1906 г. Ребанэ приехал в село Тисуль Мариинского уезда Томской губернии, где поступил на работу к знакомому своего дяди, А.А. Мальцу, который владел там аптекой, лабораторией и мыловарней. Мартин Михайлович стал работником лаборатории, а также занимался расфасовкой и транспортировкой товаров на отдаленные прииски в тайге. В августе 1909 г. владелец лаборатории Мальц, по истечении срока своей аренды, переехал в Красноярск. Поскольку у хозяина в городе не было собственных предприятий, то Ребанэ пришлось уволиться и вновь искать работу. Поработав в разных кустарных мастерских, Мартин Михайлович в декабре 1909 г. приехал в г. Юрьев. Вскоре он устроился на работу практикантом-фармацевтом в аптеку Р. Штамма, которая находилась в местечке Рапин¹¹.

В ноябре 1910 г. М.М. Ребанэ был призван на действительную военную службу и определен в 96-й пехотный Омский полк. В полку он служил в команде разведчиков до своего увольнения в запас в марте 1914 г., будучи уже в чине старшего унтер-офицера. Придя из армии, Мартин Михайлович устроился в качестве рабочего на мыловаренный завод Г.И. Паллона, который находился в селе Семеновско-Лапотное Кинешемского уезда Костромской губернии. На этом заводе он проработал до июля месяца, а затем с началом Первой мировой войны был мобилизован в действующую армию¹².

Мартин Михайлович был призван в 321-й Окский пехотный полк 81-й пехотной дивизии, которая формировалась в Ярославле на основе 46-й пехотной дивизии. Затем дивизия вошла в состав 4-й армии Юго-Западного фронта и приняла участие в осаде австрийской крепости Перемышль и последующих тяжелых боях за Карпаты зимой-весной 1915 г. Ребанэ находился в команде разведчиков полка и воевал под Перемышлем, где получил контузию в бою. Затем он был назначен конным ординарцем при командире полка, и находился в этой должности до середины мая 1915 г., когда за боевые отличия¹³ (впоследствии Ребанэ говорил, что «*будучи унтер-офицером, пробившись через неприятеля, выполнил важное поручение*»¹⁴) был награжден Георгиевским крестом и произведен в прапорщики. После этого он был назначен начальником команды связи 321-го пехотного полка и исполнял эту должность до августа 1917 г. За

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 3; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 5 об.; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 4 об., 6 об.

¹¹ ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 5 об.; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 4 об., 6 об.

¹² ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 5 об.; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 4об., 7.

¹³ В критический момент боя М.М. Ребанэ под огнем противника установил связь с соседними воинскими частями и способствовал нанесению флангового артиллерийского удара по противнику, что привело к его поражению.

¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/3. Л. 7.

время интенсивных боев на Юго-Западном фронте в 1916 г. Мартин Михайлович был награжден сразу тремя орденами — св. Анны 4-й степени «За храбрость» и св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами¹⁵. После назначения командира 321-го полка на должность командира 81-й пехотной дивизии, последний перевел М.М. Ребанэ в штаб дивизии на должность начальника разведки. После Октябрьской революции 1917 г. Мартин Михайлович, дослужившийся к этому времени до чина подротника, оставился при штабе 81-й пехотной дивизии и на дивизионной солдатской конференции в ноябре 1917 г. был избран начальником связи дивизии¹⁶.

После отступления частей 81-й пехотной дивизии под ударами немецких войск в начале 1918 г., с последующим выходом из окружения, произошла демобилизация личного состава русской армии, и М.М. Ребанэ в марте вернулся обратно в село Семеновское-Лапотное Костромской губернии. С апреля он продолжил работу на мыловаренном заводе Г.И. Паллона, однако завод вскоре был национализирован и передан Семеновскому волостному исполнительному комитету (ВИК). А с 15 августа 1918 г. Ребанэ был приглашен на работу в Кинешемский уездный отдел народного образования (УОНО), где получил должность инструктора политico-просветительной работы и заведующего Семеновским районным центром по внешкольному образованию. В его обязанности входила организация в четырех волостях изб-читален и школ грамоты для взрослого населения, а также «национализация помещицких библиотек, книги из которых распределялись между Москвой, Иваново-Вознесенском и местными, организуемыми мной, библиотеками»¹⁷. Там же, в Семеновском-Лапотном, Мартин Михайлович 11 ноября 1918 г. вступил в члены РКП(б)¹⁸. По его словам, на данное решение повлияло покушение эсерки Ф. Каплан на председателя СНК РСФСР В.И. Ленина.

В апреле 1919 г. в Иваново-Вознесенской губернии была объявлена партийная мобилизация, и 30% коммунистов были направлены в Красную армию. В числе прочих оказался призванным на военную службу 29 апреля и М.М. Ребанэ. Его направили в Эстляндскую армию¹⁹, штаб которой располагался в г. Луге. В качестве командира маршевой роты запасного полка он поступил в распоряжение Северной группы 7-й Армии. Боевой задачей эстонской роты была определена защита подступов Луги от десанта «белых», высадившегося в Гдове. Действуя на территории Стайской волости, Мартин Михайлович пополнил свою роту местными партизанами, и в дальнейшем она называлась «1-й партизанский отряд Эстляндской армии». В июле 1919 г., после смены регулярными воинскими частями, М.М. Ребанэ со своей ротой был направлен в состав 1-й Эстляндской стрелковой дивизии, которую 16 июня переформировали в отдельную стрелковую бригаду²⁰.

¹⁵ Первая мировая война 1914–1918 — Информационный портал // Поиск героев войны. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?last_name=Ребанэ&first_name=Мартын&groups=awd:ptr:frc:cmd:prs&types=awd_nagrady:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spiski_zahoroneniy:potery_voennoplen:fr_list:cmd_commander:prs_person&page=1 (дата обращения: 10.07.2025)

¹⁶ ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 6; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 4об., 7–7об.; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 1 об., 2.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 2 об.- 3; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 4 об., 6; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 7 об.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 1 об.

¹⁹ Была создана на основании постановления РВС Республики и СНК Эстляндской трудовой коммуны от 18 февраля 1919 г. из частей бывшей 7-й Армии. — Гражданская война и интервенция в СССР: Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1987. С. 689.

²⁰ Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 7 об.- 8; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об., 4об., 6об.; Гражданская война и интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 691.

В Эстонской стрелковой бригаде Ребанэ был назначен на должность командира 6-й стрелковой роты 1-го Эстонского стрелкового полка. За боевые заслуги при взятии г. Пскова, приказом Реввоенсовета Республики № 312²¹, в октябре 1919 г. он был награжден редкой наградой для того времени — орденом Красного Знамени за № 932. В своих анкетах М.М. Ребанэ скромно указывал, что высокую награду он получил за то, что «*задержал наступление противника и тем обеспечил планомерный отход всей части*»²².

Одновременно с этим, Мартин Михайлович получил назначение на должность помощника командира 1-го Эстонского стрелкового полка. Директивой главнокомандующего Вооруженными силами Республики, Эстонская стрелковая дивизия (куда входил 1-й Эстонский полк) была вновь создана 5 октября 1919 г. и затем переброшена в район северо-западнее г. Орла²³, где находилась в резерве командующего Южным фронтом. 17 октября Эстонская стрелковая дивизия, входившая в состав 13-й Армии Южного фронта, приняла участие в сражении за Орел и уже 20 октября вместе с другими частями вошла в город²⁴. Это событие знаменовало собой коренной перелом в действиях Красной армии против Добровольческой армии генерала А.И. Деникина на Южном фронте, после чего инициатива полностью перешла на сторону войск «красных». Затем начался знаменитый боевой поход Эстонской дивизии от Орла до Мариуполя, завершившийся в начале января 1920 г.²⁵

После взятия Мариуполя М.М. Ребанэ был назначен временным командиром 3-го Эстонского (Тартуского) стрелкового полка, в составе которого принял участие в боях против Революционной повстанческой армии Украины Н.И. Махно в р-не Александровска (Запорожье). В феврале-марте 1920 г. в составе Перекопской ударной группы Южного фронта принял участие в тяжелых боях против войск Добровольческой армии в р-не Чаплинка-Каланчак-Перекоп. Однако в самих боях за Перекоп М.М. Ребанэ не довелось принять участие, поскольку он заболел тифом.

После понесенного тяжелого поражения в боях с частями генерала Я.А. Слащева, Эстонская стрелковая дивизия в марте 1920 г. была расформирована, а ее личный состав был направлен на укомплектование частей Украинской трудовой армии. Ребанэ получил должность командира 7-го полка в этой армии, с которым был направлен в Миргородский уезд на борьбу с частями повстанческой армии Н.И. Махно. В июле Мартин Михайлович был назначен командиром 9-го полка (затем переименованного в 6-й полк) Украинской трудовой армии в Харьков (впоследствии этот полк был подчинен бригаде Херсонской боевой группы), и пробыл на этой должности до конца октября, когда опять заболел тифом²⁶.

25 октября 1920 г. врачебная комиссия направила Ребанэ на излечение в тыл, предоставив ему отпуск сроком на три месяца. После своего выздоровления в Москве он

²¹ Приказом по армиям Западного фронта № 879 от 15 октября 1919 г.—См.: ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 2 об.—3.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 2 об. Д. 233993/6. Л. 5 об.

²³ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. М., 1990; С. 285. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002. С. 323.

²⁴ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. С. 286; Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. С. 327.

²⁵ Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 8 об.; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об., 4 об., 6 об.

²⁶ ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об., 4 об., 6 об.—7; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 8 об.—9.

поступил в распоряжение ЦК РКП(б), который 13 ноября направил его на работу в Сибирское бюро ЦК РКП(б). Прибыв в г. Омск²⁷, в распоряжение Сиббюро, Мартин Михайлович с 5 декабря 1920 г. был назначен заведующим учебной частью Сибирской эстонской партийной школы и преподавателем дисциплин «Советское право» и «Советская политэкономия», а с 7 апреля 1921 г.—заведующим Эстонской партийной школы и секретарем Эстонской секции Сибирского бюро ЦК РКП(б). В мае он также был утвержден заведующим политотделом национальных меньшинств при Сибирском бюро ЦК РКП(б). В декабре 1921 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) направило Ребанэ в Омск в качестве лектора и заведующего интернационального отдела в Рабоче-крестьянский коммунистический университет Сибири²⁸.

В середине июля 1922 г. М.М. Ребанэ по собственному желанию был переведен в г. Петроград, в распоряжение Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), и с 16 августа назначен «штатным научным сотрудником» кафедры советского права в Петроградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Мархлевского²⁹. В Университете Мартин Михайлович находился в составе Эстонского сектора, на кафедре правоведения, и преподавал право на 2-м курсе. Периодически он совершал служебные командировки в Новгород. Однако, по словам Ребанэ, ему не пришлось долго работать в университете, из которого он был исключен с 1 января 1923 г.³⁰, поскольку он сразу «начал борьбу с группировкой в рядах коммунистов-эстонцев», которые затем выжили его из университета. Еще в ноябре 1922 г. Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) временно направило его на работу в Новгород, в качестве инструктора губернского комитета партии и лектора эстонского отделения губернской советской партийной школы³¹.

15 февраля 1923 г. Мартин Михайлович Ребанэ назначается заведующим Новгородской губернской советской партийной школой, и проработал на этой должности до февраля 1927 г. Он читал там лекции на темы «Религия и коммунизм» и «История партии». А в ноябре 1923 и феврале 1925 гг. он параллельно избирался депутатом, а затем и членом Новгородского городского совета 4-го созыва.

В феврале 1927 г. Ребанэ был направлен на избирательную кампанию в Боровичский уезд, где его избрали в уездный исполнком и с 8 марта назначили заведующим Боровичским

²⁷ В дальнейшем, Сибирское бюро ЦК РКП(б) было переведено в г. Новониколаевск (Новосибирск).

²⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 2 об.–3, 3 об.–4, 4 об.–5; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 4 об.; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об., 4 об., 7; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 9.

²⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 4об.–5.—Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского был создан по декрету СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. при Наркомате просвещения для подготовки будущих революционеров и политических работников из представителей национальностей Запада СССР, на базе литовско-еврейско-латышской, немецкой, польской, румынской высших партийных школ, которые составили соответствующие секторы КУНМЗ. Позднее были организованы секторы: белорусский, болгарский, итальянский, молдавский и югославский. 18 сентября 1922 г. был открыт филиал КУНМЗ в Петрограде, образованный путем слияния латышской, эстонской и финской партийных школ. Был закрыт в 1936 г.

³⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее—РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 30. Д. 214. Л. 4–10 об.

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 4об.; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2об., 4 об., 7–7 об.; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 9 об.

уездным отделом народного образования (УОНО). В связи с созданием 1 августа 1927 г. Ленинградской области и упразднением бывшей губернии и уездов, 30 сентября Мартин Михайлович был назначен на должность старшего политпросветинспектора Боровичского окружного отдела народного образования (ОКРОНО)³².

После организации т.н. «Шахтинского дела» в июне 1928 г. Ребанэ был направлен на Украину, в г. Шахты, «на усиление Северо-Кавказской партийной организации». Шахтинский окружной комитет ВКП(б) 3 июля назначил его заведующим Шахтинской окружной советской партийной школой 2-й ступени, а также преподавателем советского права. Впрочем, на этой должности он проработал лишь один год, поскольку уже в августе 1929 г. был назначен заведующим Шахтинско-Донецким педагогическим техникумом в г. Каменске. Здесь Мартин Михайлович также преподавал исторический материализм и советскую Конституцию, параллельно работая методистом по обществоведению. Одновременно он избирался членом краевой, а затем и председателем окружной комиссии по проверке и чистке рядов ВКП(б), где выполнял обязанности с октября 1929 по март 1930 г.³³

Однако в январе 1932 г. М.М. Ребанэ избирается членом Каменского райкома ВКП(б) на IX районной партийной конференции, а в середине февраля становится заведующим партметодкабинетом и заместителем заведующего культурой в райкоме. Но и на этой должности Мартин Михайлович проработал недолго, так как в связи с плохим состоянием здоровья (болезнь малярией) в сентябре 1932 г. был переведен Каменским райкомом на работу в Ленинград. Здесь он был назначен Ленинградским обкомом партии в Областной совет профсоюзов³⁴.

В Ленинградском областном совете профсоюзов Ребанэ работал в качестве заведующего программно-методического бюро в Отделе подготовки профкадров. Но в апреле 1933 г. это бюро упраздняется, и он поступает в распоряжение Ленинградского горкома ВКП(б). Совершенно новой сферой деятельности для Ребанэ стала работа в системе недавно созданного Управления ленинградскими и пригородными дворцами и парками Ленсовета (УДПЛ), где ему предоставили должность заместителя директора по научной работе в Гатчинском дворце-музее и парке. В этом музее он проработал относительно долго — почти 4,5 года³⁵. О его работе на должности заместителя директора имеются противоречивые отзывы (согласно одним, зафиксированным в партийном деле, он положительно проявил себя на данной работе — «активно развернул работу по музею», «один из активных работников музея»³⁶, а по другим — экскурсовода А.И. Кузьмина, «странный человек был этот Мартын: он не был ни историком, ни искусствоведом, не известно, учился ли где-нибудь, ничего не знал, ничего не делал; появлялся в музее на короткое

³² ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 4 об.–5, 5 об.–6; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 488369. Л. 2–3. Д. 233993/2. Л. 4–5; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об., 4об., 7об.; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 9 об.

³³ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 6 об.–7; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 5.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 6 об.–7, 7 об.–8; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 5; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об., 4 об., 7об.; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 9 об.–10.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 259. Д. 63. Л. 7 об.–8; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 5; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об., 7 об.; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 10.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/3. Л. 7.

время и исчезал в своей квартире в Арсенальном каре»³⁷). Возможно, что новое место работы было вначале несколько непривычно для Ребанэ, поскольку до этого ему приходилось заниматься исключительно партийно-политической работой, и музейное дело было новым для него направлением.

В сентябре 1937 г. для Мартина Михайловича Ребанэ, как и для многих соотечественников, наступил трагический период жизни. По ложному обвинению («за связь с врагами народа» и «участие в националистической организации»), он был исключен из рядов ВКП(б) и уволен с работы³⁸. Связано это было с чисткой национальных кадров в органах власти и в учреждениях. Трудоустроиться Ребанэ смог лишь в январе 1938 г., когда он был принят на работу, вначале в качестве заливщика катка, а затем — садовода в Парк культуры и отдыха имени Первой пятилетки³⁹. В августе 1939 г. М.М. Ребанэ был восстановлен в рядах партии, а спустя два месяца (15 октября) вновь был назначен заместителем директора Гатчинского дворца-музея и парка по массовой работе⁴⁰.

Но судьба в который раз не позволила Ребанэ задержаться надолго на одном месте. Приказом № 187 по Управлению культурно-просветительными предприятиями Ленсовета (УКППЛ) от 17 декабря 1939 г., он был назначен директором вновь созданного Ораниенбаумского дворца-музея и парка⁴¹. И на этой должности Мартин Михайлович проявил себя, по мнению начальника УКППЛ С.Л. Беспрозванного, «не только как хороший руководитель, но и как конкретный исполнитель той или иной работы, изучающий процессы работы, её технику». Более того, на посту директора М.М. Ребанэ лично проводил экскурсии по Китайскому дворцу, досконально изучив его историю. В целом, он характеризовался руководством Управления, как «усидчивый работник, исполнительный, честно относящийся к работе»⁴². Он принимал участие в написании текста путеводителя. При нем был составлен и утвержден в январе 1941 г. «Устав Ораниенбаумского дворца и парка Ленинградской области» и Положение о дирекции музея⁴³. В должности директора дворца и парка Ораниенбаума Ребанэ встретил Великую Отечественную войну.

С началом войны вновь произошли резкие перемены в судьбе Мартина Михайловича Ребанэ. В связи с тем, что директор Петергофских дворцов-музеев и парков Ю.В. Финкельштейн был призван в Красную армию, приказом № 99 по УКППЛ от 29 июня 1941 г. М.М. Ребанэ был назначен на должность директора дворцов и парков Петергофа, а Ораниенбаумский дворец-музей следовало «с 29 июня считать включенным в число объектов Петергофской дирекции»⁴⁴. Будучи уже директором Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков, в течение июля-сентября 1941 г. он провел колоссальную работу по эвакуации в тыл музейных предметов Петергофа и Ораниенбаума, о чем впоследствии подробно написал в своих воспоминаниях, хранящихся

³⁷ Государственный музей-заповедник «Гатчина» // Воспоминания А.И. Кузьмина. URL: <https://gatchinapalace.ru/special/publications/Vospominania%20Kuzmina.php> (дата обращения: 10.07.2025)

³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 233993/2. Л. 5–7.

³⁹ Так назывался Таврический сад в г. Ленинграде в период с 1930 по 1940 годы.

⁴⁰ ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 2 об., 4 об., 8, 11; Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 10–10 об.

⁴¹ Ораниенбаумский дворец-музей и парк находился в составе Петергофских дворцов-музеев и парков в период с октября 1925 по декабрь 1939 года.

⁴² ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 43. Д. 64. Л. 9–10, 12–13.

⁴³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2, 3–6. Д. 3. Л. 1–3.

⁴⁴ ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 25 об.–26.

в архиве Государственного музея-заповедника «Петергоф»⁴⁵. Уже потом, находясь в эвакуации, Мартин Михайлович собственноручно восстановил по памяти несколько кроков с обозначением мест захоронения парковой и фонтанной скульптуры Петергофа⁴⁶, чем значительно облегчил работу по ее поиску в 1944 г.

В ходе эвакуации удалось спасти лишь часть музейных ценностей Петергофских дворцов-музеев, правда, наиболее ценных. В период с июня по сентябрь 1941 г. из Петергофа в эвакуацию были отправлены шесть партий музейных предметов, которые ушли в разные города — в Горький (три партии), в Сарапул (одна партия) и Ленинград (две партии). В частности, в Горький 29 июня, 6 и 14 июля 1941 г. по железной дороге были вывезены 4968 музейных экспонатов, в Сарапул 22 и 28 августа (пятая очередь осталась в Ленинграде) по железной дороге — 7640 предметов и в Ленинград 13 сентября на автомобильном транспорте — 324 экспоната⁴⁷. Таким образом, под руководством Ребанэ было отправлено пять из шести очередей музейного имущества. Всего из Петергофа удалось вывезти и спасти 12932 наиболее ценных предмета, в том числе 8632 музейных экспоната, 1800 книг и 1500 фотографий, что составило около 22% всех музейных ценностей⁴⁸. Кроме того, на территории парков Петергофа были укрыты в земле 83 скульптуры (63 мраморных парковых и 20 фонтанных бронзовых), а 54 бронзовые скульптуры были вывезены в тыл. При этом пришлось оставить на месте 18 скульптур (7 мраморных и 11 бронзовых)⁴⁹. Наиболее крупной потерей стало оставление бронзовой скульптуры «Самсон, раздирающий пасть льва» работы скульптора М.И. Козловского, которую ввиду ее больших габаритов и веса оказалось невозможным демонтировать и вывезти в тыл или даже спрятать на территории парков, о чем М.М. Ребанэ даже написал специальную докладную записку руководству УКППЛ⁵⁰.

Накануне захвата Петергофа немецкими войсками 23 сентября 1941 г. М.М. Ребанэ переехал в Ленинград, где, по его словам, «сразу же очень тяжело заболел». В связи с его состоянием здоровья и необходимостью эвакуации в тыл, Управление культурно-просветительных предприятий Ленсовета издало приказ № 208 от 19 декабря 1941 г., которым освободило директора Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков Ребанэ от занимаемой должности, «как эвакуируемого по состоянию здоровья из г. Ленинграда»⁵¹. Первоначально он был отправлен в Пашский район Ленинградской области, где находился на излечении в больнице до февраля 1942 г., а затем его перевели в Казань, где находился ряд учреждений, подведомственных УКППЛ. Находясь в эвакуации, Ребанэ работал заведующим фермой в совхозе «Ныртинский» и директором семилетней школы в селе Чаксы Таканышского района Татарской АССР⁵².

В начале 1944 г. Мартин Михайлович Ребанэ был вызван ЦК КП(б) Эстонии, в связи с чем Татарский обком партии откомандировал его в распоряжение последнего. Вначале он находился в распоряжении Наркомата коммунального хозяйства Эстонской ССР,

⁴⁵ Архив ГМЗ «Петергоф». Р-263. Л. 1–28.

⁴⁶ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 485. Л. 1–4.

⁴⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Л. 10–11.

⁴⁹ Там же. Л. 8.

⁵⁰ Научный архив ГМЗ «Павловск». Ленинградский фонд. НВК 16215 (Ра-340а). Л. 2.

⁵¹ Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 10 об.; ОВАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 69–69об.

⁵² Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 5, 10 об.

где работал управляющим делами и занимался «подготовкой вопросов зеленого строительства в Эстонии». В период с мая по ноябрь 1944 г. М.М. Ребанэ работал лектором на курсах советского актива в Таллине, а также заведующим учебной частью и лектором на комсомольских курсах при ЦК КПЭ в г. Пушкине. Затем он был отозван обратно в Эстонию и назначен заведующим Домом партпросвещения при Таллинском горкоме КПЭ, где проработал до апреля 1946 г.

В дальнейшем Мартин Михайлович являлся преподавателем социально-экономических дисциплин в Таллинской школе милиции и заведующим партийным кабинетом Валгаского райкома компартии Эстонии. Последним и наиболее стабильным местом его работы стала должность директора Этнографического музея Академии Наук Эстонской ССР⁵³, находившегося в г. Тарту, которую он занимал в период с 17 февраля 1951 по 1 июля 1958 гг. После этого М.М. Ребанэ вышел на пенсию⁵⁴.

Занимая директорскую должность, Мартин Михайлович не переставал интересоваться судьбой Петергофских музеев и парков, посетил их в 1957 г. и затем написал письмо в Управление культуры Ленгорисполкома, где обращал внимание на плохое состояние парка и дворцов и просил всячески ускорить темпы восстановления дворцово-паркового комплекса⁵⁵. Тема истории Петергофских дворцов-музеев и парков в дальнейшем не оставляла М.М. Ребанэ, и в 1967 г. по собственной инициативе он написал подробные воспоминания об эвакуации музейных предметов в начале Великой Отечественной войны, которые направил в Дирекцию дворцов-музеев и парков Петродворца⁵⁶. Благодаря этомуенному источнику, мы теперь знаем от очевидца тех событий, как проходил этот процесс и какие трудности при этом возникали.

За время своей более чем 50-летней успешной трудовой и боевой деятельности Мартин Михайлович Ребанэ был награжден орденом Красного Знамени (в 1919 г.), орденом Трудового Красного Знамени (в 1950 г.) и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (в 1945 г.)⁵⁷. Скончался он в Таллине 24 июля 1973 г.⁵⁸

Оценивая жизненный путь М.М. Ребанэ, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на сложности и перипетии его жизненного пути и множество мест работы, самой большой, поистине выдающейся его заслугой стало спасение музейных ценностей Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков летом-осенью 1941 г. Именно благодаря его незаурядным организаторским способностям, целеустремленности и энергии, удалось подготовить к эвакуации и отправить на «Большую землю», а также спрятать на территории парков наиболее ценную часть музеевого собрания Петергофских дворцов-музеев и парков. Тем самым, оказалось спасенным ценнейшее культурное наследие страны, что существенно помогло послевоенному восстановлению дворцов и павильонов.

Список литературы

Гражданская война и интервенция в СССР: Энциклопедия. Изд. 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.

⁵³ В настоящее время — Эстонский Национальный музей (Eesti Rahva Muuseum).

⁵⁴ Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 5, 10 об.–11, 14, 15,

⁵⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–105. Оп. 1. Д. 606. Л. 1–2 об.

⁵⁶ Архив ГМЗ «Петергоф». Р–263. Л. 1–28.

⁵⁷ Архив Эстонского Национального музея (Eesti Rahva Muuseum). Личное дело М.М. Ребанэ. Л. 5об., 13.

⁵⁸ Сведения предоставлены эстонским историком, доктором наук Урмасом Сало в 2017 году.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. М.: Политиздат, 1990. 430 с.

Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002. 672 с.

Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. Сост. П.В. Петров, Т.Г. Яковleva. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019. (Серия «Петергофская летопись». II). Том I. 460 с.

Петров П.В. Мартин Михайлович Ребанэ: судьба музеиного деятеля // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал. 4–6 апреля 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 188–191.

References

Grazhdanskaya vojna i intervenciya v SSSR: Enciklopediya. [Civil War and Intervention in the USSR: Encyclopedia]. Izd. 2-е. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1987. 720 p. (In Rus.).

Kakurin N.E. *Kak srazhalas' revolyuciya. T. 2. 1919–1920 gg.* [How the Revolution Fought. Vol. 2. 1919–1920.]. M.: Politizdat, 1990. 430 p. (In Rus.).

Kakurin N.E., Vacetis I.I. *Grazhdanskaya vojna. 1918–1921.* [Civil War. 1918–1921]. SPb.: Poligon, 2002. 672 p. (In Rus.).

Peterhof v Velikoj Otechestvennoj vojne: 1941–1945. Sost. P.V. Petrov, T.G. Yakovleva. [Peterhof in the Great Patriotic War: 1941–1945. Comp. P.V. Petrov, T.G. Yakovleva]. SPb.: GMZ «Peterhof», 2019. (Серия «Petergofskaya letopis'». II). Том I. 460 p. (In Rus.).

Petrov P.V. Martin Mihajlovich Rebane: sud'ba muzejnogo deyatelya [Martin Mikhailovich Rebane: the fate of a museum figure], in *Muzej i vojna: sud'ba lyudej, kollekciij, zdaniij. Sbornik dokladov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k 80-letiyu Ekaterinburgskogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv i 75-letiyu evakuacii kollekciij Gosudarstvennogo Ermitazha na Ural. 4–6 aprelya 2016 g.* Ekaterinburg, 2016. P. 188–191 (In Rus.).

Зайцева Т.В.

РУКОПИСЬ РАССКАЗА «ХРАНИТЕЛЬ МУЗЕЯ» Б.Л. БРОДЯНСКОГО:
ОБРАЗ ХРАНИТЕЛЕЙ ПРИГОРОДНЫХ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ
В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ.

Зайцева, Татьяна Владимировна — обучающаяся по ООП «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, st106913@student.spbu.ru.

Научный руководитель — Олег Анатольевич Любезников, кандидат исторических наук, доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников, Санкт-Петербургский государственный университет.

Публикация впервые вводит в научный оборот рассказ блокадного периода писателя и журналиста Б.Л. Бродянского, хранящийся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Блокада Ленинграда является одной из самых тяжелых и трагических страниц в истории города, и отдельное место в ней занимает деятельность музейных сотрудников по сохранению культурных ценностей. Так, рассказ Б.Л. Бродянского является иллюстрацией того, что подвиг музейных хранителей был оценен еще в годы войны. В тексте повествуется о тяжелых буднях музейных сотрудников, работавших в Объединенном хозяйстве музеев в блокадном Ленинграде. Особая ценность рассказа, написанного еще в годы войны, заключается в том, что описанные в нем детали совпадают с воспоминаниями и дневниками самих музейных сотрудников.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, Объединенное хозяйство музеев, М.А. Тихомирова, Б.Л. Бродянский, музейные сотрудники, Исаакиевский собор.

MANUSCRIPT OF THE STORY “THE MUSEUM’S CURATOR”
BY B.L. BRODYANSKY: THE IMAGE OF THE CURATORS
OF SUBURBAN PALACE-MUSEUMS IN BLOCKED LENINGRAD

Zaitseva, Tatyana Vladimirovna — a student of the bachelor program “Museology and conservation of cultural and natural heritage sites”, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, st106913@student.spbu.ru.

The scientific supervisor — O.A. Lyubeznikov, Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University.

The publication introduces for the first time into scientific circulation the story from the siege period by the writer and journalist B.L. Brodyansky, which is preserved in the Central State Archive of Literature and Art in St. Petersburg. The Siege of Leningrad is one of the most difficult and tragic chapters in the city's history, and the efforts of museum staff to preserve cultural values hold a special place within it. B.L. Brodyansky's story illustrates that the heroism of museum custodians was recognized even during the war years. It recounts the

challenging daily lives of museum staff working in the United Museum Economy during the siege of Leningrad. The particular value of this story, written during the war, lies in the fact that the details described align with the memories and diaries of the museum staff themselves.

Key words: Leningrad, blockade, United Museum Economy, M.A. Tikhomirova, B.L. Brodovsky, museum staff, St. Isaac's Cathedral.

В первые дни Великой Отечественной войны сотрудниками музеев в рекордные сроки были собраны и отправлены в эвакуацию музейные коллекции из Ленинграда и пригородных дворцов-музеев. Всего из пригородных дворцов-музеев было организовано шесть очередей эвакуации в города Горький и Сарапул, однако шестая очередь музейных предметов не была отправлена из-за нарушения транспортного сообщения¹.

В сентябре 1941 г. было прекращено железнодорожное движение², что сделало невозможным дальнейшую отправку экспонатов пригородных дворцов-музеев по железной дороге вглубь страны. В результате Управлением культурно-просветительскими мероприятиями Ленсовета (в дальнейшем — УКППЛ) было принято решение перевезти пятую очередь из Красногвардейска (с 1944 г. — Гатчины) и шестую очередь из Пушкина, Петергофа и Слуцка (с 1944 г. — Павловска) музейных экспонатов в Ленинград на 44 автомашинах³. Всего в Ленинград было вывезено 12 000 предметов, среди которых преобладала бронза, фарфор, живопись, ткани, бумага и мебель.

Коллекции, прибывшие в Ленинград, размещаются в Исаакиевском соборе (Государственном Антирелигиозном музее), который 15 июля 1941 г. стал центром Объединенного хозяйства музеев. Здесь в годы войны сохранялись коллекции самого Исаакиевского собора, Летнего сада, Домика Петра I, Музея истории и развития Ленинграда и пригородных дворцов-музеев Ленинграда.

Деятельности Объединенного хозяйства музеев посвящено немало исследований. В ряде исследований Объединенное Хозяйство музеев выделяется как один из центров в контексте сохранения коллекций конкретных музеев. Так, например, Р.Р. Гафиуллин описывает отправку части коллекций Павловского дворца-музея в Ленинград и деятельность по ее сохранению в Объединенном хозяйстве музеев⁴. Также описывается судьба коллекций Петергофских-дворцов музеев современным исследователем П.В. Петровым⁵. В других исследованиях, посвященных истории Государственного Антирелигиозного музея, изучается непосредственно деятельность Объединенного хозяйства музеев на протяжении нескольких лет. Так, например, А.В. Голованова и Ю.В. Мудров пишут о подготовке самого здания к размещению коллекций, о работе музейных сотрудников

¹ Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музеи и власть: государственная политика в области музеиного дела. XVIII—XX вв.: сб. науч. труд. М., 1991. С. 179.

² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 276 (Управление культпросветпредприятиями Ленгорисполкома). Оп. 1. Д. 58. Документы по эвакуации, консервации музейных ценностей из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов (отчеты, списки, акты). Л. 2.

³ Там же. Л. 48.

⁴ Гафиуллин Р.Р. Павловский дворец-музей. Эвакуация и хранение музейных предметов в годы Великой Отечественной войны. Начало возрождения Павловска. Сохраняя наследие: история эвакуации музейных ценностей в г. Новосибирск, 1941—1945: сборник статей. Красноярск, 2020. С. 276—291.

⁵ Петров П.В. Петергофские дворцы-музеи в эвакуации // Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941—1945. Том I. СПб., 2019. С. 18—35.

по сохранению культурных ценностей в годы блокады⁶. Важнейшими источниками для этих исследований являются дневники, письма и воспоминания музейных сотрудников, работавших в блокадном городе. Именно их изучение и сопоставление позволяет раскрыть детали блокадной повседневности хранителей.

Марина Александровна Тихомирова, хранитель коллекций Петергофского дворца-музея, работавшая в Исаакиевском соборе с 1943 г. писала: «Изнутри собора летом и зимой несло мертвенным холодом <...> Громадное неотапливаемое здание собора зимою промерзло насквозь, а к весне отпотевало так, что вода каплями выступала на внутренних стенах и колоннах <...> наш собор, по чьему-то меткому выражению был “настоящим живой могилой”»⁷. О страшном холоде писала и Анна Ивановна Зеленова, которая с 21 августа 1941 года была назначена директором Павловского дворца-музея и ответственным лицом за эвакуацию музейных экспонатов: «В те суровые зимы мороз на улице переносился легче, чем промозглый холод Исаакия»⁸.

Согласно отчету Управления по делам искусств о проделанной работе за 8 месяцев 1942 г., поступившем 29 августа 1942 г. в Ленгорисполком, в первые месяцы зимы 1941–1942 гг. отсутствовали отопление и электричество, чрезвычайно тяжелыми были условия как для музейно-хранительской, так и для научной работы⁹.

Сохранились описания Исаакиевского собора, принадлежавшие не только музейным сотрудникам. Марина Александровна вспоминала, что напротив Исаакиевского собора, в гостинице «Астория», размещались военные корреспонденты, журналисты и писатели: «Среди обитателей «Астории» были и наши друзья. Порой кто-нибудь из них забегал к дежурному Исаакия поделиться фронтовыми новостями, угостить консервами из ершей с бесчисленными косточками, выпить горячего чая в будочке или на портике». Среди них был журналист Борис Львович Бродянский (1902–1945), который, как писала Тихомирова, «очень интересовался нашими музейными делами и даже писал о них»¹⁰. В существующей на сегодня научно-исследовательской литературе нет специальных работ, посвященных этому сюжету.

Борис Львович Бродянский родился 10 июня 1902 г. в Китае в семье дипломата. После революции семья оказалась в Петрограде, только окончивший школу Борис участвовал в Гражданской войне, а печататься начал с 1918 г. С 1924 г. работал сценаристом на Ленинградской фабрике «Совкино» (позже «Ленфильм») и «Белгоскино». Его сценарий для детского фильма «Адрес Ленина» был высоко оценен А.В. Луначарским. Борис Львович писал критические статьи о кино и театральном искусстве, преподавал в различных учебных заведениях и в 1934 г. стал членом Союза писателей СССР¹¹. Во время Великой Отечественной войны он был старшим лейтенантом и начальником агитвзвода при Политуправлении Ленинградского фронта, организовав более двух тысяч концертов

⁶ Голованова А.В., Мудров Ю.В. Исаакиевский собор — символ города, не сломленный блокадой// Вестник «Зодчий. 21 век». 2020. № 1 (74). С. 14–23.

⁷ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События: из записок музейного работника. Л., 1969. С. 12–14.

⁸ Зеленова А.И. Статьи, воспоминания, письма. СПб., 2006. С. 90.

⁹ Третьяков Н.С. Спасение историко-художественных памятников пригородных дворцов-музеев Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и первый послевоенный период (1941–1948 гг.): автореферат дис. канд. ист. наук. СПб., 1991. С. 15.

¹⁰ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События. С. 19–20.

¹¹ Сценаристы советского художественного кино. 1917–1967. Справочник. /Антропов Б.Н., Глаголева Н.А. и др. М., 1972. С. 58–59.

на фронте. В это же время он публикует работы, посвященные защитникам Ленинграда, как, например, книга «Борьба за Ленинград. Летчики», изданная в 1944 г.¹² Некоторые из его работ транслировалась в радиоэфире, и к их числу относится обнаруженный рассказ, посвященный работе Объединенного хозяйства музеев.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга сохранилась рукопись рассказа Б.Л. Бродянского 1943 г. «Хранитель музея». Это художественный рассказ, однако при его изучении становится ясно, что Борис Львович действительно общался с музейными сотрудниками и был свидетелем происходящего — можно проследить общие моменты из истории Объединенного хозяйства музеев, встречающиеся в самом рассказе, в воспоминаниях хранителей и в архивных документах, раскрывающих будни музейных хранителей. В рассказе освещается история юной хранительницы коллекций пригородного дворца-музея, начиная с момента упаковки и погрузки ящиков для отправки в Ленинград. Интересны некоторые детали, совпадающие с воспоминаниями хранителей.

Так, например, Б.Л. Бородянский пишет: «Внутрь больших тяжелых ящиков вкладывали паспорта с точным наименованием сокровищ. На крышках ставились номера — охрой, и доски забивались гвоздями». Действительно, в каждый ящик вкладывались краткие описи предметов. Кроме того, как вспоминал Анатолий Михайлович Кучумов, сотрудник Пушкинских дворцов-музеев, на крышки ящиков наносились надписи, правда, черной краской: «Пушкинский музей, Ящик №» и здесь же — «Осторожно, не кантовать». Чтобы не привлекать внимания, отказались от слова «дворец-музей»¹³.

Именно Исаакиевский собор становится следующим местом действия в рассказе. Интересно, что прямо место не было названо, но Бородянский описывает его так, что не остается сомнений — это именно Исаакиевский собор: «Под сумрачными, циклопическими сводами старинного ленинградского здания, воздвигнутого полтора столетия тому назад, бережно хранились шедевры искусства, вывезенные из пригородных дворцов», или «...переступила высокий порог и входила в зал, погруженный в полумрак. Свет таинственно пробирался из-под купола, освещая полосами пышную лепку орнамента на стенах. Неверные блики падали то на темно-синие колонны, то на полированную облицовку порталов из уральских самоцветов, то на купол мозаики. Отмечал Борис Львович и страшный холод: «Под сводами высокого здания, ставшего хранилищем спасенных шедевров искусства, было всегда значительнее холоднее, чем на улице»¹⁴.

В рассказе есть и яркие примеры того, что Борис Львович не раз посещал музейных сотрудников в соборе, зная детали их повседневной жизни. Например, он описывает маленькую будочку: «Подле старинного здания, на огромных гранитных ступенях подножья колоннады прилепилась фанерная сторожка с крошечной печуркой. Будочка эта служила пристанищем для научных сотрудников, которые тоже несли круглосуточную вахту». Он очень точно передает детали, не раз встречавшиеся в воспоминаниях хранителей. Ведь именно эту «будочку» Марина Александровна Тихомирова описывала как

¹² Бородянский Борис Львович// Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век» / гл. ред. и сост. О.В. Богданова // Книжная лавка писателей. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/b/brodyanskij-> (Дата обращения: 08.08.2025).

¹³ Кучумов А.М. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2004. С. 63.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Государственная телерадиокомпания «Петербург — 5 канал». Санкт-Петербург. 1933–1998). Оп. 2–1. Д. 1156. Рукопись рассказа Бориса Бородянского — «Хранитель музея». Л. 3.

место, которое благодаря буржуйке, служило и научным кабинетом, и приемной, и залом заседаний. Здесь отгревались, отдыхали, здесь составлялись акты о проверках вещей, писались статьи, обсуждались планы работ¹⁵.

Сам Исаакиевский собор в рассказе не называется, место не указывалось специаль-но. В годы войны о расположении внутри собора хранилища знали немногие, а рассказ прозвучал по радио во всем Ленинграде, об этом свидетельствует вложенный в рукопись лист. Согласно ему, после того как текст был проверен цензором, он был разрешен к передаче по радио¹⁶. И 11 октября 1943 г. с 9:00 утра до 9:24 по ленинградскому радио прозвучала литературная передача: Рассказ Бориса Бродянского «Хранитель музея»—из цикла «Ленинградские были». Исполнял рассказ актер театра и кино, оперный певец и режиссер Павел Яковлевич Курзнер¹⁷. Внизу каждой страницы стоит печать о проверке текста цензором Ленгорисполкома.

Б.Л. Бродянский пишет и о коллекциях, находящихся в соборе, и о девушках, служащих в МПВО, защищающих Исаакиевский собор, о работе хранителей, о чьих дежурствах подробно рассказывала в своем дневнике Серафима Николаевна Балаева, заведующая художественным сектором Гатчинского дворца-музея, которая стала главным хранителем Объединенного хозяйства музеев¹⁸. Но одной из самых подробно описанных является история про ящик, который не имел своего номера. Как указывал журналист, содержимое этого ящика «вот уже два года оставалось загадкой». Но разгадать эту загадку хранительница не могла—ящик был заставлен другими экспонатами, и самостоятельно к нему не подобраться. О дальнейшем развитии этой истории Бродянский пишет—добраться до ящика и вскрыть его юной хранительнице помогла целая группа солдат из батальона выздоравливающих. И после вскрытия обнаружилось, что внутри бронзовая модель, повторяющая в мельчайших деталях памятник Петру I, известный как «Медный всадник»¹⁹.

Самое интересное то, что история, описанная в рассказе, абсолютно реальна. О ней пишет и М.А. Тихомирова, рассказывая о ящике без номеров и об удивительном открытии. Единственные отличия—в жизни необходимость освобождать нижние ящики была вызвана опасениями за сохранность тканей и ковров, которые нужно было доставать для проверки состояния. А уже в ходе этих спасательных работ и был обнаружен ящик без подписи. И помогали хранителям не выздоравливающие, а попавшие на гауптвахту за мелкую провинность, но «стремящиеся к делу» солдаты²⁰.

Таким образом, несмотря на то что рассказ является художественным, можно проследить, что основан он на реальных событиях и посвящен реальным людям. Особая его ценность в том, что написан он был не спустя много лет, когда многое могло быть

¹⁵ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События. С. 15.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Государственная телерадиокомпания «Петербург—5 канал». Санкт-Петербург. 1933–1998). Оп. 2–1. Д. 1156. Рукопись рассказа Бориса Бродянского—«Хранитель музея». Л. 1А.

¹⁷ Павел Яковлевич Курзнер (1886–1948)—советский актер театра и кино, оперный певец, артист эстрады.

¹⁸ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб., 2005. С. 101–145.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 293 (Государственная телерадиокомпания «Петербург—5 канал». Санкт-Петербург. 1933–1998). Оп. 2–1. Д. 1156. Рукопись рассказа Бориса Бродянского—«Хранитель музея». Л. 5–9.

²⁰ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События. С. 31.

забыто или искажено в памяти, а в момент, когда эти события происходили. Рассказ Бориса Львовича Бродянского — живое свидетельство того, что подвиг музейных сотрудников, работавших в блокадном Ленинграде, был оценен еще в годы войны.

Борис Бродянский²¹

Хранитель музея²².

Ленинградская быль.

В аллеях тревожно шумели старые липы. Снаряды ложились уже в самом парке, неподалеку от дворца. Один из них ударил в большую клумбу георгин перед фасадом. Воздушная волна повалила мраморную статую в центре одного из фонтанов.

Но, несмотря на жестокий, все усиливающийся обстрел, несколько работников музея и три пожилых сторожихи, молча, быстро и без суеты продолжали нагружать машины, отходившие одна от другой. Они стремились сберечь все, что только возможно: гобелены, штофную мебель, картины, старинные клавесины, хрусталь, ковры и бронзу.

Внутрь больших тяжелых ящиков они вкладывали паспорта с точными наименованиями сокровищ. На крышках ставились номера — охрой, и доски забивали гвоздями. Потом ящики тяжелые, громоздкие, с трудом втаскивали на платформы автомобилей.

Один из ящиков, однако, пронумеровать так и не удалось, и паспорта на него не пришлось заполнить.

Немецкие мотоциклисты-автоматчики показались на парковых аллеях, и этот ящик в последнюю минуту пришлось просто втянуть на машину. Шофер рванул с места, машина помчалась по асфальту шоссе по направлению к Ленинграду.

На ящике, рискуя ежеминутно упасть, сидела Марина — хранитель богатств музея, советский археолог... Марина вцепилась руками в веревку, обвязывавшую ящик. Ветер сорвал с ее головы соломенную шляпу, растрепал крупные локоны рыжеватых волос, напоминавших дамские прически на старых портретах девятнадцатого века. В обычное время Марина к этим прическам слегка привыкла.

Машина развивала скорость. Шуршал асфальт, позади слышались тяжелые и гулкие, подобные ударам литавр, пушечные разрывы.

Молодая женщина никогда не смогла позабыть этого осеннего прозрачного дня сорок первого года.

С тех пор прошло более двух лет. И тот же ящик, по-прежнему без номера, с неизвестным содержанием стоял перед ней. Она внимательно посмотрела на крышку, точно человеческий взор способен проникать сквозь толстые доски...

«— Это — бронза», — подсказало Марине подсознательное чувство. «Безусловно бронза... Но что же именно?»

У Марии кончилось очередное дежурство. Под сумрачными, циклопическими сводами старинного ленинградского здания, воздвигнутое полтора столетия тому назад, бережно хранились шедевры искусства, вывезенные из пригородных дворцов. Двойная охрана оберегала их. Девушки в серых комбинезонах — бойцы команд местной противовоздушной обороны — регулярно выходили на посты, крепко сжимая тонкими пальцами стволы винтовок. Подле старинного здания, на огромных гранитных ступенях подножья колоннады прилепилась фанерная сторожка с крошечной печуркой. Будочка эта служила пристанищем для научных сотрудников, которые тоже несли круглосуточную вахту.

²¹ В тексте имя и фамилия автора выделены подчеркиванием.

²² Название рассказа выделено двойным подчеркиванием.

Здесь дежурили искусствоведы, археологи или просто руководители экскурсий, получившие подготовку в наших музеях.

Свои дежурства Марина очень любила. Огромным, точно бутафорским ключом открывала она массивные двери черного дерева, украшенные металлическими барельефами: дверцы трудно было сдвинуть с места, но потом дверцы поддавались с неожиданной легкостью, уходили в сторону. Марина переступала высокий порог и входила в зал, погруженный в полумрак. Свет таинственно пробирался из-под купола, освещая полосами пышную лепку орнамента на стенах. Неверные блики падали то на темно-синие колонны из ляпис-лазури, то на полированную облицовку порталов из уральских самоцветов, то на куски мозаики.

На узорчатом каменном полу стояли ящики с намалеванными на их крышках номе-рами. В круглых деревянных клетках виднелись золоченые статуи. Поодаль лежали груды оружия минувших эпох: сабли, мушкеты и карликовые мортиры, а подле них—садовые украшения, куски кованых ажурных решеток. Тут лежали причудливо смешанные творения живописцев, резчиков по дереву и кости, ваятелей, граверов, гравильщиков стекла и камня, ювелиров-чеканщиков, там—изделия ткачих, кружевниц, мастеров китайского фарфора, скульпторов и литейщиков.

Хаос был, конечно, только кажущимся: научные сотрудники вели реестры, знали расположение сокровищ, доверенных их попечению. В этом безбрежном море разнообразных предметов, разных стран и эпох, Марина ощущала себя уверенно. Она могла, не заглядывая в инвентарные списки, сказать: вот в той клетке—золоченый воин с Большого Петергофского каскада; а там—французский фарфоровый туалетный прибор императрицы Елизаветы. В случае пожара или другой какой-либо катастрофы Марина наверняка бы не растерялась. Молодая женщина дала бы верные указания, что нужно выносить в первую очередь, что—во вторую. Марина знала, помнила и наглядно представляла себе расположение всех сокровищ.

В самом центре старинного здания, ставшего хранилищем спасенных шедевров искусства, оставалось небольшое свободное пространство. Под сводами высокого здания было всегда значительно холоднее, чем на улице. Марина, задерживаясь на дежурствах, чтобы согреться начинала петь и танцевать фантастические танцы в такт песне. Женский голос, усиленный многократным отражением, звучал торжественно, взлетая под самый купол, откуда пробивался косой луч света.

Молодая женщина никогда не теряла ясной бодрости духа. Она аккуратно пришла на дежурство и в тот день, когда артиллерийский снаряд, выпущенный врагом, разорвался в ее собственной маленькой квартире. Марина пришла на дежурство охранять предметы искусства, хотя могла не достучаться многих, не музейных, конечно, но накопленных трудом, обжитых и любимых предметов обихода, погребенных под обломками рухнувшей стены.

Ящик, лишенный номера, научные сотрудники в шутку прозвали «таинственным». Марину-хранителя давно смущало отсутствие сведений о его содержимом: нужно было открыть и проверить: что в нем сохранилось. Но ящик стоял удивительно не удобно, он был заставлен громоздкими ящиками; для того, чтобы к нему проникнуть требовалась посторонняя, причем обязательно мужская, помощь.

Однажды на дежурстве Марину разыскал ее старый знакомый—Филипп Иванович Коршунов, работавший до войны в маленьком, но интересном музее—музее городской скульптуры. Встрече с Коршуновым Марина обрадовалась. Она ценила этого любопытного

человека, самородка, самоучку, не получившего систематического образования, но отлично изучавшего прошлое искусства и, особенно, прошлое русского искусства.

Война помешала Филиппу Коршунову закончить научную работу, посвященную истории русской скульптуры.

В июле сорок первого года музейный работник Коршунов, в юности участвовавший в гражданской войне, вновь надел красноармейскую гимнастерку. Коршунов храбро дрался в движениях народного ополчения, был контужен и ранен, пролежал два месяца в госпитале и затем вновь встал в строй защитников Ленинграда.

— Раньше мы только изучали историю, а теперь сами ее делаем,—улыбнулся он.

В сорок третьем году Филип Иванович вторично получил серьезное ранение осколком мины. Он вылежал меньше, чем полагалось, и находился теперь в батальоне выздоравливающих. Марина нашла, что Коршунов мало изменился:

— Вот вы какой!—сказала ласково молодая женщина, глядя на две золотых и одну красную полоску и орден Красной звезды, украшавших грудь человека, недавно бывшего только искусствоведом.

— Не посрамили, можно сказать, нашей корпорации, Филипп Иванович. А еще говорят, что музейные работники сами в Кунсткамеру просятся, в банки с формалином...

Хранилище сокровищ, порученное Марине и ее товарищам, заинтересовало Коршунову. Он задумался и потом сказал:

— Порядочно, значит, оберегали. Вы радость искусства для народа сохранили: война кончится, враг будет уничтожен и многие из этих шедевров займут свое старое место, глаз будут радовать. Вы красоту, человеком рожденную, укрыли от немцев. Это—хорошее дело!

Марина рассказала Коршунову о своей работе, упомянула она и об эпизоде с ящикиком, лишенным номера, содержимое которого вот уже два с лишним года продолжало оставаться загадкой для окружающих.

Коршунов пообещал Марине прийти в следующий раз с целой группой командиров из батальона выздоравливающих:

— Ну, вроде экскурсии,—сказал он.—И вам все поможем переставить, и яичек заодно освидетельствуем...

В ближайший выходной день Коршунов сдержал обещание. Большая группа офицеров входила под своды исторического здания. Марина немедленно начала командовать этим неожиданно появившимся подкреплением.

Предприняла давно назревшую передвижку наиболее тяжелых предметов. Работа спорилась и скоро подоспела очередь вскрывать таинственный ящик. Марина принесла инструменты:

— О, нет,—сказал Коршунов,—каждая работа требует вознаграждение! Уговор дороже денег: какое бы произведение искусства мы в нем не обнаружили, вы, Марина, обязуетесь рассказать о нем нашим командирам.—Согласны? Тогда по рукам!

Офицеры с трудом освободили большой ящик и выдвинули его на середину. С треском отлетели доски крышки, плотно забитые машинными гвоздями. Окружающие нетерпеливо заглянули внутрь...

Красный плотный шелк старого знамени, обшитого потемневшей тесьмой, скрывал очертание предмета, занимавшего почти весь ящик.

— Отойдите,—сказала Мария спокойным тоном,—дайте мне самой посмотреть...

Ее руки погрузились в складки материи...

— Я была права, действительно, бронза, и вдобавок шелк оказался для нее надежной защитой, сырость сюда не проникла... Теперь можете вынимать.

Из складок красного шелка, слегка выцветшего, но сохранившего свой благородный теплый оттенок, показалась темная бронзовая модель тонкой и вдохновенной работы. Модель повторяла в малейших деталях памятник Петру «Медный всадник».

Наступила тишина.

И Марина, и Коршунов, и офицеры невольно залюбовались моделью.

Первый нарушил торжественное молчание Коршунов:

— Должно быть тепло было Петру в складках знамени! — пошутил он. А потом, помолчав, добавил: — Знаете, как называется камень, из которого сделано подножье Медного Всадника на площади Декабристов? Гром-скала. Камень, меченый острием удариившей в него молнии, привезли в Петербург с превеликими усилиями из Лахты. По преданию, когда Петру довелось однажды быть в Лахте, он въезжал на эту скалу верхом на коне...

Коршунов развернул знамя, которым была окутана модель. На полотнище мелькнула надпись: «Красная гвардия Петергофских железнодорожных мастерских».

— Ну, а теперь, Марина, вам придется оплатить наш труд интересным рассказом, — сказал Коршунов. — Нам ведь предстоит еще переноска модели, а вещь то увесистая!..

— Я честно выполню свое обещание, Филипп Иванович. Я расскажу товарищам офицерам одну петербургскую легенду о Медном Всаднике. Вдобавок легенда эта имеет продолжение в наши дни. И вы, Филипп Иванович, в некотором роде, одно из действующих лиц.

— Любопытно! — расхохотался Коршунов.

— В дни войны восемьсот двенадцатого года, — начала рассказ Марина, — войны с Наполеоном, опасность нашествия после падения Москвы в какой-то степени грозила и Петербургу. При дворе царя пошли разговоры о том, что следовало бы из города увезти памятник Петру. «Наполеон может попытаться, — говорили придворные, — украсить одну из площадей Парижа творением Фельконета». Александр Первый — гласит легенда — послушался придворных и велел отпустить несколько десятков тысяч рублей на перевозку Медного Всадника из Петербурга в безопасное место. Но тут произошел случай. К одному из наиболее близких к царю людей, к князю Голицыну пришел старый ветеран-майор в отставке Батурин. Майор поведал князю о сне, который трижды видел, причем, якобы, три ночи подряд. В полночь, говорил майор князю, — со своего пьедестала Гром-скала соскочил Петр на коне и прыгнув через Сенатскую площадь и Исаакиевский мост на Петербургскую сторону. По дороге завернув к своему домику, просмотрел все ли там в порядке, перепорхнул через его крышу прямо на Каменный остров. А в ту ночь в Каменноостровском дворце находился царь. Александр, заслышав стук бронзовых копыт под окнами, опустился по лестнице навстречу необычайному всаднику. Прадед по-глядел сердито на внука, сверкнул очами и сказал: «Зачем ты тревожишь меня? Верь моим солдатушкам... Знай, покуда я стою на своей скале — Петербург неприступен!». — «Ты не врешь про сон? — сердито спросил ветерана князь Голицын. — Не думаю, ваше сиятельство, что я вру», — ответил хитро майор и посмотрел на князя единственным умелевшим взглядом. О снах майора Батурина Голицын доложил Александру Первому. Александр улыбнулся, но приказ свой — вывезти памятник Петра из Петербурга — отменил.

— Это же распространенная в девятнадцатом веке легенда, — сказал Коршунов, — легенду мог знать Пушкин ... Считается в ней — зародыш Медного Всадника.

— Подождите, не перебивайте,— продолжала Марина. Модель, которая стоит перед вами, увезенная под обстрелом врагов, была преподнесена городом Петербургом городу Петергофу в день двухсотлетия города Петергофа—в торжественной обстановке... Я думаю, товарищи офицеры, что скоро эта модель вернется на старое место.

Офицеры молчали. Медали на оливковых лентах золотились на груди у каждого.

— А теперь продолжение... Кажется, в августе сорок первого года Филипп Иванович выезжал в Ленинград с передовых. Он заглянул на место своей старой службы. Я там его и встретила. Филипп Иванович говорил по телефону: до моих ушей долетели странные слова—о своем?—«не эвакуируете транспорта к Медному Всаднику!»—Но зачем же вы вызвали транспорт к Медному Всаднику?—недоумевала я.—Привезут мешки с песком,—ответил мне Филипп Иванович,—мы закроем памятник надежным футляром. Ни один осколок не прикоснется к нему.

Марина повернулась к Коршунову:

— Вы помните этот случай, Филипп Иванович?

— Точно!.. Мы в тот день помню Медного Всадника закрывали и памятник Ильичу—у Финляндского вокзала. С памятником Ильичу у меня связано одно интересное воспоминание. Много в моем батальоне казахов-снайперов было—охотники, степному зверю в глаз попадают, а лучший среди них—Карамбаев. Он из урочища происходит Куян-Куз, что значит по-казахски «Заячий глаз». Были мы с Карамбаевым в городе однажды—ордена в Смольном в один день получали, только ему побольше—орден Ленина тогда дали... Интересовался Карамбаев городом нашим очень: в первый раз в Ленинграде побывать казахом-снайпером пришлось!.. Часов пять мы с ним по Ленинграда ездили —все я объяснял. В конце концов очутились на площади перед вокзалом. Заходившее солнце освещало красноватыми лучами, точно богатырский курган, поросший травой,—защитную пирамиду вокруг памятника. Я все рассказал Карамбаеву и про место это историческое, и про возвращение товарища Ленина в семнадцатом году, и про памятник—броневик, на котором стоит бронзовый Ильич, вытянувший руку. В киоске мне удалось купить открытку с изображением памятника. Я подарил ее снайперу. Карамбаев бережно спрятал подарок.

Прошло двое суток. Дважды истребитель Карамбаев пополнил свой счет. На третий день—вечером—я застал Карамбаева в блиндаже. Героя окружали земляки. На столбе была прибита мною подаренная фотография. Пожилой казах перебирал струны домры. Казахи-певцы импровизировали тут же свои протяжные песни.—О чём ты поешь сегодня, храбрец,—спросил я Карамбаева.

— О чём я пою-атта-капитан?.. Карамбаев поет так... Идем мы в атаку...и с громом открывается каждый раз гора и выезжает из нее танк... На танке стоит Ленин...Впереди нас в бой едет...И рукой своей поднятой дорогу указывает нам. Один джбл—дорога есть у нас—вперед...

ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2-1. Д. 1156. Л. 1-11.
Машинопись.

Список литературы

Гафиуллин Р.Р. Павловский дворец-музей. Эвакуация и хранение музейных предметов в годы Великой Отечественной войны. Начало возрождения Павловска // Сохраняя наследие: история эвакуации музеиных ценностей в г. Новосибирск, 1941–1945: Сб. ст. Красноярск, 2020. С. 276–291.

Голованова А.В., Мудров Ю.В. Исаакиевский собор — символ города, не сломленный блокадой// Вестник «Зодчий. 21 век». 2020. № 1 (74). С. 14–23.

Петров П.В. Петергофские дворцы-музеи в эвакуации // Петергоф в Великой Отечественной войне: 1941–1945. Том I. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019. С. 18–35.

Сценаристы советского художественного кино. 1917–1967. Справочник. / Антропов Б.Н., Глаголева Н.А. и др. М.: Искусство, 1972. 439 с.

Третьяков Н.С. Спасение историко-художественных памятников пригородных дворцов-музеев Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и первый послевоенный период (1941–1948 гг.): автореферат дис. канд. ист. наук. СПб., 1991. 24 с.

Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. М.: НИИК, 1991. С. 173–216.

References

Fatigarova N. V. Muzejnoe delo v RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (aspekty gosudarstvennoj politiki) [Museum Work in the RSFSR during the Great Patriotic War (Aspects of State Policy)], in *Muzej i vlast'*. Moscow: NIIK, 1991. P. 173–216. (In Rus.).

Gafifullin R.R. Pavlovskij dvorec-muzej. Jevakuacija i hranenie muzejnyh predmetov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Nachalo vozrozhdenija [Pavlovsk Palace Museum. Evacuation and storage of museum items during the Great Patriotic War. The beginning of the revival of Pavlovsk], in *Sohranjaja nasledie: istorija jevakuacii muzejnyh cennostej v g. Novosibirsk, 1941–1945: sbornik statej*. Krasnojarsk, 2020. P. 276–291. (In Rus.).

Golovanova A.V., Mudrov Ju.V. Isaakievskij sobor — simvol goroda, ne slomlennyj blokadoj [St. Isaac's Cathedral is a symbol of the city that was not broken by the blockade], in *Vestnik «Zodchij. 21 vek»*. 2020. № 1 (74). P. 14–23. (In Rus.).

Petrov. P. V. Petergofskie dvoryc-muzei v jevakuacii [The Peterhof Palaces and Museums in Evacuation] in *Peterhof v Velikoj Otechestvennoj vojne: 1941–1945. Tom I*. St. Petersburg: GMZ “Peterhof”, 2019. P. 18–35. (In Rus.).

Scenaristy sovetskogo hudozhestvennogo kino. 1917–1967. Spravochnik [Screenwriters of Soviet Feature Films. 1917–1967. Handbook]. /Antropov B.N., Glagoleva N.A. i dr. Moscow: Iskusstvo, 1972. 439 p. (In Rus.).

Tret'jakov N. S. Spasenie istoriko-hudozhestvennyh pamjatnikov prigorodnyh dvorcov-muzeev Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i pervyj poslevoennyj period (1941–1948 gg.): avtoreferat dis. kand. ist. nauk [The Rescue of Historical and Artistic Monuments of the Suburban Palaces-Museums of Leningrad during the Great Patriotic War and the First Post-War Period (1941–1948): Abstract of a Dissertation for the Candidate of Historical Sciences]. St. Petersburg, 1991. 24 p. (In Rus.).

Порисенко И.В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.В. УСПЕНСКОГО ПО СОХРАНЕНИЮ
ПАМЯТНИКОВ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПЛАСТИКИ
ЛЕНИНГРАДСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ В 1941–1945 гг.:
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХИВОХРАНИЛИЩ.

Порисенко, Иван Владимирович—бакалавр музеологии, студент 1-го курса магистратуры Кафедры музеиного дела и охраны памятников, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, st094529@student.spbu.ru.

Научный руководитель—Олег Анатольевич Любезников, кандидат исторических наук, доцент Кафедры музеиного дела и охраны памятников, Санкт-Петербургский государственный университет.

В статье на основе материалов двух петербургских архивохранилищ и существующей научно-исследовательской литературы рассматриваются процессы сохранения и укрытия памятников музейных некрополей на территории Александро-Невской лавры в годы Великой Отечественной войны. Неизмеримый вклад в сохранение культурного облика Ленинграда в этот период, в условиях блокады города, внесли сотрудники Ленинградского музея городской скульптуры, в частности, создатель и первый хранитель Лазаревского кладбища-музея Н.В. Успенский. Защита и укрытие памятников музейных некрополей в условиях артобстрелов и бомбардировок города для сотрудников музея было делом новым. Опыт Н.В. Успенского—значимый для музейного дела в условиях военного времени середины XX века.

Ключевые слова: некрополь, Александр-Невская лавра, музей-кладбище, Н.В. Успенский, укрытие памятников, охрана художественных надгробий, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда.

N.V. USPENSKY'S ACTIVITIES FOR THE PRESERVATION OF MONUMENTS
OF MEMORIAL PLASTICS OF LENINGRAD NECROPOLISES IN 1941–1945:
BASED ON THE MATERIALS OF THE PETERSBURG ARCHIVES

Porisenko, Ivan Vladimirovich—Bachelor of Museology, 1st year Master's student of the Department of Museum Studies and Monument Protection, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, st094529@student.spbu.ru.

The scientific supervisor—O.A. Lyubeznikov, Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University.

This article, based on materials from two St. Petersburg archival repositories, examines the preservation and protection of monuments in museum necropolises on the grounds of the Alexander Nevsky Lavra. The staff of the Leningrad Museum of Urban Sculpture, particularly N.V. Uspensky, the founder and first curator of the Lazarevskoye Cemetery Museum, made an immeasurable contribution to preserving the cultural image of Leningrad during the Great Patriotic War and the siege of the city. Protecting and protecting monuments in museum

necropolises during the siege and bombing of the city was a new undertaking for the museum staff. This article attempts to highlight the most detailed milestones in N.V. Uspensky's work from 1941 to 1945.

Key words: Necropolis, Alexander Nevsky Lavra, museum-cemetery, N.V. Uspensky, concealment of monuments, protection of artistic gravestones, the Great Patriotic War, the Siege of Leningrad.

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда — это героические и полные трагизма страницы истории нашей страны, события, которые оказали колоссальное влияние на историю и культуру Ленинграда. В настоящей статье обратим внимание на то, как повлияли перипетии военного времени на судьбу памятников мемориальной пластики, сосредоточенных в некрополях Александро-Невской лавры.

Формирование музейного ансамбля в некрополях Александро-Невской лавры неразрывно связано с именем Николая Викторовича Успенского (1885–1947), специалиста в области охраны памятников, с 1925 г. — создателя и первого ученого хранителя Лазаревского кладбища-музея.

В отечественной историографии фигура Н.В. Успенского становилась объектом исследовательского интереса. Создателю и первому хранителю Лазаревского музейного некрополя посвящены как научные исследования Ю.М. Пирютко и Л.В. Каниной, так и научно-популярные работы¹. В настоящей статье постараемся дополнить уже имеющиеся сведения о биографии и профессиональной деятельности хранителя документами, представленными в архивохранилищах Санкт-Петербурга.

Профессиональный путь Н.В. Успенского начался с должности вычислителя Центрального Статистического Комитета МВД. Осенью 1917 г., примкнув к чиновнической забастовке и порвав отношения со служащими Комитета, Н.В. Успенский закрепился на должности Заведующего Справочным Отделом Всероссийского Учредительного Собрания². Разгон Учредительного собрания в условиях стартовавшей Гражданской войны привел Н.В. Успенского в Канцелярию Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов, откуда впоследствии он был направлен продолжать свое образование в Высший институт фотографии и фототехники³. В 1921 г. было основано Общество изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга — Нового Ленинграда (далее — Общество), куда поступил Н.В. Успенский на отделение охраны памятников старины и искусства Петербурга, и где начался его путь по изучению исторических кладбищ Ленинграда. С 1924 г. Н.В. Успенский по собственной инициативе стал хранителем Лазаревского кладбища, с этого момента началась его активная научная и просветительская деятельность в деле музеефикации старинных кладбищ Александро-Невской лавры. Результатом его восьмилетних тщательных научных изысканий стало создание в 1932 г. Музея-некрополя на Лазаревском кладбище. В состав музея вошли Лазаревское

¹ Канина Л.В. Николай Викторович Успенский — создатель и первый хранитель музейного некрополя // «Одним дыханием с Ленинградом»: Сб. науч. ст. ГМГС. СПб., 2005. С. 67–74; Пирютко Ю.М. Н.В. Успенский — основатель музейного некрополя // Хранители: материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2005. С. 115–123; Кириллова К. Первый хранитель Пантеона // С уважением к памяти. Газета Ассоциации предприятий похоронной отрасли Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. 2017. Август. № 8 (108). С. 3.

² Канина Л.В. Николай Викторович Успенский — создатель и первый хранитель музейного некрополя. С. 67.

³ Там же. С. 68.

и соседнее Тихвинское кладбище, а также две усыпальницы: Лазаревская и Благовещенская. Только тогда Н.В. Успенский «был назначен заведующим музеем со штатным окладом»⁴. В период 1935–1937 гг. Н.В. Успенский осуществлял непосредственное руководство превращением бывшего Тихвинского кладбища в единственный в своем роде мемориальный музейно-парковый комплекс «Некрополь мастеров искусств и спутников А.С. Пушкина». Уже летом 1939 г. в музее произошла очередная реорганизация, по итогу которой был создан Ленинградский музей городской скульптуры (далее — ЛМГС), а благодаря усилиям Н.В. Успенского к концу 1939 — началу 1940 гг. коллекция надгробий друзей и ближайшего окружения А.С. Пушкина была полностью перенесена в ЛМГС⁵.

Документы, находящиеся в архивохранилищах Санкт-Петербурга, в частности, в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), где сохраняется фонд «Государственное учреждение «Государственный музей городской скульптуры» комитета по культуре администрации Санкт-Петербурга» (Ф. 405), представляют возможность выделить особенности работы сотрудников Ленинградского музея городской скульптуры в годы войны и блокады Ленинграда.

С началом войны ЛМГС находился в ведении Управления по делам искусств Ленгорисполкома. В первый месяц войны Управление по делам искусств сосредоточило свою работу на трех важных моментах: эвакуация государственных музеиных ценностей, охрана памятников искусства Ленинграда и организация культурно-шефской работы по обслуживанию частей Красной армии⁶. Сотрудникам музея уже тогда стало ясно, что необходимо адаптировать свою деятельность к принятию решений в быстроразвивающихся условиях военного времени. Защита и охрана памятников некрополей от продолжавшихся бомбежек и артобстрелов было делом новым. По всем памятникам Ленинграда предполагалось предварительно провести работы по их обмеру и составлению проектной документации. Все полученные данные необходимо было фиксировать в особые журналы на случай повреждения памятников. Одним из наиболее эффективных методов сохранения памятников в годы войны, в том числе и художественных надгробий некрополей, являлось захоронение их в земле.

В ЛМГС еще в довоенные годы велись работы по оформлению экспозиционного пространства музея, Н.В. Успенским подготавливались планы по отливке бюстов и реставрации многих памятников, состояние которых оценивалось как крайне неудовлетворительное. С началом войны все работы были приостановлены, а сам музей был вынужден перейти к консервации своих экспонатов. Музей также проводил конкурс проектов укрытий памятников некрополей, в которых должны были быть учтены габариты и архитектурные особенности памятников⁷. Многие городские памятники и художественные надгробия были сняты с пьедесталов и зарыты в землю⁸. Фактически, вся работа

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Алексеев А.А. «Пушкинская» коллекция в собрании Государственного музея городской скульптуры // «Одним дыханием с Ленинградом»: Сб. науч. ст. ГМГС. СПб, 2005. С. 159.

⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 333 (Управление по делам искусств Ленгорисполкома). Оп. 1. Д. 220. Отчет о работе Управления по делам искусств. Л. 2.

⁷ Ефремова Н.Н. Государственный музей городской скульптуры в годы Великой Отечественной войны (по материалам архива ГМГС) // «Одним дыханием с Ленинградом»: Сб. науч. ст. ГМГС. СПб., 2005. С. 8–32.

⁸ Пирютко Ю.М. Некрополь мастеров искусств // Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2011. С. 231.

по укрытию многих памятников Ленинграда, не законченная в первые недели войны, в дальнейшем была возложена на сотрудников ЛМГС.

Согласно финансовым отчетам ЛМГС за 1941 г., сотрудники музея проводили работы по устройству защитных сооружений многих выдающихся памятников Ленинграда⁹. Так, при участии ЛМГС, под общим руководством Отдела (Инспекции) охраны памятников (ГИОП), в первые месяцы блокады прошло укрытие 11 скульптурных памятников города. Уже осенью 1941 г. развернулась работа по установке защитных сооружений на художественные надгробия, а также по снятию и захоронению ценных памятников. Многие мраморные скульптуры с надгробных памятников при захоронении «были окутаны бумагой, а поверх рубероидом или толем (за неимением рубероида)», как вспоминал сотрудник ГИОП, скульптор И.В. Крестовский, мобилизованный в первые недели войны для руководства работами по укрытию памятников и садово-парковой архитектуры Ленинграда¹⁰.

Мероприятия по укрытию памятников в первые месяцы войны проводились привлеченными специалистами из рядов военнослужащих и из состава строительных учреждений. Вскоре, первый директор ЛМГС В.Н. Виноградов, а также другая основная масса сотрудников музея были мобилизованы на фронт. Н.В. Успенский не был призван в Красную армию: в 1941 г. ему было уже 56 лет.

Став фактически центральной фигурой в руководстве музея, Н.В. Успенский в первые месяцы войны занимался привлечением кадров для проведения научного обследования исторических и художественных памятников на закрытых и на действующих кладбищах Ленинграда. В общей сложности за 1941 г. Н.В. Успенским совместно с привлеченными специалистами было обследовано 1777 захоронений с восьми исторических кладбищ города¹¹. На рубеже 1941–1942 гг. характер проводимых работ изменился и сократился из-за войны. Н.В. Успенский занимался получением сведений от научных и общественных организаций о погибших и ставших жертвами блокады Ленинграда видных деятелей в период 1941–1942 гг. для фиксации мест их дальнейшего захоронения¹².

К началу 1942 г. в ЛМГС возобновилась научно-просветительская деятельность, вел ее «один сотрудник — специалист по надгробной скульптуре Н.В. Успенский»¹³. Согласно планам ЛМГС на 1942 г., продолжалась работа по «освоению помещений надгробной церкви Александро-Невской лавры, составлением обмеров здания для использования помещений для выставочного помещения и размещения вводного Отдела надгробной скульптуры, фондовой кладовой с реставрационными мастерскими и Дирекцией музея»¹⁴. Н.В. Успенский продолжал разрабатывать, начатые еще в 1941 г., специальные справочники-путеводители по Некрополю XVIII в., по Литераторским мосткам Волкова кладбища и по Некрополю мастеров искусств и спутников А.С. Пушкина¹⁵. К сожалению, отчетов о работе ЛМГС за 1942 г. в фонде Музея городской скульптуры не представлено, однако, из отчета

⁹ ЦГАЛИ СПб Ф. 405 (Музей городской скульптуры). Оп. 1. Д. 6. Финансовый отчет за 1941 г.. Л. 6.

¹⁰ Крестовский И.В. Укрытие и охрана памятников в годы блокады Ленинграда // «Успеть поработать для вечности»: Н.Н. Белехов, А. Н. Петров, Е. Н. Петрова: жизнь и творчество / О.М. Кормильцева, А. Г. Леонтьев, М. А. Петрова. СПб., 2009. С. 48.

¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 405. Оп. 1. Д. 5. План работы музея на 1941 год. Л. 4.

¹² Там же. Д. 7. План работы музея на 1942 год. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 9. Отчет о работе музея на 1943 г. Л. 11.

¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 5. Л. 4.

о работе музея за 1943 г. следует, что означенные путеводители представляли собой полное описание надгробных памятников с биографиями покойных, а также, что Н.В. Успенским было составлено описание 45 памятников и написано «Введение» (80 стр.) к «Путеводителю по некрополю искусств»¹⁶.

С конца 1942 г. до второго полугодия 1943 г. ЛМГС находился в ведении расширенного Отдела музеев и памятников Управления по делам искусств, под названием «Городские памятники и некрополи»¹⁷. К 1943 г. продолжающаяся война и блокада Ленинграда привели к почти полному прекращению деятельности музея, однако сотрудниками музея продолжала вестись работа по сохранению и защите экспонатов от разрушений и повреждений в ходе артобстрелов и бомбёжек, велась фотофиксация памятников, а также учет причиненного ущерба.

В 1943 г. была реорганизована скульптурно-формовочная мастерская для обеспечения будущих работ по реставрации поврежденных и разрушенных надгробных памятников. Члены этой мастерской, вместе с Н.В. Успенским, для защиты от повреждений и разрушений художественных надгробий в ходе артобстрелов, проводили фиксацию их деталей и в целом средствами обмеров, а также проводили фиксацию с помощью фотографирования и гипсовых слепков, разрабатывали программы по проверке и усилению существующих защитных сооружений на памятников некрополей¹⁸.

Так как вплоть до 1944 г. деятельность музея была направлена на фиксацию причиненного ущерба памятникам в ходе артобстрелов, реставрационные работы не проводились. Однако, согласно списку разрушенных памятников, составленному Н.В. Успенским, в годы войны сильно пострадало надгробие артистки Александринского театра В.Н. Асенковой. Об этом также вспоминает ленинградский писатель и журналист Ю.Л. Алянский: «В год столетия со дня ее смерти, в 1941 году, в ее могилу ударил немецкий снаряд. От памятника остались куски камня; на дне воронки — темная вода...»¹⁹. Также пострадали художественные надгробия актеров А.Е. Мартынова, Н.О. Дюра, В.В. Самойлова, Я.Г. Брянского и поэта Е.А. Баратынского²⁰.

Со второй половины 1944 г. музей приступил к инвентаризации городской скульптуры и реставрации памятников. Первым отреставрированным объектом стала надгробная доска архитектора В.П. Стасова²¹. Также известно о проводимых сотрудниками музея юбилеях и торжественных мероприятий, посвященных выдающимся деятелям науки и искусства, а также подготовкам к ним. Так, согласно приказу №11 по Отделу музеев и Памятников «Об уборке снега и приведении в порядок территории Некрополя в Александро-Невской лавре»²² от 16 февраля 1944 г., в связи с 100-летним юбилеем со дня рождения композитора Н.А. Римского-Корсакова необходимо было «очистить от снега к этому дню [17 марта — И.П.] могилу композитора и главные дорожки Некрополя во всех секторах»²³. Также, по случаю перенесения праха адмирала Д.Н. Сенявина

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 7.

¹⁷ Пирютко Ю.М. Музей городской скульптуры в годы блокады (по материалам ЦГАЛИ Санкт-Петербурга) // «Одним дыханием с Ленинградом»: Сб. науч. ст. ГМГС. СПб., 2005. С. 55.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб Ф. 405. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

¹⁹ Алянский Ю.Л. Театр в квадрате обстрела. М., 1967. С. 17.

²⁰ ЦГАЛИ СПб Ф. 405. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

²¹ Там же. Д. 5. Л. 12 об.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 387 (Центральное хранилище музейных фондов). Оп. 1. Д. 3. Приказы по отделу музеев и памятников Управления по делам искусств Ленгорисполкома. Л. 11.

²³ Там же.

в здание Лазаревской церкви, необходимо «убрать до начала декоративных работ, по случаю торжества перенесения праха адмирала Сенявина в здание бывшей Лазаревской церкви снег с дороги, ведущей в упомянутое здание и главных дорожек Лазаревского кладбища»²⁴. В то же время возобновилась экскурсионная деятельность музея: Н.В. Успенским было проведено 10 экскурсий по музейным некрополям и к могиле А.В. Суворова в Благовещенской усыпальнице, в которых участвовало более 500 человек, а к началу следующего года, согласно отчетам ЛМГС, количество проведенных экскурсий выросло до 48²⁵.

К следующему, 1945 г., перед музеем встала новая первоочередная задача—установка городских и надгробных памятников, в том числе зарытых на время войны, и снятие защитных сооружений с памятников. Мероприятия по снятию защитных сооружений, в том числе и с памятников музейных некрополей, осуществлялись при содействии со стороны районных советов депутатов трудящихся²⁶. Совместно с привлеченными специалистами в некрополях проводились работы по засыпке воронок от снарядов, разборке военных сооружений из камня, проводились документальные зарисовки укрытий надгробных памятников, проводка электроосвещения на кладбище, а также работы по ремонту каменных заборов (заделка пулеметных отверстий). Осуществлялись мероприятия по благоустройству территории музея-некрополя: обработка газонов, стрижка кустарников, посадка цветов, снятие сухостое²⁷.

Н.В. Успенским была организована специальная группа реставраторов, силами которой были открыты из котлованов, очищены, запатинированы и установлены 8 бронзовых и мраморных бюстов в некрополях: Ф.М. Достоевского, В.М. Самойлова, И.П. Витали, П.М. Медведева, А.Н. Серова, А.П. Бородина, В.А. Карагыгина, А.Г. Рубинштейна. Также проводились работы по восстановлению мраморного надгробия А.С. Попова на Литераторских мостках Волкова кладбища и бронзовой скульптуры памятника П.А. Талызину²⁸. Эти мероприятия ознаменовали один из первых этапов восстановления музея после блокады Ленинграда.

Активная, исполненная страстью к сбережению эстетически ценных памятников деятельность Н.В. Успенского по защите произведений мемориальной пластики в годы Великой Отечественной войны, не получившая—правда, как и сама биография хранителя—детального, учитывающего его личные и профессиональные связи, политические взгляды, семейный быт, положение внутри музейного сообщества Ленинграда 1920-х—1940-х гг., освещения в монографиях и обширных исследовательских статьях, требует, как представляется, дальнейшей научной рефлексии.

Список литературы

Ефремова Н.Н. Государственный музей городской скульптуры в годы Великой Отечественной войны (по материалам архива ГМГС) // «Одним дыханием с Ленинградом»: Сб. науч. ст. ГМГС. СПб.: Союз-Дизайн, 2005. С. 8–32.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 333. Оп. 1. Д. 300. Финансовые отчеты по местному бюджету 1945 г. научных и учебных учреждений и Управления по делам искусств. Л. 294.

²⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее—ЦГА СПб). Ф. 7384 (Санкт-Петербургский Совет Народных Депутатов). Оп. 17. Д. 1101. Переписка о кладбищах и похоронных мероприятиях. Л. 4.

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 405. Оп. 1. Д. 15. План о работе музея за 1945 г. Л. 5.

Канина Л.В. Николай Викторович Успенский—создатель и первый хранитель музеиного некрополя // «Одним дыханием с Ленинградом»: Сб. науч. ст. ГМГС. СПб.: Союз-Дизайн, 2005. С. 67–74.

Кириллова К. Первый хранитель Пантеона // С уважением к памяти. Газета Ассоциации предприятий похоронной отрасли Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. 2017. Август. № 8 (108). С. 3.

Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф; СПб: Русская тройка-СПб, 2011. 640 с.

Пирютко Ю.М. Музей городской скульптуры в годы блокады (по материалам ЦГАЛИ Санкт-Петербурга) // Одним дыханием с Ленинградом: Сборник научных статей Государственного музея городской скульптуры. СПб.: Союз-Дизайн, 2005. С. 47–66.

Пирютко Ю.М. Н.В. Успенский—основатель музеиного некрополя // Хранители: материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб.: ГМЗ «Царское село», 2005. С. 115–123.

References

Efremova N.N. Gosudarstvennyj muzej gorodskoj skul'ptury v gody vojny. (Po materialam arhiva GMGS). [The State Museum of Urban Sculpture during the war. (Based on materials from the State Museum of Urban Sculpture archive)], in *Odnim dyhaniem s Leningradom: Sbornik nauchnyh statej Gosudarstvennogo muzeja gorodskoj skul'ptury*. St. Petersburg: Sojuz-Dizajn, 2005. P. 8–32. (In Rus.).

Kanina L.V. Nikolaj Viktorovich Uspenskij—sozdatel' i pervyj hranitel' muzejnogo nekropolja [Nikolai Viktorovich Uspensky—the Creator and First Custodian of the Museum Necropolis], in *Odnim dyhaniem s Leningradom: Sbornik nauchnyh statej Gosudarstvennogo muzeja gorodskoj skul'ptury*. St. Petersburg: Sojuz-Dizajn, 2005. P. 67–74. (In Rus.).

Kirillova K. Pervyj hranitel' Panteona [First Guardian of the Pantheon], in S uvazhением k pamjati. Gazeta Asociacii predprijatij pohoronnoj otrassli Sankt-Peterburga i Severo-Zapadnogo regiona. 2017. Avgust. № 8 (108). P. 3. (In Rus.).

Kobak A.V., Pirjutko Ju.M. *Istoricheskie kladbishha Sankt-Peterburga*. [Historical Cemeteries of St. Petersburg.] Moscow: Centrpolygraf; St. Petersburg: Russkaja trojka-SPb, 2011. 640 p. (In Rus.).

Pirjutko Ju.M. *Muzej gorodskoj skul'ptury v gody blokady* [The Museum of Urban Sculpture during the Siege of Leningrad], in *Odnim dyhaniem s Leningradom: Sbornik nauchnyh statej Gosudarstvennogo muzeja gorodskoj skul'ptury*. SPb.: Sojuz-Dizajn, 2005. P. 47–66. (In Rus.).

Pirjutko Ju.M. N.V. Uspenskij—osnovatel' muzejnogo nekropolja [Uspensky—Founder of the Museum Necropolis], in *Hraniteli: materialy XI Carskosel'skoy nauchnoj konferencii*. St. Petersburg: GMZ «Carskoe selo», 2005. P. 115–123. (In Rus.).

M.B. Кирпичникова

ХРАНИТЕЛИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ В БОРЬБЕ ЗА ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЕ (1944–1951)

Кирпичникова, Мария Викторовна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник «Гатчина», Гатчина, Россия, kirpichnikova@gatchinapalace.ru.

В статье рассматривается период послевоенной консервации Гатчинского дворца-музея, рассказывается о сотрудниках, вернувшихся на восстановление ансамбля. Рассказывается также о том, как разграблялись культурные ценности германскими войсками и кто нес за это основную ответственность. Раскрывается тема трагедии музея в 1951 году, когда здание было передано военному ведомству. Рассказывается о том, как поддерживается память о сотрудниках, боровшихся за сохранение музея в стенах Гатчинского дворца.

Ключевые слова: Гатчинский дворец-музей, консервация, реставрация, Балаева, Макаров, Величко.

THE GUARDIANS OF THE GATCHINA PALACE-MUSEUM IN THE FIGHT FOR ITS RECOVERY (1944–1951)

Kirpichnikova, Marija Viktorovna — PhD, scientific Secretary The St.-Petersburg Cultural Institution «Gatchina Palace & Estate museum». Gatchina, Russia, kirpichnikova@gatchinapalace.ru.

The article examines the period of post-war conservation of the Gatchina Palace Museum, and tells about the employees who returned to restore the ensemble. It also describes how cultural treasures were plundered by German troops, and who was primarily responsible for this. The article reveals the tragedy of the museum in 1951, when the building was transferred to the military department. It also describes how the memory of the employees who fought to preserve the museum within the walls of the Gatchina Palace is maintained.

Key words: Gatchina Palace Museum, conservation, restoration, Balaeva, Makarov, Veličko.

Вторая мировая война была нацелена на уничтожение Советского Союза, в том числе и путем искоренения русской культуры. В германской директиве от 3 ноября 1941 г. «О поведении войск на Востоке» существовал пункт, касавшийся культурных ценностей. Он звучал так: «...никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения»¹. Однако у А. Гитлера были планы создать музей своей мечты в городе Линце, там, по его задумке, должны были оказаться главные мировые шедевры, конфискованные из оккупированных стран. В пригородных дворцах-музеях Ленинграда хранились ценнейшие коллекции восточного и западноевропейского искусства, лучшие образцы которых с самого начала войны начали эвакуировать в тыл страны. Коллекции

¹ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. III. М., 1958. С. 528.

Гатчинского дворца-музея — одного из наиболее богатых среди загородных императорских резиденций — были вывезены в Удмуртскую ССР (г. Сарапул) и в Исаакиевский собор, признанный самым прочным зданием Ленинграда. Вывезти удалось лишь пятую часть, 11 989 из 54 030 предметов² (рис. 1).



Рис. 1 Дочь фотографа М.А. Величко с собакой на фоне Гатчинского дворца. 1938 г.
Фото М.А. Величко. ГМЗ «Гатчина»

В Гатчинском дворце в годы оккупации Красногвардейска (название Гатчины в 1923–1944 гг.) располагался штаб 50-го корпуса 18 армии, общежитие летчиков Люфтваффе из дивизии «Зеленые сердца», офицерский буфет, дом терпимости, казино, склады, хозяйственные помещения. На Часовой башне находилась радиостанция, а на Сигнальной — дежурный пост.

Для разграбления ценностей оккупированных территорий вермахтом был задействован ряд учреждений. Одно из них — «Специальное подразделение» под управлением барона Эберхарда Макса Пауля фон Кюнсберга, которое подчинялось Министерству иностранных дел Германии. Непосредственным начальником был Йоахим фон Риббентроп, а с августа 1942 г. — Генрих Гиммлер. Оно занималось конфискацией важных политических документов, кроме того, группой было подготовлено к вывозу более 300 000 объектов культурного и исторического наследия, в том числе ценнейшая часть дворцовой библиотеки в Гатчине. Другая серьезная организация — «Оперативный штаб рейхсляйтера

² Это официальная цифра, которая была принята в ГДМ в результате проведенной Генеральной инвентаризации. (Научный архив ГМЗ «Гатчина» (НА ГМЗ «Гатчина»). Справка из Министерства культуры РСФСР о составе фондов Гатчинского дворца-музея на 1939 и 1944 годы. Д. без номера). В связи с трудностями, возникшими в результате подсчетов, есть разнотечения о количестве единиц хранения. Например, в одном случае чашка с блюдцем регистрировались под одним номером, в другом — имели два разных номера. Так, например, в таблице количественных показателей вывезенных и законсервированных музеиных ценностей (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) Ф. 468. Оп. 1. Д. 110. Л. 10), указаны данные по довоенным инвентарям: 38189 экспонатов, 44340 томов книг, 10000 единиц хранения фототеки и суммарная цифра приводится 92529.

Розенберга», отвечала за изъятие культурных ценностей на оккупированных территориях, среди известных ее деятелей были: Георг фон Круценштерн, Гельмут Шпеер и другие. Альфред Розенберг, балтийский немец по происхождению, неплохо разбирался в русской истории, знал русский язык и активно интересовался ценностями, находившимися в ленинградских дворцах, однако в ведении его организации находились только библиотеки и архивы, а не произведения искусства³.

Команды конкурировали между собой. К примеру, из-за повышенного усердия в «работе» группу Кюнсберга, по требованию Розенберга, даже вывели с восточных оккупированных территорий. Основными направлениями вывоза культурных ценностей были Прибалтика и Восточная Пруссия. Далее, если это удавалось, их перемещали на территорию Германии. Следует выделить и частных лиц, интересовавшихся искусством оккупированных стран. Особенно отличился граф Эрнст-Ото фон Зольмс-Лаубах, полковник германской армии, доктор искусствоведения, вывезший из Гатчинского дворца четыреста портретов личностей немецкого происхождения. Сотрудники оперативных штабов и вермахта докладывали о хищениях своему начальству. О пребывании их в Гатчинском дворце мы знаем из отчета Георга фон Круценштерна: «Во многих комнатах на полу повсюду лежит множество мелких бытовых предметов, книги, журналы и бумаги, в том числе фотоальбомы», а в помещении театра были свалены целые кучи «стекла, картических рам, книг, фотографий, бытовых вещей, среди которых стоит сломанная ценная мебель и возвышаются полузацеленные мраморные и гипсовые bustы и статуи»⁴. В период оккупации происходили также бессистемные грабежи коллекций дворца солдатами и офицерами рейха, что подтверждают данные как советских, так и немецких архивов.

В период освобождения Гатчины оккупанты заминировали здание дворца, уделив «внимание» прежде всего интерьерам Центрального корпуса и Арсенального каре, где находился штаб и все еще оставались некоторые предметы мебели и произведения искусства. Пожар января 1944 г. уничтожил большую часть интерьеров загородной императорской резиденции. 26 января город был освобожден, а музейные сотрудники и представители комиссии по подсчету ущерба, причиненного нацистами, впервые попали в Гатчинский дворец 31 января 1944 г., застав уже сгоревший дворец.

Заходить в здание надолго было нельзя, так как оно было заминировано. После двухнедельных работ по разминированию (с 28 января по 5 февраля) «осмотром и обмером в натуре в феврале-марте 44 года было установлено, что фундамент здания дворца сохранился на 100 %, стены на 85 %, перекрытия на 40 % и лестницы на 81 %»⁵ (рис. 2).

21–22 марта 1944 г. состоялась научно-техническая конференция, посвященная вопросу реставрации пригородных дворцов, под председательством Н.Н. Белехова. Первый доклад был сделан профессором архитектуры А.П. Удаленковым, который выдвинул предложение использовать Гатчинский дворец под музей военной истории, «Дворец

³ Подробнее см.: Действия группы армий «Север» в Гатчине и Гатчинском районе. Гатчинский дворец и парк в годы Великой Отечественной войны. Материалы круглого стола 3–4 октября 2018 года. ГМЗ «Гатчина». СПб., 2020. С. 54–77.

⁴ Гатчинский дворец в донесениях сотрудников Оперативного штаба Розенберга / Перевод, вступительная статья и комментарии А.Н Фарафоновой. Электронный ресурс: <http://gatchinapalace.ru/special/publications/prigorod/rozenberg.php> (дата обращения: 23.08.2025 г.)

⁵ Балаева С.Н. Работы по консервации здания Гатчинского дворца в начале Великой Отечественной войны в 1944–45 гг. Материалы к истории Гатчинского дворца-музея. 1949. Бюллетень № 14.

славы русского оружия»⁶. Среди тех, кто больше всего переживал о судьбе Гатчинского дворца, были бывший директор Владимир Кузьмич Макаров и главный хранитель Серафима Николаевна Балаева, стоявшие у истоков создания музея в бывшей императорской резиденции. Макаров в годы войны являлся заместителем председателя Государственной закупочной комиссии Комитета по делам искусств РСФСР по Ленинграду, а также принимал участие в работе Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодейний немецко-фашистских захватчиков в качестве эксперта. Он делал второй доклад на научно-технической конференции, также предлагая организовать в Гатчине художественный музей с упором на военную составляющую, а также по возможности сохранить работы итальянских мастеров Ринальди и Бренны. «Мы имеем в Гатчине 16 баталий Чесменского боя Райта и Гаккеля, целый ряд готовых картин. Гатчина будет отбирать самые лучшие для того, чтобы пополнить дворец, где самым ценным и была прекрасная галерея. Ее и нужно восстанавливать, связать с военной славой, убрав ее соответствующим образом»⁷. С.Н. Балаева также высказывалась за сохранение в Главном корпусе интерьеров XVIII века и не возражала против военной составляющей в музее.

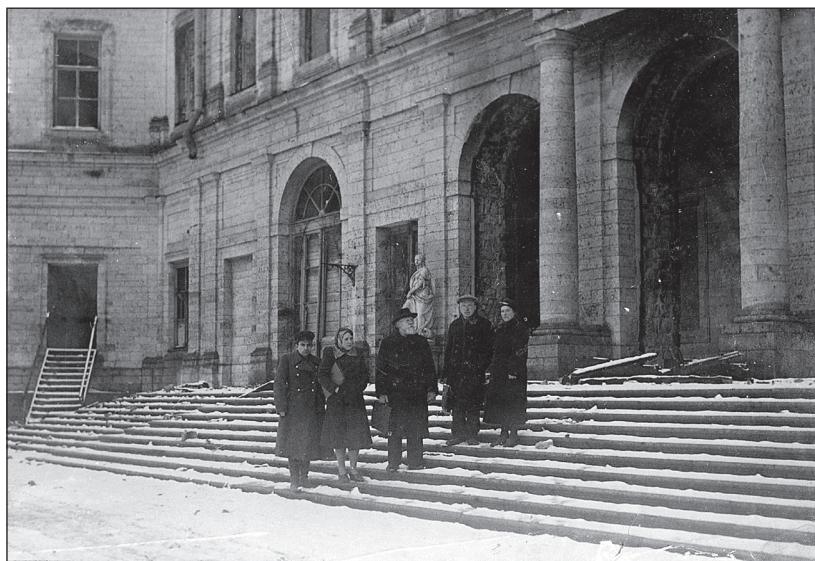


Рис. 2 Комиссия, прибывшая в Гатчинский дворец после освобождения. 6 мая 1944. Балаева справа. Фото С.Г. Гасилова. ГМЗ Гатчина

Такого же мнения был профессор Г.Г. Гримм. «Напрашивается не устройство дома отдыха или санатория, а здания общественного пользования для привлечения массы посетителей (военный музей привлечёт!)»⁸—резюмировал он. Против военного музея выступил сотрудник Эрмитажа, бывший научный сотрудник Гатчинского дворца-музея В.М. Глинка, поведение которого В.К. Макаров в своем дневнике охарактеризовал как

⁶ Стенографический отчет. Научно-техническая конференция, посвященная вопросу реставрации пригородных дворцов (Петргоф, Пушкин, Павловск, Гатчина). 21 марта 1944 года // «Исторические коллекции музеев. Прошлое и настояще. Материалы научной конференции». СПб., 2007. С. 115.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ Там же. С. 120.

«отвратительное»⁹, правда, и поведение Балаевой тоже посчитал неубедительным и описал его как «кислое»¹⁰.

Звучали голоса в пользу организации дома отдыха для восстановления сил военных и трудящихся. Архитектор И.Г. Капцюг советовал реконструировать центральную Ринальдиевскую часть, а под жилье — дом отдыха использовать Кухонное каре. Кроме того, взять не только центральную часть, но и Арсенальное каре под музей развития авиации¹¹. Профессор М.В. Фармаковский высказался о том, что нужно исходить из интересов ценителя и предположил, что «привлекавшие до войны огромное количество посетителей дворцы, восстановить гораздо целесообразнее, чем превратить их в «жилое помещение с канализацией, фановыми трубами и т.д.»¹²

14 апреля 1944 г. в своем дневнике В.К. Макаров отметил, что начальник Государственной инспекции по охране памятников искусства и старины (ГИОП) Н.Н. Белехов от комиссии по пригородам поручил ему «составить *воззвание к работникам искусства Ленинграда (и всей страны?)* по поводу гибели дворцов»¹³. В «Обращении о восстановлении ленинградских пригородов» Макаров писал: «Архитектура пригородов восстановима. Во многих случаях восстановима и обстановка дворцов. <...> Будущие поколения не простят нам. Если мы, которые знаем, видим, осозаем все это находящееся сейчас в опасности распыления культурное наследие нашей великой Родины, не сделаем всего, чтобы восстановить художественные памятники Петергофа, Пушкина, Гатчины»¹⁴. И, наконец, 23 апреля 1944 г. было принято решение Исполкома Ленгорсовета № 112–22 «О первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-музеев»¹⁵.

27 мая того же года руководитель Института истории искусства и охраны памятников архитектуры при Отделении истории и философии АН СССР (ныне Государственный институт искусствознания) академик И. Э. Грабарь привез в Гатчину долгожданное распоряжение И.В. Сталина о восстановлении дворцов. На это были выделены 22 млн. рублей. В.К. Макаров отметил в своем дневнике произошедший перелом в отношении к загородным дворцам, а С.Н. Балаева в тот же день сделала оптимистичную запись о включении Гатчины «в число восстанавливаемых»¹⁶.

Летом 1944 г. музейные сотрудники и возвращавшиеся в город гатчинцы приступили к разбору завалов и наведению порядка в парках. 10 июня новым директором в Гатчину назначили бывшего фронтовика Анатолия Николаевича Роткевича. В 1941 г. он был ранен на северо-западном фронте, а в апреле 1944 г. демобилизован¹⁷. Придя на работу

⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 1135 (Макаров В.К.). Оп. 1. Д. 54. Дневник Макарова В.К. Рукопись. 2 окт. 1942 — февр. 1946. Л. 133.

¹⁰ Там же.

¹¹ Стенографический отчет. С. 129.

¹² Там же. С. 121.

¹³ ОР РНБ. 1135 (Макаров В.К.). Оп. 1. Д. 54. Дневник Макарова В.К. Рукопись. 2 окт. 1942 — февр. 1946. Л. 139.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 1135 (Макаров В.К.). Оп. 1. Д. 24. Обращение о восстановлении ленинградских пригородов.

¹⁵ См.: *Бахарева Ю.Ю.* Подготовка и начало работ по восстановлению памятников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и блокады города (1941–1945 гг.) // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века. Материалы международной научной конференции 4–5 декабря 2014. СПб., 2014. С. 16.

¹⁶ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца Дневник. Статьи. СПб., 2005. С. 151.

¹⁷ См.: Роткевич Анатолий Николаевич // СПб ГБУ «Объединенный межведомственный архив культуры». Ф. 109. Дирекция дворца-музея и парка г. Гатчины. Оп. 1. Д. 1958. Л. 1–2.

во дворец, Роткевич сначала проявил себя очень активным руководителем. Несмотря на постановление о передаче Кухонного каре под военное ведомство, самовольно занял под дирекцию комнаты бельэтажа Кухонного каре. А уже 20 августа 1944 г. по его инициативе открылась первая выставка, посвященная истории Гатчинского ансамбля. Однако раны, полученные на фронте, давали о себе знать, Роткевич часто и подолгу отсутствовал, заменяла его С.Н. Балаева.

Вскоре начали прибывать рабочие, первая партия поступила 17 июня из военно-строительного управления Ленинградского фронта. О них Балаева написала в дневнике: «12 женщин, у каждой по ребенку. Начали уборку территории дворца <...> Работают прекрасно. Сразу двинули дело»¹⁸. Работы осложнялись отсутствием кровли, возведение которой ускорило бы восстановление здания. 25 июня 1944 г. приехала группа скульпторов и учеников ремесленного реставрационного училища, они производили консервацию мраморных и лепных украшений в центральной части дворца. Из Ленинграда постоянно приезжала бригада архитекторов Государственной инспекции по охране памятников с мастерами-формовщиками. Они укрепляли или снимали для формовки фрагменты сохранившейся лепки, производили обмерные работы. В Гатчине работали бригады скульпторов и лепщиков (В. С. Драчинской, А.Ф. Гуниус, Т.С. Кирпичниковой, братьев М.Е. и А.Е. Громовых и др.), а под их руководством трудились воспитанники АХРУ № 9. Делали первые обмеры, укрепляли фрагменты уцелевших барельефов, с которых снимали формы и закрывали щитами. Параллельно с реэвакуацией экспонатов на территории города и района проводились активные поиски музеиных предметов, с целью их возврата в коллекции дворца. Продолжались разборы завалов бельэтажа и галерей Центрального корпуса, росло число натурных деталей, для хранения которых начали ремонтировать церковь.

Если в первые два года у сотрудников появилась реальная надежда на восстановление дворца-музея, то, начиная с 1946 г., эта надежда начала таять. Финансирование на ремонт здания и парковых павильонов все сокращалось, а основной деятельностью музея после войны становилась культурно-массовая работа. И сотрудники не были в воссторге от нее, так как выполнять ее нужно было помимо своих основных обязанностей, причем одному человеку иногда приходилось совмещать все должности. Тем не менее, необходимо было неукоснительно следовать директивам, исходящим от вышестоящих органов. Принцип «парк для трудящихся» и аналогичные установки определяли вектор развития и функционирования парков.

Большая часть этой работы, конечно, приходилась на парк. 17 июня 1945 г. гатчинские парки открыли для посещения, и музеиным сотрудникам стало понятно, что парк теперь в большей степени станет парком культуры и отдыха, для приема отдыхающих, нежели историческим, пейзажным.

В 1946 г. отмечался «откровенный поворот работы на рельсы культ-просвета: обязательные выезды на заводы научных сотрудников и так далее». 16 декабря 1948 г. Балаева отмечала, что «в Музейном секторе у Туровой по установкам плана работ на 1948 г. Далее мне лично открыто говорится о том, что предстоит сокращение штатов научной части ввиду того, что Дворца-Музея нет, а есть лишь парк культуры и отдыха. В сметах на 1948 г. Городской Отдел вычеркнул восстановление крыши дворца: дворца не хотят ни консервировать, ни тем более восстанавливать». В таких условиях проходили работы по возрождению дворца-музея.

¹⁸ Балаева С.Н. Записки хранителя. С. 153.

Еще одной проблемой были постоянные посещения военных чинов, которые присматривались к зданию и парковой территории. Их привлекали отдаленность города от столицы, наличие плаца, водных артерий, обширные окрестности, где можно проводить учения курсантов. Поэтому, несмотря на начало восстановления здания, С.Н. Балаева не спешила обнадеживать местных жителей скорым возрождением ансамбля: 17 февраля 1947 г. в дневнике она отмечала: «заходил знаток Гатчинского дворца и парка — узнать, что и как сохранилось, что спасено. Очень интересовался будущим Гатчины. Осторожно говорим — консервация»¹⁹.

Большие трудности были также с арендаторами, которые серьезно мешали работам. 3 февраля 1949 г. главным хранителем Балаевой, инженером Смолевым и Абрамовым был проведен осмотр технического состояния помещений Арсенального каре, занятых арендаторами. В акте они отмечали, что Готическая галерея и Арсенальный зал превращены в склады капусты, которая промерзла и там же гнила, а отремонтированный тамбур Арсенальной лестницы разбирался, очевидно, на дрова. Сотрудники настаивали на немедленной очистке залов от испорченных овощей и призывали арендаторов соблюдать правила эксплуатации помещений²⁰.

Тем не менее, принятые на работу сотрудники: Э.А. Тихановская, Л.С. Бланк, Е.А. Фас, архитектор Л.К. Абрамов ратовали за скорейшее восстановление дворца и проведение реставрационных работ. Абрамов включился в работу по составлению схемы видовых точек парка для инвентаризации и планированию летних ландшафтных работ. Вместе с Тихановской он выполнил карту дорожной сети Голландского сада для его восстановления. Бланк подготовила перечень ремонтных и реставрационных работ по Павильону Венеры. В 1945 г. произвели ремонт и консервацию, предохранявшую этот ценный объект от дальнейшего разрушения. Летом к работе привлекли студентов Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ) и Московского архитектурного института (МАИ). С их помощью были проведены обмеры и научная фиксация Павильона Венеры; выпущены чертежи с «отмыvkой» и раскраской акварелью.

Л.К. Абрамов, параллельно с работой в Гатчинском дворце, занимался написанием докторской диссертации на тему «Проблемы изучения наследия русской архитектуры и современные задачи проектно-восстановительных работ по дворцу и паркам Гатчины». Он выполнял расчеты для восстановления дворца и предлагал свои решения по использованию здания: воссоздать в прежнем виде второй этаж Центрального корпуса и галереи, восстановить личные комнаты Павла I, создать экспозицию, посвященную памяти войны, в Чесменской галерее, третий этаж главного корпуса использовать под культурно-просветительские мероприятия. В Арсенальном каре архитектор планировал восстановить два три зала как образцы архитектурной отделки времени Кузьмина и Мраморную лестницу с Ротондой²¹. Ценным вкладом его в процесс будущей реставрации стала серия литографий по Гатчинскому дворцу и парку, включавшая планы реконструкции парковых объектов, в том числе, проекты воссоздания взорванных мостов. Эти работы хранятся в фонде музея.

Из тех, кто ранее сотрудничал с Гатчинским дворцом-музеем, следует отметить фотографа М.А. Величко, внесшего громадный вклад в фотофиксацию дворцового ансамбля

¹⁹ Там же. С. 226.

²⁰ См.: Заключение о техническом состоянии отдельных конструкций зданий дворца и материалы к нему. 1949 год // Сектор учета ГМЗ «Гатчина». Р-188. Оп. 2. Д. 368. Л. 10–10 об.

²¹ См.: Абрамов Л.К. Диссертация на соискание докторской степени. ЛИСИ. 1950 г. // Научный архив ГМЗ «Гатчина». Д. 1778. Л. 360–364.

как довоенного времени, так и послевоенного. Он часто посещал Гатчину, вел фотосъемку разрушений для представления на Нюрнбергском процессе. Причем важным было и то, что он избегал снимать самые разрушенные сооружения, чтобы Гатчину не постигла горькая участь не быть восстановленной. Фотографии были сделаны умело, с нужных точек, дабы показать, что воссоздание вполне реально. К тому же Величко помогал по мере сил в разборе завалов и установке подпорок на лестницах.

Бывший директор Петергофских дворцов-музеев, а в 1947–1948 гг.— сотрудник Гатчинского дворца-музея, Н.И. Архипов стал хранителем скульптуры, а также работал над описями возвращенного архитектурного архива. Важную роль играл И.А. Алаберг, принятый в музей в 1945 г. в качестве агронома-энтомолога, а впоследствии ставший заведующим садово-парковым сектором. Он вел работу по восстановлению гатчинских озер, их очистке и по озеленению²².

Несмотря на работы, средств, выделяемых государством, категорически не хватало.

29 августа 1948 г. на научном совещании по вопросу состояния здания дворца Л.К. Абрамов сообщил о его прогрессирующем разрушении, обрушении Чугунной лестницы Арсенального каре, о появлении трещин в сводах²³. Положение Гатчинского дворца-музея продолжало ухудшаться, на совещании у П.И. Рачинского, заведующего ГОКПРЛ (Городским отделом культурно-просветительской работы Ленгорисполкома), Гатчина была отмечена в числе неблагополучных по выполнению финансового плана: расходы превысили доходы²⁴. Положение дворца действительно было плачевным.

14 октября 1948 г. вышло постановление Совета Министров СССР за № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», где был прописан ряд мер по руководству реставрацией и охраной в целях обеспечении сохранности памятников. Но это не повлияло на бедственное положение Гатчинского дворца. Сотрудники писали отчаянные письма в Комитет по делам Культпросветучреждений при Совете министров, сообщая об угрозе уничтожения исторического памятника русской архитектуры. На 1949 г. «из общей площади крыши 10 600 м² было покрыто 1000 м², то есть всего лишь около 10 %»²⁵. Многочисленные осмотры и последующие акты о вopianющем техническом состоянии дворца ни к чему не приводили. В Кухонном каре стояла вода, были устроены уборные, а на месте одного из окон была пробита дверь на дворцовый фасад. На Ферме и Птичнике, где также находились военные, комиссия из ГИОП обнаружила хлев в «парадном» Круглом зале и в караулке, в общежитии рабочих в пристройке Фермы жил теленок. Арендаторы усугубляли и без того плачевное состояние дворца и парковых построек. Дело осложнялось и тем, что директор А.А. Карташев (время работы: 1946–1949 гг.) был полностью равнодушен к вопросам восстановления, закончилась его деятельность тем, что вскрылись многочисленные факты злоупотребления служебным положением, после чего он был уволен.

Зимой 1949 г. сотрудники под руководством Л.К. Абрамова начали своими силами укреплять конструкции Арсенального каре—ставить подпорки на маршах Мраморной лестницы и в дверных проемах. В апреле 1949 г. дворец посетил новый первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) В.М. Андрианов, который попросил командующего

²² Подробнее см.: Гатчинский дворец и парк. Фотолетопись 1944–1970. СПб., 2020. С. 270.

²³ Балаева С.Н. Записки хранителя. С. 290.

²⁴ Там же. С. 332.

²⁵ Сектор учета ГМЗ “Гатчина”. Р–188. Оп. 2. Д. 368. Заключение о техническом состоянии отдельных конструкций зданий дворца и материалы к нему. 1949 год. Л. 12–13.

войсками Ленинградского военного округа генерал-полковника Д.Н. Гусева приехать в Гатчину с тем, чтобы разобраться на месте. Он приказал ликвидировать подсобное хозяйство и освободить Ферму, вернув ее дворцу. Затем с большим трудом вернули Птичник.

В августе 1949 г. директором был назначен А.Г. Демидов. Он оказался сильным хозяйственником, по его инициативе во дворце начались работы по проведению водопровода и канализации. Однако в скором времени выяснилось, что шансы дворца быть восстановленным как музей ничтожно малы. 17 сентября 1949 г. комиссия в составе представителя ГИОП Г.Г. Стороженко и сотрудников Гатчинского дворца составила заключение о том, что «процесс разрушения здания продолжает распространяться с той же активностью на все конструктивные элементы»²⁶. В январе 1950 г. Совет министров СССР принял окончательное решение о передаче Гатчинского дворца под военную школу. Несмотря на это, в апреле того же года в дневнике Э.А. Тихановской упоминался приезд представителей ВЦСПС²⁷, которые осматривали дворец на предмет его использования.

Но даже после вынесения решения по использованию здания, борьба сотрудников за музей не прекращалась. 23 марта 1951 г. был составлен акт технического осмотра памятника архитектуры, который подписали сотрудница ГИОП архитектор В. Александрова и главный хранитель С.Н. Балаева. В нем говорилось, что Центральный корпус и Арсенальное каре дворца могут быть использованы «только как памятник архитектуры с соблюдением следующих особых условий: восстановление, реставрация и эксплуатация памятника должны соответствовать инструкции по памятникам архитектуры, составленной на основании Постановления Совета Министров от 14. 10. 1948 г. за № 3898 и утвержденной комитетом по делам архитектуры при СМ СССР от 8 апреля 1949 г.»²⁸. По акту, Кухонное каре, где располагалась дирекция дворцов и парков, столовая, магазин военторга и военные части, могло быть занято арендатором только при условии соблюдения вышеуказанной технической инструкции по памятникам архитектуры²⁹.

Однако и это не спасло положения, и в сентябре 1951 г. здание дворца было передано военному гидрографическому училищу. Из дневника научного сотрудника Е. А. Фаас: «Среда, 26. 09. Последний раз сфотографировалась в Собственном садике [...] Упаковка дел. 29.09. суббота. Переноска вещей, приведение в благоустроенный вид помещения научной части. Дворец сдали...»³⁰.

Сотрудники переехали в здание Птичника, где были вынуждены сами отапливать помещения. Так закончился первый и самый сложный этап послевоенного бытования дворца, который следует назвать скорее консервацией. К полноценной же реставрации приступили лишь в 1976 г. Тогда началось энергичное возрождение памятника культуры мирового значения (рис. 3, 4).

Первые работы по консервации позволили спасти фрагменты лепнины, ставшие потом ценными образцами при воссоздании скульптурных композиций. В послевоенные годы сформировалась уникальная школа реставраторов, выпускавшая умелых мастеров, на опыте которых учились те, кто восстанавливали Гатчинский дворец в 1970-е–1980-е гг. Открытие первых залов состоялось в год сорокалетия Победы в Великой Отечественной

²⁶ Там же. Л. 18.

²⁷ Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

²⁸ Сектор учета ГМЗ «Гатчина». Р-180. Акт технического осмотра по памятникам архитектуры в Гатчинском парке. 1951 год. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 13.

³⁰ Рабочий дневник Е.А. Фаас // Научный архив ГМЗ «Гатчина». Д. 477–ХIII. Л. 16 об.



Рис. 3 Студенты Московского архитектурного института на обмерных работах в Верхней Тронной императора Павла I. 1944–1945. Автор съемки неизвестен. ГМЗ «Гатчина»



Рис. 4 Детская экскурсия на выставке по истории Гатчинского дворца и парка с Л. Бланк. 1947. Фото И.А. Наровлянского. ГМЗ «Гатчина»

войне, 8 мая 1985 г. Несмотря на то, что сотрудников, сохранявших дворец и его ценности в годы войны и боровшихся за его восстановление в 1940–1950-е давно нет в живых, мы, их последователи, поддерживаем память о них. Вот сведения о некоторых из них.

С.Н. Балаева (1889–1960) похоронена на Большоеохтинском кладбище. Найти ее могилу можно, пройдя по Томской дорожке, 105-й ряд, от Уральской дорожки, налево, место 7 (в ограде из четырех могил вторая). Рядом с огромной березой — невысокая ограда с могилами родственников племянницы Балаевой Марии Голубцовой — Колотильщиковых на памятнике белого мрамора скромная эпитафия «Серафима Николаевна Балаева. 22.III.1889–22.V.1960. Хранитель Гатчинского Дворца-музея 1919–1956» (рис. 5, 6).

В 2011 г., по инициативе главного хранителя ГМЗ «Гатчина» Елены Леонидовны Ефимовой³¹, был учрежден «День хранителя», в день рождения Серафимы Николаевна, 22 марта. Теперь он отмечается ежегодно. Главные хранители различных музеев традиционно собираются в Гатчине и обсуждают проблемы и волнующие всех общие темы.

7 сентября 2020 года у Подземного хода в Гатчинском дворце, где когда-то в 1941-м сотрудники прятали музейные предметы, торжественно открыли памятную доску в честь легендарного хранителя Балаевой. Автором доски стал архитектор Б.Х. Бейдер. Лаконичный сдержанный текст гранитной доски как нельзя лучше отражает скромный, но твердый характер Серафимы Николаевны Балаевой, человека, не побоявшегося оставаться в прифронтовом городе после объявления всеобщей эвакуации. Каждый год, в мае-июне автор статьи и главный хранитель Е.Л. Ефимова посещают могилу С.Н. Балаевой, приводят ее в порядок и возлагают цветы. Благодаря вице-президенту ННКИН³²,

³¹ Подробнее см.: <https://spbdnevnik.ru/news/2016-03-29/gatchinskiy-dvorets-v-pyat-raz-otmetit-den-khranitelya> [Электронный ресурс, дата обращения: 07. 07. 2025].

³² Национальный научный комитет по историческим некрополям, образованный решением Совета НК ИКОМОС, Россия от 27.11.2017.



Рис. 5 Серафима Николаевна Балаева.
Автор съемки неизвестен.
ГМЗ «Гатчина»



Рис. 6 Могила С.Н. Балаевой на Большеохтинском кладбище.
Фото М.В. Кирпичниковой

члену Совета НК ИКОМОС³³ Н.В. Лаврентьеву, мы выяснили место нахождения могилы В.К. Макарова и фотографа М.А. Величко. Владимир Кузьмич Макаров ушел из жизни в феврале 1970 г. Похоронен на Северном кладбище. Лесной участок, 55-й квартал. 5-й ряд, 19 место (рис. 7, 8).

В 2021 г. в Государственном музее-заповеднике «Гатчина» была проведена Первая научно-практическая конференции «Макаровские чтения», где сотрудники музея рассказывали о научных открытиях или просто о текущей деятельности своего отдела. С 2022 г. к участию были привлечены также сотрудники практически всех организаций, где работал Макаров. В 2023 г., в год столетия начала выпуска издания «Старая Гатчина», в музее-заповеднике вышел в свет первый выпуск научного бюллетеня «Макаровские чтения». Активно идет работа над изданием каталога, посвященного Макарову. Туда будут включены труды ученого, его блокадные дневники, письма.

М.А. Величко (1899–1986) похоронен на Северном кладбище, 4А Совхозный участок, 5-й ряд, 9-е место. К сожалению, на его могиле нет эпитафии, но по документам известно, что она находится рядом с могилами дочери и жены. Фотографии, сделанные М.А. Величко, служат прекрасным иконографическим материалом при воссоздании заливов. В фототеке музея хранится 3209 выявленных негативов его авторства. В 2020 г. множество его фотографий вошли в издание «Гатчинский дворец и парк. Фотолетопись 1944–1970». Кроме того, в каталоге есть статья, посвященная М.А. Величко. Таким образом, мы сохраняем память о наших предшественниках, благодаря которым стало возможно восстановление дворцово-паркового ансамбля (рис. 9, 10).

³³ Национальный комитет Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест.



Рис. 7 Владимир Кузьмич Макаров. Автор съемки неизвестен. ГМЗ «Гатчина»



Рис. 8 Могила В.К. Макарова на Северном кладбище. Фото М.В. Кирпичниковой

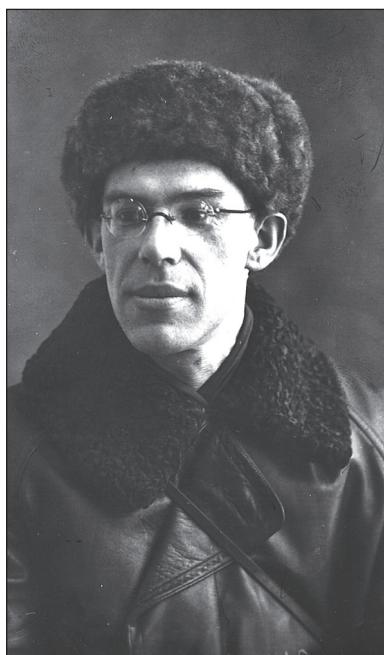


Рис. 9 Михаил Антонович Величко. 1938. Автор съемки неизвестен. ГМЗ «Гатчина»



Рис. 10 Могила М.А. Величко на Северном кладбище. Фото М.В. Кирпичниковой

Список литературы

Бахарева Ю.Ю. Подготовка и начало работ по восстановлению памятников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и блокады города (1941–1945 гг.) // После-военное восстановление памятников. Теория и практика XX века. Материалы междуна-родной научной конференции 4–5 декабря 2014. СПб.: ИПК «БЕРЕСТА», 2014. С. 6–16.

Гатчинский дворец и парк. Фотолетопись 1944–1970. СПб.: АНО РОССИКА «Лики», 2020. 392 с.

Гатчинский дворец в донесениях сотрудников Оперативного штаба Розенберга / Пере-вод, вступительная статья и комментарии А.Н Фарафоновой. Электронный ресурс: <http://gatchinapalace.ru/special/publications/prigorod/rozenberg.php> (Дата обращения: 23.08. 2025).

Действия группы армий «Север» в Гатчине и Гатчинском районе. Гатчинский дворец и парк в годы Великой Отечественной войны. Материалы круглого стола 3–4 октября 2018 года. ГМЗ «Гатчина». СПб.: Гатчина, 2020. 88 с.

References

Bakhareva Yu.Yu. Podgotovka i nachalo rabot po vosstanovleniju pamjatnikov Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i blokady goroda (1941–1945 gg.) [Preparation and the Beginning of Work on the Restoration of Monuments in Leningrad during the Great Patriotic War and the Siege of the City (1941–1945)] in *Poslevoennoe vosstanovlenie pamjatnikov. Teoriya i praktika HH veka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 4–5 dekabrja 2014*. St. Petersburg: IPK BERESTA, 2014. P. 6–16. (In Rus.).

Gatchinskij dvorec i park. Fotoletopis' 1944–1970. [Gatchina Palace and Park. Photo chronicle 1944–1970]. St. Petersburg: ANO ROSSICA “Liki”, 2020.—392 p. (In Rus.).

Gatchinskij dvorec v donesenijah sotrudnikov Operativnogo shtaba Rozenberga [Gatchina Palace in the reports of the staff of the Operational Headquarters of Rosenberg] / Translation, introductory article and comments by A.N. Farafonova. Electronic resource: <http://gatchinapalace.ru/special/publications/prigorod/rozenberg.php> (Date of access: August 23, 2025). (In Rus.).

Dejstvija gruppy armij «Sever» v Gatchine i Gatchinskem rajone. Gatchinskij dvorec i park v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Materialy kruglogo stola 3–4 oktjabrja 2018 goda. GMZ «Gatchina». [The actions of Army Group North in Gatchina and the Gatchina District. The Gatchina Palace and Park during the Great Patriotic War. Materials of the round table held on October 3–4, 2018. Gatchina State Museum of Fine Arts]. St. Petersburg: Gatchina, 2020. 88 p. (In Rus.).

МУЗЕЙ

Соломаха Е.Ю.

ЭРМИТАЖ. ПАМЯТЬ О БЛОКАДЕ

Соломаха, Елена Юрьевна — заместитель заведующего Научным архивом рукописей и документального фонда, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Российская Федерация, solomakha@hermitage.ru.

В статье рассказывается об проекте, посвященном истории Государственного Эрмитажа во время Великой Отечественной войны. О важности сохранить память об этом времени власти города впервые задумались еще в 1942 г., прислав в музей художников, чтобы запечатлеть для потомков залы блокадного музея. В настоящее время в Эрмитаже подготовлен многоплановый проект, включающий специальный раздел на сайте, виртуальный тур по залам блокадного Эрмитажа, 3D макеты бомбоубежищ и попадания снарядов в здания Зимнего дворца и Малого Эрмитажа, создание мемориально-выставочного проекта в двух подвалах под Новым Эрмитажем, открытие экспозиции, рассказывающей об истории пребывания собраний Эрмитажа в Свердловске в центре «Эрмитаж-Урал» в Екатеринбурге, издание сборника документов об эвакуации собраний музея на Урал, а также выставки, публикации, посвященные истории музея во время Великой Отечественной войны. Кроме того, совершенно новым опытом в истории Эрмитажа стал совместный проект по созданию спектакля «Живые картины блокады», осуществленный совместно с театром-фестивалем «Балтийский дом», в основу сценария которого положены воспоминания, дневники и письма хранителей Эрмитажа о пережитой блокаде.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, музей.

THE HERMITAGE. MEMORY OF THE BLOCKADE

Solomakha, Elena Yu.—Deputy Head of the Scientific Archive of Manuscripts and the Documentary Fund, the State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russian Federation, solomakha@hermitage.ru.

The article describes a project dedicated to the history of the State Hermitage Museum during the Great Patriotic War. The city authorities first thought about the importance of preserving the memory of this time during the blockade, sending artists to the museum to capture the halls of the besieged Hermitage for posterity. Currently, the museum has prepared a multifaceted project, including a special section on the website, a virtual tour of the halls of the besieged Hermitage, 3D models of bomb shelters and shell hits in the buildings of the Winter Palace and the Small Hermitage, the creation of a memorial and exhibition project in two basements under the New Hermitage, the opening of an exhibition dedicated to the history of the Hermitage collections in Sverdlovsk in the center Hermitage-Ural in Yekaterinburg, the

publication of a collection of documents on the evacuation of museum collections to the Urals, as well as exhibitions and publications on the history of the museum during the Great Patriotic War. In addition, a completely new experience in the history of the Hermitage was a joint project carried out jointly with the Baltic House Theater Festival to create the play “Living Pictures of the Blockade”, the script of which is based on memories, diaries and letters from the keepers of the Hermitage about the blockade.

Key words: The State Hermitage Museum, the Siege of Leningrad, the Great Patriotic War, museum.

Использование архивных материалов в музейном пространстве и создание экспозиций на основе документов, особенно в художественном музее, таком как Эрмитаж, задача, требующая непростых дизайнерских решений. Удачным примером такого рода можно назвать выставку 2017 г. «Зимний дворец и Эрмитаж. 1917. История создавалась здесь», посвященную 100-летию русской революции, практически целиком построенную на документальном материале. Ее дизайн был разработан бюро Каспара Конейна (Амстердам, Нидерланды).

Что касается темы истории музея во время Великой Отечественной войны и блокады, то идея о сохранении памяти об этом периоде возникла еще во время войны.

В самое страшное время ленинградской блокады, в январе 1942 г., председатель Ленинградского отделения Союза художников СССР В.А. Серов обратился в Управление Комитета по делам искусств при Ленинградском Горисполкоме и одновременно к секретарю Горкома ВКП(б) Н.Д. Шумилову просьбой «о предоставлении группе ленинградских художников разрешений делать зарисовки Ленинграда в дни Великой Отечественной войны»¹. Серов отмечал, что «зарисовки с натуры будут иметь самостоятельную ценность, как непосредственный художественный документальный материал героических незабываемых дней обороны Ленинграда».² Около пятидесяти художников вышли на улицы, чтобы запечатлеть облик блокадного Ленинграда. Впоследствии их работы были переведены в открытки, показаны на выставке в Москве «Оборона Ленинграда» в 1942 г. в ГМИИ им. А.С. Пушкина и в Третьяковской галерее и на других выставках. В рамках этого начинания тогда же в марте 1942 г. Ленинградское отделение Комитета по делам искусств направило в Эрмитаж нескольких художников, чтобы запечатлеть ранения Эрмитажа. Среди них были В.В. Милютин, А.В. Каплун, В.В. Пакулин, В.Н. Кучумов.

Осенью 1943 г. решением Военного совета Ленинградского фронта Льву Львовичу Ракову, который до войны служил ученым секретарем Эрмитажа, была поручена организация выставки «Героическая оборона Ленинграда». В 1944 г. она была открыта в залах бывшего Сельскохозяйственного музея в Соляном переулке, а в 1945 г. преобразована в Музей обороны Ленинграда. В его создании принимали участия и сотрудники Эрмитажа, работавшие всю блокаду в музее³.

Эрмитажники очень гордились тем, что им удалось отстоять свой город и спасти экспонаты музея. В 1948 г. в память о только что прошедшей войне и блокаде в Эрмитаже вышел первый послевоенный номер Сообщений Эрмитажа, целиком посвященный

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее—ЦГАЛИ СПб.). Ф. 3–333. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 3–333. Оп. 2. Д. 10. Л. 1

³ Лев Львович Раков: творческое наследие, жизненный путь. авт.-сост. А.Л. Ракова / серия «Хранитель», СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007.

жизни музея во время Великой Отечественной войны. В нем сами участники событий рассказали о том, как сохраняли экспонаты в глубоком тылу, о выставке, устроенной в Свердловске в 1943 г., о юбилее Низами и Навои в блокадном музее, об интернате Эрмитажа, об экспедициях и о начале восстановления музея⁴. Но в 1949 г. Музей обороны Ленинграда был закрыт, экспонаты большей частью уничтожены, остальные переданы в музей Октябрьской революции. Только после оттепели, в 1965 г. вышла книга Сергея Варшавского и Юлия Реста «Подвиг Эрмитажа». Книга была написана на основе воспоминаний и архивных документов и выдержала несколько переизданий⁵.

Что касается Свердловска, то там об истории Филиала Эрмитажа забыли надолго, во-первых, потому что пребывание музея в городе было засекречено, а во-вторых, в Свердловске во время войны было огромное количество эвакуированных предприятий, да и людей в первую очередь интересовало происходящее на фронте. В конце 1970-х гг. сотрудник Свердловской студии телевидения Зоряна Леонидовна Рымаренко стала собирать материалы для телевизионной передачи о филиале Эрмитажа в Свердловске и в поисках очевидцев обратилась в Эрмитаж. В результате этой переписки заведующая сектором Византии Отдела Востока Алиса Владимировна Банк, которая во время войны была ученым секретарем Филиала, и несколько ее коллег по Филиалу приехали в Свердловск и выступили на местном телевидении. Они написали свои воспоминания, которые были позднее опубликованы в книге «Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941–1945». В 1995 г. Эрмитаж привез в Екатеринбург масштабную выставку «Эрмитаж спасенный». На ней, помимо произведений искусства, были впервые представлены документы тех лет из архива музея. В 2016, 2017 и 2018 г. Эрмитаж и Екатеринбургский музей изобразительного искусства, в рамках совместного проекта, провели конференции «Музей и война»⁶, «Музей и революция»⁷, «Музей между двумя войнами»⁸.

В 1990-х гг. в Эрмитаже, в годовщины снятия блокады и Победы, в подвалах музея, где во время войны были организованы бомбоубежища, устраивали небольшие временные экспозиции, на которых показывали документы, артефакты, фотографии, сохранившиеся от тех времен.

В 2004 г. к 60-летию со дня полного освобождения Ленинграда от блокады кинорежиссер Александр Сокуров создал в подвалах инсталляцию «Жизнь Эрмитажа в годы блокады». Здесь помимо привычных документов были размещены двадцать пять скульптурных групп «Граждане блокады» в натуральную величину, выполненные скульптором, профессором Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина П.А. Шевченко, художником-постановщиком Е. Жуковой и художником по костюмам Л. Крюковой. Фигуры были одеты в подлинную одежду того времени — ватники, гимнастерки, — специально сохраненные для кино киностудией «Ленфильм». Для создания необходимой атмосферы на выставке использовали аудиозаписи и кинохронику. «Эта выставка — живой организм, пока еще эскиз, — прокомментировал Александр

⁴ Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. V . Л., 1948.

⁵ Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. Государственный Эрмитаж в годы Великой Отечественной войны. М.-Л., 1965.

⁶ Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции 4–6 апреля 2016 года. Екатеринбург, 2016.

⁷ Музей и революция года в России. Судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции 15 ноября 2017 года. СПб., 2017.

⁸ Музей между Гражданской и Великой Отечественной войной: судьба людей, коллекций, зданий: сборник докладов всероссийской конференции 11–12 октября 2018 года. Екатеринбург, 2018.

Сокуров.—Он требует развития и дополнения. Но, возможно, тем, у кого есть душа и сердце, станет понятней, как все происходило в те незабываемые годы»⁹.

В 2005 г., к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, в Эрмитаже была проведена акция памяти в Висячем саду Малого Эрмитажа. Там посадили те же самые овощи, которые сажали сотрудники блокадной весной в 1942 г.

Наши знания об этом времени пополняются, и теперь мы можем не только восстановить в мельчайших подробностях историю Эрмитажа во время Великой Отечественной войны, но, благодаря применению самых новейших технологий использовать более широкий спектр инструментов, чтобы донести ее до современного зрителя более разнообразным языком.

В связи с 80-летием со дня снятия блокады и 80-летием Победы в Великой Отечественной войне, Эрмитаж подготовил масштабный проект, посвященный истории музея в эти годы, включающий самые разные способы подачи материала.

Это рассказ о том,

- как Эрмитаж сохранял свои коллекции в зданиях музея и в эвакуации в Свердловске;
- о том, что делалось для спасения сотрудников музея в блокадном городе;
- что предпринимали для спасения зданий;
- как спасали детей Эрмитажа.

Надо отметить, что директор Эрмитажа И.А. Орбели задолго до начала войны предпринял необходимые меры, в результате которых музей, практически единственный в Ленинграде, к началу войны практически был готов к возможной эвакуации. Хотя мобилизационные планы на случай войны существовали на всех предприятиях Советского Союза начиная с 1930-х гг., именно Орбели, единственный среди директоров музеев Ленинграда, очень серьезно подошел к этому вопросу. Он добился передачи Эрмитажу Сампсониевского собора, где с 1938 г. начали подготовку к возможной эвакуации. Уже к 1939 г. была сделана основная часть ящиков, заготовлено 28 тонн стружки, бумаги, а к маю 1941 были даже отпечатаны бланки поящичных описей, в которые только оставалось внести наименования экспонатов для каждого ящика. Заранее был произведен расчет количества транспорта и рабочей силы для упаковки и вывоза коллекций¹⁰.

Готовясь к мобилизации, И.А. Орбели изучал мировую практику такого рода, а также непосредственный опыт предыдущей эвакуации музея 1914–1917 гг. Тогда при упаковке Картинной галереи хранителями был разработан прием оставлять пустые рамы на стенах для быстрого восстановления экспозиции после реэвакуации.

Весь алгоритм подготовки к эвакуации коллекций и очередность отправки в тыл были разработаны вплоть до мельчайших деталей, и поэтому несмотря на исключительную спешность, с какой производилась упаковка предметов, ее качеству былоделено особое внимание. Именно поэтому, все коллекции вернулись без утрат и повреждений. К упаковке экспонатов приступили на следующий день после объявления войны. В первую очередь к эвакуации готовили всю экспозицию. Работы шли круглосуточно, чему способствовали белые ночи. Спали по 2–3 часа, прямо в залах и на скамейках в Эрмитажном театре. В упаковке первого эшелона принимали участие 204 научных сотрудника

⁹ Уресь А. Не трогай моих чертежей // Невское время. 2004. 27.01. URL: https://nvspb.ru/2004/01/27/ne_troqaj_moih_chertezhej-14728 (Дата обращения: 01.06.2025)

¹⁰ Пятницкий Ю.А. Неистовый И.А. Орбели: «Эвакуация на случай объявления мобилизации» // 250 историй про Эрмитаж. «Собрание пестрых глав...». Кн. IV, ч. I. СПб., 2016. С. 75–117.

и их родные. Так как часть сотрудников была в отпусках, часть в экспедициях, а часть мобилизована на окопы на помощь пришли художники, студенты, курсанты военно-инженерного училища, отряд подводного плавания, — всего около ста пятидесяти человек.

Поэтому уже к 1 июля, всего только за одну неделю, был собран и отправлен на Урал, в Свердловск первый эшелон, увозивший всю экспозицию, — около 500 000 экспонатов, 1133 ящика. Возглавил эшелон, а затем и Филиал Эрмитажа в Свердловске заведующий Отделом истории западноевропейского искусства В.Ф. Левинсон-Лессинг. К 20 июля были упакованы и отправлены вторым эшелоном еще 1422 ящика. Помимо эрмитажных в нем отправлялись в эвакуацию ценнейшие рукописи Пушкинского дома, ГАИМК, экспонаты музея этнографии, часть библиотеки Пулковской обсерватории, так как Орбели, идя на встречу коллегам, взял ящики этих организаций, в ущерб своим экспонатам. Третий эшелон отправить не успели: замкнулось кольцо блокады. Часть ящиков была уже перевезена на вокзал, пришлось ее возвращать. 351 ящик с эрмитажными экспонатами так и остался стоять в галерее Растрелли.

6 июля был отправлен в тыл эрмитажный интернат, сформированный на базе эрмитажного детского сада. 146 детей от полутора до пятнадцати лет были отправлены сначала в Ярославскую область, а затем на Урал в деревню Ляды под Молотовым (сейчас Пермь). Это путешествие было очень тяжелым. Возглавила интернат заведующая школьным лекторием Любовь Владимировна Антонова.

Не все экспонаты были намечены к эвакуации, в залах оставалось много мебели, большие каменные вазы, тяжелые постаменты, исторические люстры и произведения искусства, которые по условиям сохранности не смогли бы перенести транспортировку, например, восточные фрески. Мебель и большую часть рам перенесли на первый этаж Нового Эрмитажа и в манеж под Висячим садом, наиболее хрупкие предметы, фарфор, стекло спрятали в подвалах музея. На стекла многочисленных окон наклеили полоски бумаги крест-накрест, для того чтобы при ударе взрывной волны стекла не рассыпались мелкими осколками. В залах на листах фанеры насыпали песок, там же поместили лопаты для возможного тушения зажигательных бомб. В июле очистили все дворы Эрмитажа от горючих материалов.

Для сотрудников еще за полгода до начала войны по решению Исполкома Ленинградского Городского совета депутатов трудящихся начали оборудовать подвалы под зданиями музея и к июлю 1941 г. двенадцать подвалов были практически готовы под бомбоубежища. Сначала они использовались только как укрытия во время воздушной тревоги, но в сентябре с наступлением блокады стали жилыми. Для этого изготовили и расставили койки, заложили кирпичом окна, подготовили канализацию. Когда начались систематические налеты немецкой авиации в подвалах жили сотрудники Эрмитажа, ученыe, музейные работники, деятели культуры Ленинграда, всего до двух тысяч человек. Здесь люди жили, здесь они продолжали вести научную работу. Б.Б. Пиотровский вспоминал: «Научная работа облегчала нам тяжелую жизнь. Те, кто был занят работой, легче переносили голод. Чувство голода со временем обычно переходило в физическое недомогание, мало похожее на желание есть в обычных условиях. И так же, как всякое недомогание, оно легче переносилось в работе»¹¹.

Это хорошо понимал И.А. Орбели, поэтому в октябре и декабре 1941 г. он провел два научных заседания, посвященных 800-летию азербайджанского поэта Низами,

¹¹ Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941–1945. Документы архива Государственного Эрмитажа. / Сост. Е.Ю. Соломаха, Е.М. Яковлева. СПб., 2020. С. 98.

и 500-летию со дня рождения основателя узбекской поэзии Алишера Навои, для чего он добился, чтобы на время заседаний были откомандированы с фронта ученые-востоковеды.

1 февраля 1942 г. в помещении под Павильонным залом, был открыт стационар на 100 коек для поддержания сил наиболее ослабленных сотрудников пяти музеев—Эрмитажа, музея Революции, который располагался в Зимнем дворце, музея В.И. Ленина, Русского музея и Музея этнографии. Так как к этому времени в Эрмитаже уже не было ни отопления, ни освещения, пришлось утеплить комнаты буржуйками. Медицинскими сестрами и санитарками стали по совместительству сотрудницы музея. Для того, чтобы лечение приносило реальную пользу, нужно было строго соблюдать все санитарные нормы. И пока стационар действовал, его помещения всегда хорошо отапливали, в них регулярно мыли полы, пациентов при приеме тщательно осматривали. Городское управление обеспечивало стационар медикаментами первой необходимости для дистрофиков: витамином С, глюкозой, рыбьим жиром, антибактериальными препаратами, но самым главным стало, конечно, усиленное питание. Стационар при Эрмитаже работал 89 дней, с 1 февраля по 1 мая 1942 г. Всего за это время в нем побывали 313 человек, из них умерло только 18. Почти все сотрудники Эрмитажа в то или иное время восстанавливали там свои силы и многим он спас жизнь.

В марте 1942 г. из-за прорвавшейся канализации затопило подвалы. Люди были выселены оттуда еще в январе, но там оставались экспонаты. Дворцовую мебель надо было буквально вылавливать из полу затопленных подвалов. Самым драматичным моментом того «всемирного потопа» стало обнаружение в подвале под залом Афины, где был захоронен в песок музейный фарфор, плавающих по поверхности воды чашек и блюдец. Отдельно от них плавали отклеившиеся бирки с инвентарными номерами.

К концу марта из Ленинграда эвакуировали академиков и докторов наук, в это время Орбели уехал в Ереван, замещать его остался доктор искусствоведения, заведующий Отделом графики профессор М.В. Добролюбский. Эрмитаж был законсервирован, то есть отключен от всех систем тепло и водоснабжения, в музее оставалось чуть больше 100 сотрудников.

В это время в Свердловске шла работа по сохранению эвакуированных коллекций. Они располагались в здании Картинной галереи на ул. Вайнера, в Польском костеле, где были самые неудовлетворительные условия хранения из-за отсутствия отопления и недостатка места,—ящики, поставленные друг на друга, стояли почти до потолка, что не давало возможность контролировать сохранность находящихся в них экспонатов. Еще одно здание, предоставленное Филиалу Эрмитажа, был печально известный Ипатьевский дом, место расстрела императорской семьи. И лишь в 1943 г. власти города выделили под эрмитажные собрания здание клуба имени Горького на Первомайской улице, куда перевезли ящики из Костела и дома Ипатьева. Помимо постоянной работы по проверке сохранности экспонатов, сотрудники Филиала читали лекции в университетах Свердловска, в санитарных поездах и госпиталях. В 1943 г. была открыта передвижная выставка «Военная доблесть русского народа», для которой в виде исключения достали часть портретов из галереи 1812 года.

Снятие блокады стало огромным праздником и для остававшихся в Ленинграде эрмитажников, и для сотрудников Филиала в Свердловске.

В середине 1944 г. в Ленинград вернулся Орбели. Он добился возвращения в Ленинград ряда сотрудников и практически сразу наметил организацию выставки из экспонатов, остававшихся в музее.

Выставка была открыта к ноябрю 1944 г. на втором этаже Малого Эрмитажа. Ремонт помещений, реставрация экспонатов, их размещение в витринах и на стенах, все это было осуществлено только силами самих сотрудников музея. Выставка стала очень значимым событием в жизни освобожденного Ленинграда, так Эрмитаж продемонстрировал жителям, что несмотря на тяжелейшие условия блокады удалось сохранить экспонаты и даже такие как хрупкий фарфор, египетскую мумию и другие. С этой выставки началось постепенное восстановление музея.

В январе 1945 г. Эрмитажу был передан весь Зимний дворец, вслед за этим, в феврале, состоялось совещание по распределению залов Зимнего дворца и был разработан детальный план открытия залов и распределения коллекций. После окончания войны сотрудники стали ждать возвращения экспонатов. 7-го октября два состава с разницей один час отошли от платформы Свердловска. 11-го октября эшелоны с эрмитажными ценностями благополучно вернулись в Ленинград. Их встречали все сотрудники, пережившие блокаду и вернувшиеся из эвакуации во главе с И. А. Орбели. Первым по традиции был восстановлен зал Рембрандта. 4-го ноября состоялось открытие Эрмитажа. Публике представили шестьдесят девять залов, их восстановили в довоенном виде, чтобы посетители увидели все на своих прежних местах. В благодарность за сохраненные коллекции в 1949 г. Эрмитаж передал в Свердловскую картинную галерею свыше четырехсот экспонатов из своих фондов, живопись, скульптуру, графику, предметы прикладного искусства¹².

Это краткий обзор того, что происходило в музее во время Великой Отечественной войны. Для самой широкой публики Эрмитаж представил эту историю на сайте в разделе «Эрмитаж в годы войны». Он содержит восемь подразделов:

- «Эвакуация в Свердловск»,
- «Бомбоубежище»,
- «Эрмитаж в работах блокадных художников»,
- «Выставка 1944 года»,
- «Возвращение экспонатов»,
- «Раны Эрмитажа», где представлен 3D-макет зданий музея с местами попадания бомб и снарядов. Они были зафиксированы городской комиссией по ущербу, которая начала работу в музее через несколько дней после снятия блокады. В акте самым подробным образом зафиксированы все разрушения зданий (в музей за время блокады попало 30 снарядов и 2 авиабомбы), а также утраты экспонатов непосредственно от разрушений, сырости, вибрации и т.д. На основе акта, составленного комиссией, была сделана диаграмма, на которой наглядно показаны места попадания снарядов и авиабомб в здания музея. Эта диаграмма легла в основу 3D макета. Надо особо отметить, что разработчики сознательно применили прием показа модели, представив здания в черно-белом цвете и достаточно схематично. Разрывы снарядов показаны красным цветом. На сайте пока можно увидеть только попадание снарядов в Зимний дворец и Новый Эрмитаж, так как эта работа достаточно сложная и требует большого количества времени. Работа продолжается и в ближайшее время макет будет дополнен. Модель проиллюстрирована сохранившимися фотографиями разрушений, причиненных снарядами.

¹² Апонасенко А.Н. Передача предметов Государственного Эрмитажа в Свердловскую картинную галерею // Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, фотографиях и рисунках / Сост.- Е.Ю. Соломаха, Е.М. Яковлева. Екатеринбург, 2021. С. 238–239.

- Виртуальный визит «Летопись войны и Победы» дает возможность не только получить информацию о том времени, но «пройтись» с помощью 3D-панорамы по Большому итальянскому просвету и залу Рембрандта, перенося пользователя в пустые залы военного времени, на стенах которых остались лишь рамы от картин и песок на листах фанеры для тушения зажигательных бомб. Виртуальный визит воссоздан по фотографиям блокадного времени. Надо сказать, что с началом войны все фотоаппараты у населения были изъяты. И это понятно: в осажденном городе население с началом войны обязали сдать личные фотоаппараты, снимать могли только специально аккредитованные военные корреспонденты. Среди них был и москвич Борис Павлович Кудояров. Он всю блокаду оставался в Ленинграде, сделал более 3000 снимков, большинство которых вошли в золотой фонд мировой фотографии. Он делал снимки и в залах блокадного Эрмитажа, на их основе сделан виртуальный визит. 3D визит включает медиа материалы и видеофайлы с краткими рассказами о событиях того времени: об экскурсии, которую провел для солдат, помогавших Эрмитажу, начальник охраны Павел Филиппович Губчевский, об эвакуации отдельных экспонатов, например, о «Блудном сыне» Рембрандта и о том, как отразилась история блокадного музея в творчестве современного японского художника Ясумасы Моримуры. В залах выставлены фотомонтажи, подаренные им Эрмитажу после биеннале современного искусства «Манифеста 10». Моримура представил себя в этих работах Верой Милютиной, которая в числе других художников рисовала блокадные залы Эрмитажа. Совместив в своих работах прошлое и настоящее, он предложил задуматься о том времени и о хрупкости мира и культуры.
- Виртуальный тур по подвалам музея, которые во время войны были превращены в бомбоубежища, помогает представить как жили люди в самую страшную первую блокадную зиму. По понятным причинам съемок там не вели, но в подвалах в период с сентября 1941 до января 1942 г. спасалось от бомбежек до 2000 человек. Это были не только сотрудники Эрмитажа, но и представители творческих союзов, художники, архитекторы, искусствоведы. Некоторые там жили постоянно, некоторые приходили до начала обстрелов, так как немцы обстреливали город по часам. Сохранились рисунки архитектора А.С. Никольского и театрального художника М.А. Григорьева.

Михаил Александрович Григорьев, получил пропуск в бомбоубежище № 5 в конце сентября и приходил каждый вечер с женой в Эрмитаж ночевать. Он пробыл здесь недолго. Уже в ноябре Григорьев с женой улетел из блокадного города на большую землю. Но за этот короткий период он сделал серию набросков. Именно его довольно подробные изображения помогли воссоздать 3D-модель бомбоубежищ под заданиями музея, которую также можно увидеть на сайте.

Освещение в подвалах было довольно слабым, что прекрасно передано на 3D-модели, предметы, которые лежат на столах, частично сохранились с того времени — это керосинки, фонари, разномастные стулья, перенесенные в подвалы из кабинетов и, конечно, книги — в Эрмитаже продолжала работать библиотека, и сотрудники в свободное от дежурств в залах время вели научные изыскания. В глубине на стене можно увидеть «Боевой листок» — стенгазету, выпущенную к Новому 1942 г., которая сохранилась в архиве музея. Короткие заметки рассказывают о работе в госпиталях, о помощи солдатам на фронте, о прошедшем в декабре заседании в честь 500-летия узбекского поэта Алишера Навои.

Еще одна часть этого проекта связана со сборником «Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941–1945». Книга вышла в 2005 г. в издательстве Эрмитажа. В ней были опубликованы дневники, воспоминания и письма сотрудников музея. Этот отбор, несмотря на огромное количество документов, был сделан сознательно, чтобы читатель смог услышать рассказ самих участников событий, сотрудников Эрмитажа, остававшихся в блокадном Ленинграде, в Свердловске и других городах, куда их забросила война, от первого лица. Практически через пару лет весь тираж 1000 экземпляров разошелся. В 2020 г. книга была переиздана и дополнена. На сайте музея будет помещен аудиофайл с фрагментами текстов из нее. Этот раздел предназначен для тех, кому по разным причинам удобнее слушать аудиозапись. Было решено не приглашать профессиональных актеров, тексты читают сотрудники музея. Часть их уже записана и скоро появится на сайте.

История Эрмитажа во время Великой Отечественной войны будет представлена в самом музее, в подвалах под Новым Эрмитажем. Мемориально-выставочный проект будет осуществлен дизайнерским бюро СолАрт. Прежде всего, надо отметить, что экспозиция будет размещена в тех помещениях, где происходили события, о которых будет рассказано на экспозиции. Во время войны там находились бомбоубежища №№2 и 3, где жили и работали сотрудники музея с семьями с сентября 1941 по январь 1942 г. Можно поименно назвать всех проживавших, так как списки сохранились в архиве Эрмитажа.

Направление движения и названия разделов экспозиции будут обозначены светом на трубах отопления, расположенных под сводами. Экспозиция построена целиком на материалах архива Эрмитажа—документах, фотографиях военных корреспондентов, рисунках. Они будут представлены на мониторах, а также в виде специально изготовленных муляжей. На экспозиции будут также выставлены артефакты, сохранившиеся с того времени. Лопаты, приспособления для тушения зажигалок, ящики для перевозки экспонатов, а также осколки последнего снаряда, упавшего 2 января 1944 г. на Зимний дворец, пробившего крышу над Гербовым залом и разорвавшегося в перекрытиях галереи Растрелли.

Если говорить об экспозициях, созданных на основе документов архива Эрмитажа, нельзя не сказать о такой важной части проекта, посвященного памяти об истории Эрмитажа во время Великой Отечественной войны, как о проекте в центре «Эрмитаж-Урал», открытом в 2021 г. в Екатеринбурге. Центр открыли в здании на улице Вайнера, 11, где во время войны хранили шедевры Эрмитажа. Экспозиция, посвященная жизни Филиала в Свердловске, развернута именно в том самом кабинете в мансарде, где сидели дежурные хранители и проходили научные заседания. В коридоре, ведущем в помещение, воссоздан образ вагона движущегося на Восток поезда, за окном которого мелькают пейзажи, в самом «вагоне» стоят ящики с номерами отделов, (номера прямо скопированы с фотографий, сделанных при эвакуации) и посетитель может увидеть картины, которые в них уложены.

Далее посетитель попадает в сам кабинет: на одной из стен в режиме нон-стоп появляются и исчезают фотографии эрмитажных хранителей, напротив в небольшом пространстве за стеклом стоит фигура охранника-милиционера. Фигура развернута спиной к зрителю, это не случайно, так как имена охранявших наш Филиал свердловчан неизвестны, но сохранилась память об их помощи музею.

На столе можно видеть муляжи документов, а в картотеке посмотреть сведения о сотрудниках Филиала. На мониторе представлены подробные сведения о самых разных сторонах деятельности Эрмитажа в Свердловске—сохранении экспонатов, работе

воскресного университета, выставке, организованной в 1943 г. в нескольких городах Урала и Сибири, о том, как и где жили сотрудники, о детях Филиала и др. К открытию центра был издан сборник «Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках», созданный на материалах из архива Эрмитажа. Издание было осуществлено совместно с Екатеринбургским музеем изобразительных искусств¹³. Так как книга предназначалась для самого широкого круга читателей и главной ее задачей было ознакомить как можно большее количество екатеринбуржцев с историей их родного города, она сразу задумывалась в виде большого красочного альбома, где не только фотографии и рисунки, но и большинство документов воспроизведены факсимиле.

В 2024 г. у Эрмитажа появился еще один уникальный опыт — презентация истории Эрмитажа во время войны в театральной постановке. Речь идет о спектакле «Живые картины блокады». Спектакль был поставлен театром-фестивалем «Балтийский дом» совместно с Эрмитажем к 80-летию освобождения Ленинграда от блокады. Режиссер И.Г. Коняев сам написал сценарий, взяв за основу книгу «Эрмитаж. Хроника военных лет». Премьерные показы спектакля прошли на сцене Эрмитажного театра 28 и 29 января 2024 г., а затем на Малой сцене театра. Сценограф Дарья Здитовецкая разработала очень лаконичный дизайн спектакля, который выполнен в черно-белом цвете с фотографиями наших коллег, от имени которых актеры произносят текст. По договоренности между музеем и театром спектакль стал ежегодным событием в репертуаре Эрмитажного театра и театра «Балтийский дом». Информация о спектакле, а также фотографии блокадного Эрмитажа размещены на сайте и различных пабликах театра. В 2025 г. спектакль Игоря Коняева «Живые картины блокады» вошел в лонг-лист наиболее заметных спектаклей сезона по мнению экспертов премии «Золотая маска», а также удостоен Приза имени Василия Ланового за лучший спектакль большой формы. Этот способ подачи архивного материала нашего музея можно назвать первым подобным опытом для обеих институций.

В рамках проекта Эрмитаж ежегодно проводит мероприятия в память о блокаде и Победе в ВОВ. Это небольшие временные экспозиции — «выставки-события», публичные концерты-лекции в театре Эрмитажа, ежегодное чтение имен погибших эрмитажников, которое происходит каждое 8 сентября в большом дворе Зимнего дворца.

27 января 2024 г. в день 80-летия со дня полного освобождения Ленинграда от блокады на Дворцовой площади состоялось театрализованное представление «Блокада. Помнить вечно», во время которого на стены Главного штаба проецировались фотографии военных лет, а также фотографии хранителей Эрмитажа, сохранивших сокровища главного музея страны для будущих поколений.

Список литературы

Варшавский С., Рест Б. *Подвиг Эрмитажа*. Государственный Эрмитаж в годы Великой Отечественной войны. М.-Л.: Сов. художник, 1965. 190 с.

Лев Львович Раков: творческое наследие, жизненный путь / Авт.-сост. А. Л. Ракова / серия «Хранитель». СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. 457 с.

Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции 4–6 апреля 2016 года. Екатеринбург, 2016. 308 с.

¹³ Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, фотографиях и рисунках.

Пятницкий Ю.А. Неистовый И.А. Орбели: «Эвакуация на случай объявления мобилизации» // 250 историй про Эрмитаж. «Собранье пестрых глав...». Кн. IV, ч. I. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2016. С. 75—117.

Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, фотографиях и рисунках / Сост. Е.Ю. Соломаха, Е.М. Яковлева. Екатеринбург: Екатеринбургский музей изобразительных искусств; СПб.: Центр документации общественных организаций Свердловской области, 2021. 335 с.

Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941—1945. Документы архива Государственного Эрмитажа / Сост. Е.Ю. Соломаха, Е.М. Яковлева. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2020. 229 с.

References

Varshavskij S., Rest B. *Podvig Jermitazha. Gosudarstvennyj Jermitazh v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Hermitage's Feat. The State Hermitage Museum during the Great Patriotic War]. Moscow, Leningrad: Sov. hudozhnik, 1965. 190 p. (In Rus.).

Lev L'vovich Rakov: *tvorcheskoe nasledie, zhiznennyj put'* [Lev Lvovich Rakov: creative legacy, life path] / Avt.-sost. A.L. Rakova / serija «Hranitel'». St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2007. 457 p. (In Rus.).

Muzej i vojna: sud'ba ljudej, kollekcij, zdanij. Sbornik dokladov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 4–6 aprelya 2016 goda. [Museum and War: The Fate of People, Collections, and Buildings. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 4–6, 2016]. Ekaterinburg, 2016. 308 p. (In Rus.).

Pjatnickij Ju.A. Neistovyj I.A. Orbeli: «Jevakuacija na sluchaj ob#javlenija mobilizacii» [Furious I.A. Orbeli: “Evacuation in case of mobilization”], in *250 istorij pro Jermitazh. «Sobran'e pestyh glav...»*. Kn. IV, ch. I. [250 Stories about the Hermitage. “A Collection of Motley Chapters...” Book IV, Part I]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2016. P. 75–117. (In Rus.).

Spasti i sohranit'. Jevakuacija Gosudarstvennogo Jermitazha na Ural v dokumentah, fotografijah i risunkah / Sost. E.Ju. Solomaha, E.M. Jakovleva [Save and Preserve. The Evacuation of the State Hermitage Museum to the Urals in Documents, Photographs, and Drawings]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskij muzej izobrazitel'nyh iskusstv; St. Petersburg: Centr dokumentacii obshhestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti, 2021. 335 p. (In Rus.).

Jermitazh. Hronika voennyh let. 1941–1945. Dokumenty arhiva Gosudarstvennogo Jermitazha / Sost. E.Ju. Solomaha, E.M. Jakovleva. [The Hermitage. Chronicle of the War Years. 1941–1945. Documents from the State Hermitage Museum Archives]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2020. 229 p. (In Rus.).

Гончаренко С.Н.

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 ГГ. В ЭКСПОЗИЦИЯХ ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Гончаренко, София Николаевна — магистр музеологии, выпускник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, sofiya.goncharenko.2014@mail.ru.

Исследование посвящено сравнительному анализу репрезентации памяти о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. в музейном пространстве России и Финляндии. Изучение того, как формируются и транслируются национальные исторические нарративы через институты памяти, остается крайне актуальным в контексте дискуссий о трудном наследии XX века. Исследование выявило существенные различия в подходах к освещению конфликта. В российском музейном пространстве доминирует военно-технический и фрагментарный подход, интегрирующий войну в предвоенный контекст Великой Отечественной войны и представляющий ее как вынужденную меру безопасности. В то же время финские музеи конструируют героико-патриотический нарратив, где война вне связи со сложной панорамой международной обстановки 1930-х гг. предстает центральным событием национальной истории, сплотившим нацию перед лицом опасности.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Зимняя война, Куусинен, Маннергейм, музеи, экспозиция.

THE SOVIET-FINNISH WAR OF 1939–1940 IN THE EXHIBITIONS OF HISTORICAL MUSEUMS OF RUSSIA AND FINLAND

Goncharenko, Sophia Nikolaevna — MA in Museology, Saint-Petersburg State University graduate, Saint-Petersburg, Russian Federation, sofiya.goncharenko.2014@mail.ru.

The paper is devoted to a comparative analysis of the representation of memory of the Soviet-Finnish War of 1939–1940 in the museums of Russia and Finland. Exploring how national historical narratives are formed and transmitted through institutions of memory remains highly relevant in the context of a dialogue about the difficult heritage of the 20th century. The study revealed significant differences in approaches to covering the conflict. In the Russian museum space, a military-technical and fragmentary approach dominates, integrating the war into the pre-war context of the Great Patriotic War and presenting it as a necessary security measure. At the same time, Finnish museums construct a heroic-patriotic narrative, where the war, unrelated to the complex panorama of the international situation of the 1930s, appears as a central event in national history that united the nation in the face of danger.

Key words: Soviet-Finnish War, Winter War, Kuusinen, Mannerheim, museums, exposition.

В последние годы в историографии заметно возрос интерес к «трудному наследию», связанному прежде всего с военными конфликтами. Исследования фокусируются на том, как общество воспринимает такие события, а также какие стратегииувековечения памяти используются. Музеи, играющие ключевую роль в публичных дискуссиях, активно участвуют в конструировании коллективной памяти и национальных нарративов, создавая экспозиции на эмоционально сложные и табуированные темы.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг., известная в Финляндии как «Зимняя война», представляет собой яркий пример такого «трудного наследия». В Финляндии это событие остается центральным для национальной идентичности, тогда как в российской коммеморативной политике оно является «фигурой умолчания»¹. В России нет государственных музеев, посвященных этому конфликту, и его представление в экспозициях фрагментарно. В то же время в Финляндии существуют специализированные музеи, а тема широко освещается в национальных военно-исторических музеях.

Несмотря на обширную историографию войны, ее музейная презентация изучена слабо. Сравнительный анализ экспозиций России и Финляндии позволит выявить различия в интерпретации конфликта и дополнить исследования о музеефикации войны и исторической политике.

В данной статье проанализированы способы презентации войны в постоянных и временных экспозициях ряда значимых музеев, а также определены основные тенденции в формировании ее образа и выявлены аспекты конфликта, получающие наибольшее отражение. Источниковой базой настоящего исследования служат каталоги временных выставок, официальные сайты музеев и материалы постоянных экспозиций. Для комплексного анализа музейных экспозиций был применен метод семиотического анализа, позволяющий рассматривать музейную выставку как целостный текст, состоящий из вербальных (аннотации, этикетки, пояснительные тексты) и невербальных (экспонаты, их расположение, свет, цвет, пространственная организация) компонентов. Особое внимание уделялось тому, как формируется основной нарратив: через отбор и интерпретацию фактов, расстановку акцентов, использование определенной лексики. Отдельно анализировались приемы визуальной и эмоциональной коммуникации с посетителем: использование фотографий, личных вещей, интерактивных элементов, которые способствуют персонификации истории и усиливают эмоциональное воздействие. Также во внимание принимается пространственная организация материала, которая позволяет выявить иерархию тем. Другими словами, отмечается, что находится в центре, что на периферии экспозиции. Такой подход позволяет выявить не только явные, но и скрытые смыслы, заложенные авторами экспозиций, а также определить ключевые черты принятых подходов к презентации памяти о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Сравнительный анализ музейных экспозиций о Зимней войне, базирующийся на положениях сформировавшегося в XX в. научного направления *memory studies*², позволит определить доминирующие нарративы о конфликте в России и Финляндии.

В СССР война после ее завершения оказалась на периферии внимания и фактически была забыта. Сразу после конфликта советская пропаганда представляла его как вынужденную меру для безопасности Ленинграда, героизируя подвиг Красной армии и замалчивая неудачи. Существовали и закрытые военно-научные работы, но они надолго остались секретными. После Второй мировой войны упоминание конфликта не поощрялось для укрепления дружественных отношений с Финляндией³.

¹ См. Королев К.М. «Принимай нас, Суоми-красавица»: Память о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и конструирование «подлинной» истории войны // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 48.

² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Нора П. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб., 1999. С. 17–50; Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

³ Барышников В.Н. Финская война. М., 2023. С. 12–16.

Перелом наступил в конце 1980-х—1990-е гг. Рассекречивание архивов и доступ к финским материалам привели к переосмыслению прошлого. Война стала рассматриваться через призму критики сталинской внешней политики и агрессии СССР. Это отразилось и в школьных учебниках, где появилось признание ответственности СССР и данные о потерях, хотя освещение оставалось фрагментарным. В 2000-е гг. в научной литературе сформировался более сбалансированный подход к освещению истории конфликта, сочетающий мотивы безопасности Ленинграда с критикой просчетов руководства. Однако в массовом сознании россиян война остается малоизвестным эпизодом, вытесненным памятью о Великой Отечественной войне. Государственная коммеморация ограничена редкими локальными инициативами, а основными хранителями памяти выступают энтузиасты и локальные музеи.

В финской историографии война превратилась в мощный символ национального единства и сопротивления. Интерес к ней остается стабильно высоким, о чем свидетельствует большое количество публикаций, особенно после 1990 г.⁴ В развитии финской историографии можно выделить несколько этапов. В 1940-е—1950-е гг. начинается формирование национального мифа о героической обороне малой страны против агрессора. Работы носили описательный характер, подчеркивая героизм финнов и неспровоцированную агрессию СССР. Можно, например, отметить такие работы, как «Сине-белая книга»⁵ МИД Финляндии, мемуары Маннергейма. В 1950-е—1960-е гг. можно заметить происходящее критическое переосмысление. Под влиянием политики «линии Паасикиви» историки начали задаваться вопросом, можно ли было избежать войны большей уступчивостью⁶. В это же время происходит сдвиг в изучении дипломатических аспектов конфликта. На период 1970-х—1980-х приходится появление фундаментальных трудов. Например, была издана четырехтомная «История Зимней войны»⁷, расширившая тематику исследований, включив в рассмотрение экономические и социальные аспекты конфликта. В этот период развития финской историографии окончательно утвердился нарратив о «невиновности» Финляндии. В 1990-е гг. и по настоящее время наблюдается методологический плюрализм. Доступ к советским архивам позволил уточнить некоторые детали. Произошел антропологический поворот. То есть, фокус сместился на микроисторию, повседневность, пропаганду и судьбы людей. Таким образом, память о Зимней войне в Финляндии является сложным феноменом национальной самоидентификации. Несмотря на эволюцию подходов, основной вывод остается неизменным. Война рассматривается как акт советской агрессии, а сопротивление Финляндии является проявлением национального единства.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. представлена в современном российском музейном пространстве фрагментарно, в основном в рамках экспозиций, посвященных более широким темам (например, предвоенному периоду или Второй мировой войне в целом). Анализ постоянных и временных выставок позволяет выявить эволюцию подходов к интерпретации этого конфликта.

Прежде всего стоит рассмотреть экспозицию Центрального музея Вооруженных Сил РФ в Москве. В зале № 8, посвященном предвоенному периоду, конфликту уделено четыре

⁴ Вихавайнен Т. Финляндская историография Зимней войны: лекция. Петрозаводск, 2010. С. 3.

⁵ Suomen Sinivalkoinen kirja. Helsinki, 1940.

⁶ См. работы Korhonen A. Toisen Maailmansodan aika // Suomen historian käsikirja. Porvoo, 1949. S. 553–665; Halsti W. Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Talvisota 1939–1940. Helsinki, 1955.

⁷ Talvisodan historia. Osa 1–4. — Porvoo, 1977–1979.

витрины. Экспозиция построена на подлинных предметах, собранных в 1940-е гг. (трофейное оружие, обмундирование, фотографии). Война подается в контексте укрепления безопасности СССР накануне Великой Отечественной войны, сохраняя советскую нарративную рамку о ее вынужденном характере. При этом делается попытка показать обе стороны конфликта через материальную культуру и пропагандистские материалы. Однако акцент смещен на военно-технические аспекты и советских военачальников, политический контекст и причины войны раскрыты поверхностно.

Тема советско-финского конфликта 1939–1940 гг. рассматривается и в Выборгском объединенном музее-заповеднике. Уникальность экспозиции, созданной в 1970 г., состоит в ее локальном характере. Основной акцент сделан на роли Выборга в событиях войны. Интересно, что раздел о войне 1939–1940 гг. расположен в зале «Выборг в годы Второй мировой войны». Сопроводительные тексты сохраняют советскую интерпретацию, подчеркивая необходимость войны для защиты Ленинграда. Экспозиция ценна подлинными предметами и фотоматериалами, но фокусируется на военных действиях, давая фрагментарное представление о конфликте.

В Выборге также находится частный Военный музей Карельского перешейка. Это единственный в России музей, полностью посвященный советско-финским войнам. Центральным элементом экспозиции музея является масштабная диорама «На той войне неизвестной», сочетающая подлинные предметы и макеты, реконструирующие боевые эпизоды и быт солдат. Музей выполняет важную мемориальную функцию, делая акцент на трагедии войны. Однако в описаниях используются пропагандистские клише, например, «белофинны»⁸, а структура экспозиции и недостаток пояснительных материалов затрудняют самостоятельное восприятие.

Тематика рассматриваемого конфликта затрагивается в экспозиции Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге. В данном случае война представлена через уникальный ракурс — работу медиков. Экспозиция, сформированная на основе временных выставок, акцентирует внимание на общих для обеих сторон трудностях — лечении обморожений, эвакуации раненых в экстремальных условиях. Через медицинские инструменты, истории болезней и фотографии создается гуманитарный, внеполитический образ конфликта, подчеркивающий общность страданий и профессионального героизма.

На основе проведенного анализа постоянных экспозиций можно сделать ряд выводов. Во-первых, можно отметить доминирование военно-технической и документальной составляющих. Основное внимание уделяется демонстрации материальной культуры войны: образцам вооружения и обмундирования обеих сторон, картографическим материалам и архивным документам. Такой подход позволяет детально реконструировать хронологию боевых действий, показать техническое оснащение армий и общую динамику конфликта. Однако подобная концентрация на военно-технических аспектах приводит к существенным пробелам в представлении других важнейших составляющих войны. В тени остаются человеческие судьбы, повседневность солдатского быта, последствия конфликта для населения и его международно-политический контекст. Такой выбор экспозиционных акцентов не случаен. Он отражает традицию советской историографии, где война рассматривалась преимущественно через призму боевых операций, а также

⁸ В контексте Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. «белофинн» является термином советской пропаганды, призванным подчеркнуть освободительный характер похода Красной армии в Финляндию. См.: Тягур М.И. Внешний враг в советской периодике в период «Зимней войны» // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 2. С. 211–213.

позволяет обойти сложные и дискуссионные вопросы о причинах, цене и морально-политических итогах конфликта. Таким образом, доминирование военно-технического нарратива, с одной стороны, предоставляет объективные свидетельства эпохи, но, с другой, сужает перспективу восприятия, оставляя за рамками экспозиции многомерность исторического события.

В-вторых, в российских экспозициях преобладает советская и постсоветская интерпретация войны как вынужденной меры и оправданной меры. Данный нарратив, унаследованный из советской историографии, представляет конфликт исключительно в контексте обеспечения безопасности северо-западных границ СССР, в первую очередь, Ленинграда. В экспозициях этот подход реализуется через акцент на предвоенных дипломатических переговорах и требованиях советской стороны, картографические материалы, демонстрирующие близость границы к крупным городам, а также через общий контекст предвоенного времени, где СССР изображается как государство, вынужденное реагировать на нестабильную международную обстановку. При этом критика действий советского руководства, анализ альтернативных вариантов развития событий или глубокое освещение международного осуждения агрессии (например, исключения СССР из Лиги Наций) остаются за рамками повествования. Такой односторонний подход, хотя и смягченный в современных трактовках по сравнению с советским периодом, продолжает воспроизводить упрощенное понимание конфликта, сводя его к geopolитической необходимости и оставляя в тени его сложную политическую и моральную составляющую, что в конечном итоге препятствует формированию целостного исторического восприятия у посетителей.

В-третьих, тема остается периферийной, часто рассматриваясь как локальный конфликт перед Второй мировой войной. Ярким примером фрагментарного подхода может служить экспозиция Центрального музея Вооруженных Сил, где событиям Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. отведен лишь один комплекс в зале, посвященном предвоенному периоду. Он включает в себя витрину с образцами обмундирования и стрелкового оружия РККА и трофейными финскими образцами, карту-схему боевых действий и краткую аннотацию, акцентирующую внимание на укреплении «линии Маннергейма» и задачах по обеспечению безопасности ленинградского направления. При этом полностью отсутствует информация о международной реакции на конфликт, о внутриполитической ситуации в Финляндии, о дискуссиях в советском руководстве. Аналогичная ситуация наблюдается в Военно-медицинском музее Санкт-Петербурга, где экспонаты, связанные с войной 1939–1940 гг., физически расположены в переходном пространстве между залами, посвященными Гражданской и Великой Отечественной войнам, что визуально подчеркивает ее «промежуточный» и второстепенный статус в музейной экспозиции.

Также стоит отметить, в противовес крупным федеральным музеям, локальные музеи и частные инициативы предлагают более детализированный и «очеловеченный» взгляд на конфликт. Их экспозиции часто строятся вокруг предметов, найденных поисковыми отрядами (личные вещи, письма, медальоны), что способствует персонификации истории через судьбы рядовых участников. Акцент делается на локализации повествования, то есть на детальной реконструкции боев на конкретной территории, что создает эффект сопричастности и эмоционального погружения. Таким образом, эти проекты формируют альтернативные центры памяти, усложняя общую картину презентации войны в России.

Также стоит обратиться к временными выставочным проектам, которые демонстрируют большую вариативность подходов к показу Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Совместный российско-финский проект «Ветераны. На что похожа война?»⁹ в Музее Анны Ахматовой (2011) предложил принципиально антивоенный и гуманистический подход. Через инсталляцию дома вымыщленных ветеранов, мультимедийные средства и личные истории акцент сместился с политики на индивидуальную память и травму солдат обеих сторон. Выставка стала примером «партнерского подхода», направленного на диалог и примирение.

Интересна временная выставка, на основе которой была создана постоянная часть экспозиции, «Милосердие Зимней войны» в Военно-медицинском музее (2015). Выставка продолжила гуманитарную тенденцию, сфокусировавшись на подвиге медиков. Через истории болезней, медицинские инструменты и архивные документы был продемонстрирован компромиссный подход, искавший точки соприкосновения в общем профессиональном опыте двух армий, минуя идеологические оценки.

Наконец, можно обратиться к выставке «Куусинен против Маннергейма», проведенной в Музее политической истории России в 2015 г.¹⁰ Данный проект знаменует возврат к советской историографической традиции. Через призму противостояния двух идеологических лидеров войны представлена как закономерный итог «враждебной» политики Финляндии с 1917 г. Акцент сделан на политической пропаганде, легитимности действий СССР и образах героев. Критический анализ причин войны, например, Майнильский инцидент, отсутствует. Выставка нацелена на «реабилитацию» победы СССР и опровержение тезиса о «неудачной» войне.

Таким образом, в российском музейном пространстве сформировалось несколько конкурирующих подходов к репрезентации Советско-финляндской войны. Первый подход можно охарактеризовать как официально-военный (постоянные экспозиции государственных музеев). Второй «партнерский» подход имеет компромиссный характер (временные выставки 2010-х). Наконец, также можно выделить идеологически-охранительный подход, к которому по большей части можно отнести новейшие проекты, демонстрирующие возврат к советскому нарративу.

Эволюция временных выставок служит индикатором состояния российско-финских отношений и внутренней исторической политики. Несмотря на отдельные попытки диалога, тема остается периферийной в контексте доминирующей памяти о Великой Отечественной войне.

В отличие от России, в Финляндии Зимняя война занимает центральное место в исторической памяти и в деле формирования национальной идентичности. Это находит прямое отражение в музейном пространстве, где конфликту посвящены как крупные национальные, так и локальные специализированные музеи.

Прежде всего стоит рассмотреть постоянные экспозиции музеев Финляндии.

Экспозиция Военного музея Финляндии в Хельсинки¹¹ «От автономии до Атлантиды» в крепости Суоменлинна представляет Зимнюю войну как ключевое событие, сформировавшее национальную идентичность. Через подлинные предметы (оружие, обмундирование, адаптированное к зиме), трофейную советскую технику (танк Т-26), карты,

⁹ См. каталог выставки: «На что похожа война? проект «Выставка «Ветераны. На что похожа война?». Инсталляция в музее А. Ахматовой, 1 марта—8 мая 2011 года / Serlachius-museot Gustaf ja Gösta [и др.]; художники: Т. Вяятенен, Л. Белова. СПб., 2011.

¹⁰ См. каталог выставки: Куусинен против Маннергейма. К 85-летию победы СССР над Финляндией в Советско-финской войне 1939–1940 гг. СПб., 2025.

¹¹ URL: <https://sotamuseo.fi/> (дата обращения: 02.09.2025)

документы и диорамы создается комплексный образ войны. Доминируют три ключевых нарратива. Во-первых, это героическое сопротивление превосходящим силам противника, акцент на тактическом мастерстве (действия снайперов, лыжных отрядов). Во-вторых, прослеживается тема трагизма войны, что передается через демонстрацию потерь, разрушений и личных вещей солдат. Наконец, весомое место занимает нарратив национального единства, когда финское население сплотилось перед внешней угрозой. Музей делает акцент на военных действиях и опыте рядового солдата, в то время как политический контекст и предвоенные отношения отходят на второй план.

Еще один музей, экспозиция которого поднимает тему Зимней войны, Музей Маннергейма в Хельсинки¹². Мемориальный музей предлагает персонализированный подход к истории через призму личности главнокомандующего. Экспозиция в его бывшей резиденции создает эффект погружения за счет аутентичной обстановки. Ключевые экспонаты экспозиции — парадный мундир Маннергейма с наградами, карты с его пометками, фронтовые фотографии, личные вещи. Этот подход персонализирует историю, делая ее более доступной, но одновременно рискует упростить сложные исторические процессы. Музей служит важным центром памяти, но не ставит целью всесторонний анализ конфликта.

Можно выделить общие черты финских экспозиций. Прежде всего, это контрастное представление сторон. Визуальное противопоставление «скромного» финского снаряжения и могущества советской армии подчеркивает нарратив «маленькой страны против большой империи». Также можно заметить значительный акцент на «обычном солдате». Персонификация через личные истории, в отличие от более обезличенного показа советской стороны. К тому же, важно упомянуть культивируемый в финских экспозициях культ национальных героев, прослеживающийся в финских экспозициях. Такие исторические фигуры, как Карл Маннергейм, становятся символами стойкости и патриотизма. Наконец, можно также отметить избирательность постоянных экспозиций финских музеев. Политические причины войны и международный контекст часто остаются в тени, доминирует нарратив о «несправедливой агрессии» и героической обороне.

В Финляндии также находится сравнительно большое количество специализированных музеев на местах сражений.

Музей Зимней войны в Кухмо (Kuuhmon Talvisotamuseo)¹³ расположен на месте ожесточенных боев, что усиливает его мемориальную функцию. Экспозиция сочетает традиционные и современные методы (диорамы, интерактивные элементы). Акцент сделан на таких аспектах, как локальная история региона Кайнуу и героизм его защитников; повседневность войны (реконструкции блиндажей, снаряжение); судьба гражданского населения (эвакуация, письма, дневники). Образ войны героико-трагический, полностью соответствующий общенациональному нарративу. Советские солдаты представлены без демонизации, но прежде всего как безликая сила, которой противостоят умелые финские бойцы.

Музей Коллаа и Симо Хяюхя (Kollaa ja Simo Häyhä — museo)¹⁴ является уникальным примером соединения памяти о месте (оборона рубежа на р. Коллаа) и личности участника сражений. Фигура Симо Хяюхя представлена через призму «народного героя» — скромного, стойкого финского солдата. Культ снайперов-«кукушек» подается как

¹² URL: <https://www.mannerheim-museo.fi/> (дата обращения: 02.09.2025).

¹³ URL: <https://www.kuuhmo.fi/winter-war-museum/> (дата обращения: 02.09.2025).

¹⁴ URL: <https://www.kollaa-simohayha-museo.fi/en/home> (дата обращения: 02.09.2025).

ключевой элемент военной мифологии, символ изобретательности и умения использовать природу как союзника. Музей делает сложную историю доступной через персонификацию.

Музейный комплекс Рааттеен Портти в Суомуссалми¹⁵ расположен на месте поражения советских дивизий на Раатской дороге. Акценты экспозиции музея расставлены на тактическом мастерстве финской армии; визуальном контрасте в снаряжении и условиях сторон, а также на гуманитарной составляющей войны. Также экспозиция демонстрирует более объемный образ советского солдата, представляя его не только как противника, но и как жертву.

Таким образом, финские музеи формируют целостный и эмоционально насыщенный образ Зимней войны, основанный на нескольких ключевых нарративах: героическое сопротивление, трагическая жертвенность и национальное единство.

Однако этому подходу присуща избирательность. Политические причины и предвоненный контекст конфликта остаются на периферии. К тому же, акцент смешен на успехи финской армии и неблагоприятные для СССР эпизоды. Образ советского солдата, за исключением новейших экспозиций, часто остается обезличенным. Также важно добавить, что последствия войны подаются как трагедия, а информация последующем сотрудничестве с нацистской Германией часто опускается.

Таким образом, финские музеи эффективно выполняют функцию консолидации национальной памяти, но их повествование остается в рамках сложившегося национального мифа, предлагая скорее утверждение идентичности, чем критический анализ исторического события.

По итогам проведенного анализа экспозиций можно сделать ряд выводов.

Прежде всего, анализ отечественного опыта позволяет назвать ряд черт, присущих российским постоянным экспозициям и временным выставкам, затрагивающим тему Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Во-первых, стоит отметить, что на данный момент сохраняется тенденция маргинализации данной темы в отечественном музейном пространстве, темы, значительно уступающей место событиям 1941–1945 гг. В постоянных экспозициях российских музеев тема Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. зачастую представлена в фрагментарном виде, что выражается в отсутствии глубокого анализа причин и последствий рассматриваемого конфликта. Также стоит отметить, что, несмотря на то, что чаще всего в отечественных экспозициях тематически и хронологически данная война относится к предыстории Великой Отечественной войны, в пояснительных текстах можно встретить термины и подходы из финской историографии (например, «Зимняя война» в отношении Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., «Война-продолжение» в контексте противостояния в период Великой Отечественной войны и так далее). Во-вторых, стоит упомянуть аспекты визуальной презентации. Основу российских экспозиций составляют документы, военная техника, детали формы, что позволяет хорошо ознакомиться с такими аспектами конфликта, как хронология боев, техническое оснащение обеих армий. Однако встречаются ограничения, выражющиеся в недостаточной презентации гуманитарного, международного аспекта. Также в малой степени встречается критический анализ действий СССР, позволяющий посредством ознакомления с экспозицией понять, по какой причине некоторые эпизоды конфликта привели к большим потерям. Стоит, однако, отметить, что в современных экспозициях могут

¹⁵ URL: <https://www.raatteenportti.fi/> (дата обращения: 02.09.2025).

наблюдаются элементы мемориального нарратива, но нейтральная или финская перспектива все еще редко встречаются в отечественном подходе. В-третьих, можно отметить различия между временными выставками и постоянными экспозициями. Временные выставочные проекты характеризуются более гибким и вариативным подходом к показу рассматриваемых событий, зачастую предлагая новые и диалогичные интерпретации. В то время как постоянные экспозиции демонстрируют более консервативный подход, при котором советско-финляндское столкновение 1939–1940 гг. представлено второстепенным и локальным конфликтом накануне Великой Отечественной войны. Наконец, отечественные музейные нарративы в некоторой степени находятся в зависимости от существующего политического контекста. Таким образом, Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в российской музейной среде остается периферийной темой, представленной в фрагментарном виде. Несмотря на использование новых подходов в некоторых временных выставочных проектах, в целом можно наблюдать доминирование упрощенного военно-патриотического нарратива и сохранение консервативных тенденций в презентации конфликта.

Каковы основные выводы относительно экспозиций на тему Зимней войны в музеях Финляндии? Во-первых, можно отметить, что в финских музеях преобладает военно-патриотический нарратив. Основное внимание в экспозициях уделяется тактическому мастерству финской армии, демонстрации контраста между скромным финским снаряжением и военной мощью противника, значительное внимание уделяется природному фактору. Вместе с тем, крайне поверхностно рассмотрены политические причины возникновения напряжения между СССР и Финляндией. Зачастую данный аспект вовсе опускается из повествования, что может способствовать восприятию Финляндии в качестве «жертвы» беспричинной агрессии СССР. Во-вторых, в финских экспозициях четко прослеживается тенденция персонификации и символизации конфликта. Война часто подается через образы национальных героев (Симо Хяюхя, Карл Маннергейм), что способствует усилению эмоционального воздействия на посетителя. Важно также упомянуть, что акцент часто смещается на личность «простого солдата» через показ фотографий военных, их личных вещей и свидетельств. В-третьих, безусловно, анализ рассмотренных экспозиций продемонстрировал, что Зимняя война в Финляндии воспринимается как одно из важнейших событий, сплотившее нацию перед лицом угрозы и подтвердившее право страны на независимость. Экспозиции подчеркивают героическое сопротивление и адаптацию к суровым зимним условиям. Вместе с тем, стоит также отметить ряд ограничений. Прежде всего, наблюдается избирательность в освещении событий. Упор делается на успешные для Финляндии эпизоды, тогда как демонстрация поражений минимизируется. К тому же, несмотря на видимое стремление к диалогическому подходу, сохраняется тенденция одностороннего восприятия конфликта. Война подается как «неспровоцированная агрессия», что выражается в отсутствии четкого и глубокого анализа предвоенных дипломатических переговоров. Также отсутствует критический взгляд на действия Финляндии до и после конфликта (например, отсутствие акцента на сотрудничестве с Германией впоследствии). Таким образом, финские музейные экспозиции показывают Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. как испытание, которое Финляндия с честью преодолела, тем самым выступая важным институтом в укреплении финской национальной идентичности. Однако в финской музейной среде наблюдается значительное ограничение, выражющееся в тенденции к мифологизации конфликта, так как экспозиционное повествование избегает сложных политических аспектов в пользу

героического нарратива. Другими словами, финские музеи продолжают сохранять память о Зимней войне на высоком уровне, но интерпретация событий вписывается в существующий национальный миф, что может препятствовать всестороннему историческому анализу.

Таким образом, можно выявить ряд различий между российским и финским подходами при освещении событий Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в музейном пространстве. Во-первых, стоит рассмотреть место конфликта в национальной памяти. В России война остается маргинальной темой, события которой находятся в тени Великой Отечественной войны. Это локальный эпизод и «подготовка» к 1941–1945 годам. В Финляндии война занимает центральное место в национальной памяти. Память о конфликте активно мемориализуется. Во-вторых, наблюдается различие в основных нарративах, раскрываемых в экспозициях. В отечественной среде повествование чаще отражает советскую традицию или нейтральный подход, без критики СССР. Война представлена как вынужденная мера для обеспечения безопасности Ленинграда. В Финляндии четко прослеживается нарратив о «маленькой стране против большой империи». Упор в экспозициях делается на тактическом и моральном превосходстве финской армии. Часто наблюдается персонификация войны через личности знаменитых участников и простых солдат. Наконец, создается образ «невинной Финляндии», пострадавшей от «несправедливой» агрессии СССР, что выражается в отсутствии глубокого анализа возможных ошибок в дипломатических отношениях накануне войны.

Выявленные различия в подходах к репрезентации Советско-финляндской войны в российских и финских музеях обусловлены фундаментальной разницей в ее месте в национальной исторической памяти и политике памяти. Для Финляндии эта война стала ключевым событием, сплотившим нацию и подтверждающим независимость государства. В России же данный конфликт исторически оказался в тени не только Великой Отечественной войны, но и более широкого нарратива о Второй мировой войне. В целом, свойственные музейным экспозициям подходы демонстрируют общее ограничение, которое выражается в «избегании» неудобных тем в экспозициях музеев обеих стран.

Список литературы

- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
- Барышников В.Н. Финская война. М.: Кучково поле, 2023. 448 с.
- Вихавайнен Т. Финляндская историография Зимней войны: лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 17 с.
- Королев К.М. «Принимай нас, Суоми-красавица»: Память о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и конструирование «подлинной» истории войны // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С.42–57.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
- Тягур М.И. Внешний враг в советской периодике в период «Зимней войны» // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 12. С. 210–214.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Halsti W. Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Talvisota 1939–1940. Helsinki, 1955.
- Korhonen A. Toisen Maailmansodan aika // Suomen historian käsikirja. Porvoo, 1949. S. 553–665.

Suomen Sinivalkoinen kirja. Helsinki, 1940.
Talvisodan historia. Osa 1–4. Porvoo, 1977–1979.

References

- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 323 p. (In Rus.).
- Baryshnikov V.N. *Finskaya voina* [The Finnish War]. Moscow: Kuchkovo pole, 2023. 448 p. (In Rus.).
- Vihavainen T. *Finlyandskaya istoriografiya Zimnei voiny: lektsiya* [Finnish Historiography of the Winter War: lecture]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2010. 17 p. (In Rus.).
- Korolev K.M. «Prinimai nas, Suomi-krasavitsa»: Pamyat' o Sovetsko-finlyandskoi voine 1939–1940 gg. i konstruirovaniye «podlinnoi» istorii voiny [“Greet us, beautiful Finland”: The Memory of the Soviet-Finnish War of 1939–1940 and the Construction of the “True” History of the War], in *Novoe proshloe / The New Past*. 2021. № 3. P. 42–57. (In Rus.).
- Nora P. *Problematika mest pamyati* [Problems of Places of Memory], in *Frantsiya—pamyat'* [France—Memory]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 1999. P. 17–50. (In Rus.).
- Tyagur M.I. Vneshnii vrag v sovetskoi periodike v period «Zimnei voiny» [The External Enemy in the Soviet Periodical Press during the “Winter War”], in *Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik*. 2016. № 12. P. 210–214. (In Rus.).
- Hal'bavks M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Rus.).
- Halsti W. “Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Talvisota 1939–1940” [The Finnish War 1939–1945. Part 1. The Winter War 1939–1940]. Helsinki, 1955. (In Finnish).
- Korhonen A. Toisen Maailmansodan aika [The Time of the Second World War], in *Suomen historian käsikirja* [Handbook of Finnish History]. Porvoo, 1949. P. 553–665. (In Finnish).
- Suomen Sinivalkoinen kirja* [The Finnish Blue-White Book]. Helsinki, 1940. (In Finnish).
- “Talvisodan historia. Osa 1–4” [The History of the Winter War. Parts 1–4]. Porvoo, 1977–1979. (In Finnish).

Петухова А.А.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ И.Е. РЕПИНА В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И УСАДЬБА «ПЕНАТЫ» НАКАНУНЕ, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Петухова, Анастасия Александровна — обучающаяся по ООП «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российской Федерации, st108777@student.spbu.ru.

Научный руководитель — Олег Анатольевич Любезников, кандидат исторических наук, доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников, Санкт-Петербургский государственный университет.

Статья посвящена исследованию художественного наследия Ильи Ефимовича Репина (1844–1930) в культурной политике Советской России 1930–1960-х гг., а также судьбе его усадьбы «Пенаты» в предвоенный, военный и послевоенный периоды. Рассматривается процесс адаптации творчества Репина, эталона реалистического искусства, к новой идеологической системе, в которой его работы использовались для формирования культурного самосознания нового советского общества. Особое внимание уделяется процессу музеификации усадьбы «Пенаты», которая стала значимым мемориальным объектом, отражающим жизнь и творчество художника, а также его мировоззрение. В статье анализируются разрушения, нанесенные усадьбе во время Великой Отечественной войны, и усилия, предпринятые для ее восстановления в послевоенные годы. Научная новизна статьи заключается во впервые проведенном анализе влияния трансформации образа И.Е. Репина в советский период на преобразование «Пенатов» в мемориальное пространство в контексте новой, советской культуры, а также в условиях военного времени и периода масштабной работы по восстановлению утраченных и разрушенных памятников культурного наследия.

Ключевые слова: Илья Ефимович Репин, художественное наследие, культурная политика Советской России, музей-усадьба «Пенаты», музеификация, Великая Отечественная война, реставрация, мемориальный музей.

I.E. REPIN'S ARTISTIC LEGACY IN THE CULTURAL POLICY OF SOVIET RUSSIA AND THE PENATY ESTATE BEFORE, DURING AND AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR

Petukhova, Anastasia Alexandrovna — a student of the bachelor program “Museology and conservation of cultural and natural heritage sites”, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, st108777@student.spbu.ru.

The scientific supervisor — O.A. Lyubeznikov, Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University.

This publication is a result of researching the artistic heritage of Ilya Yefimovich Repin (1844–1930) in the cultural policy of Soviet Russia in the 1930–1960s, as well as the fate of his estate “Penaty” before the Great Patriotic war, during it, and in its aftermath. The article

examines the process of adapting Repin's works, the standard of realism in art, to a new ideological system in which his works were used to form the cultural identity of the new Soviet society. Special attention is paid to the process of museumification of the Penaty estate, which has become a significant memorial object reflecting the artist's life and work, as well as his philosophy. The article analyzes the destruction inflicted on the estate during the Great Patriotic War and the efforts made to restore it after the war. The scientific novelty of the article lies in the first-time analysis of the impact made by shifts in the image of I.E. Repin during the Soviet period on the transformation of the "Penates" into a memorial space in the context of the new Soviet culture, as well as in the conditions of wartime and the period of large-scale work on the restoration of lost and destroyed monuments of cultural heritage.

Key words: Ilya Yefimovich Repin, artistic heritage, cultural policy of Soviet Russia, museum-estate "Penaty", museumification, the Great Patriotic War, restoration, memorial museum.

Проблема полного воссоздания руинированных объектов культуры и мемориальных комплексов является одной из ключевых проблем в музеологии и теории реставрации, особенно в контексте Великой Отечественной войны, когда многие памятники искусства и архитектуры подверглись значительным разрушениям. Музей-усадьба «Пенаты» — филиал Научно-исследовательского музея Российской академии художеств (НИМ РАХ), связанный с фигурой выдающегося русского художника Ильи Ефимовича Репина, представляет собой уникальный пример восстановления культурного наследия в послевоенный период.

Безусловно, процесс воссоздания музеифицированной еще накануне Великой Отечественной войны усадьбы становился предметом научного рассмотрения. Основными исследователями этой проблематики оказывались научные сотрудники НИМ РАХ, в частности, музея-усадьбы «Пенаты». Первым трудом, основанным непосредственно на результатах научно-исследовательской работы, проведенной на базе усадьбы «Пенаты», стала книга И.А. Бродского и Ш.Н. Меламуда «Репин в „Пенатах“» (1940)¹. Именно эта публикация обозначила первые шаги к осмыслиению репинской усадьбы как «места памяти». Издание представляет собой некоторый итог проведенной авторами в 1939–1940 гг. работы по исследованию сохранившихся в усадьбе работ И.Е. Репина, а также других исторических источников — различных документов и писем. В книге подчеркивается претензия художника социалистическим идеалам, его стремление к духовному единству с Советской Россией, несмотря на то, что сам художник в последние годы своей жизни фактически находился за границей. Этот подход демонстрирует характерную для советской эпохи стратегию мифологизации выдающихся деятелей культуры, чьи достижения интерпретировались сквозь призму доминирующей идеологии. Издание служит инструментом легитимации художественного наследия Репина в рамках марксистско-ленинской философии, усиливая связь искусства с политической действительностью той эпохи.

Следующим крупным исследованием, проведенным сотрудниками НИМ РАХ, стала монография Елены Владимировны Кириллиной, старшего научного сотрудника музея-усадьбы «Пенаты», «Репин в „Пенатах“»². Это фундаментальное и до сих пор одно из наиболее полных исследований биографии И.Е. Репина, его творчества в период жизни в «Пенатах».

Также важно отметить труды Татьяны Петровны Бородиной. Она является сотрудником музея-усадьбы «Пенаты» с 1969 г. и в настоящий момент занимает должность

¹ Бродский И.А., Меламуд Ш.Н. Репин в «Пенатах». Л., 1940.

² Кириллина Е.В. Репин в «Пенатах». Л., 1977.

специалиста по экскурсионной работе. Историю музея раскрывает ее статья в сборнике «Курортный район: страницы истории»³. Две другие ее статьи—«Надзор сыскной полиции Финляндии за И.Е. Репиным и его семьей (По материалам национального архива Финляндии. Фонд ЕК-Valpo)»⁴ и «И.Е. Репин и И.И. Бродский. По материалам переписки и надзора сыскной полиции Финляндии за И.Е. Репиным и его семьей (национальный архив Финляндии)»⁵. В этих статьях Татьяна Петровна вводит в научный оборот уникальные сведения из материалов национального архива Финляндии и значительно расширяет общее информационное поле, окружающее фигуру И.Е. Репина и все больше освещает период его жизни в «Пенатах», который длительный период времени был одним из наименее изученных в биографии художника.

Хотя существующие работы исследователей содержат ценные сведения о судьбе усадьбы «Пенаты» и некоторых аспектах процесса ее музеефикации, вне рассмотрения остается ряд вопросов. Прежде всего, не получает освещения политическая составляющая музейного проектирования и выбора методов музеефикации, которые были направлены на интеграцию образа И.Е. Репина в идеологическую систему Советской России. Методы и критерии отбора объектов для музейного показа, подходы к созданию повествования о жизни и творчестве художника нуждаются в специальном рассмотрении, учитывая тот факт, что процесс восстановления и музеефикации происходил в сложный послевоенный период, после длительного нахождения усадьбы вне РСФСР. Оставлены без внимания вопросы восприятия усадьбы как местными жителями, так и гражданами СССР в целом, и формирование образа музея-усадьбы, то, как о нем писали в газетах и рассказывали в видеосюжетах для телевизионной трансляции; вопросы взаимодействия научного сообщества, администрации музея и общественности при создании музея и его дальнейшем развитии. Наконец, в существующей литературе практически не уделено внимания влиянию открытия музея-усадьбы на культурную среду региона, на туристические потоки и т.п. Приблизиться к решению ряда из этого обширного перечня актуальных вопросов возможно посредством рассмотрения, в первую очередь, роли музея в процессе формирования канонического образа И.Е. Репина в советской культуре.

Илья Ефимович Репин, один из крупнейших представителей русского реалистического искусства, занимал особое место в культурной политике Советской России. Его творчество, начиная еще с 1870-х гг., стало символом национального искусства, отражавшего жизнь и борьбу народа. Работы Репина, такие как «Бурлаки на Волге» (1870–1873), стали ключевыми для формирования представлений о русском искусстве как о реалистическом и народном. К этому же периоду относятся первые положительные отзывы о его творчестве, в частности, в статьях критика Владимира Васильевича Стасова (1824–1906). Он писал: «В новой русской живописи, среди массы оригинальных талантов, среди целого поколения истинно замечательных художников, четверо занимают, по моему мнению, особенно крупное место. Это—Перов, Репин, Шварц и Верещагин. У каждого из

³ Бородина Т.П. История музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты» // Курортный район: страницы истории. Вып. 7. СПб., 2012. С. 3–23.

⁴ Бородина Т.П. Надзор сыскной полиции Финляндии за И.Е. Репиным и его семьей (По материалам национального архива Финляндии. Фонд ЕК-Valpo) // Курортный район: страницы истории. Вып. 7. СПб., 2012. С. 23–35.

⁵ Бородина Т.П. И.Е. Репин и И.И. Бродский. По материалам переписки и надзора сыскной полиции Финляндии за И.Е. Репиных и его семьей (национальный архив Финляндии) // От Репина к Бродскому. Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2024. С. 39–57.

них свой особенный род, хотя все четверо одинаково национальны». Репин по его мнению — это «Самсон русской живописи»⁶.

Творчество Репина высоко ценилось и после революции — оно стало частью идеологической программы, направленной на формирование нового культурного самосознания. Игорь Эммануилович Грабарь (1871—1960), один из ведущих искусствоведов первой половины XX в., историк и теоретик искусства, реставратор и музейный деятель, не менее высоко оценивал творчество Репина, отмечая его умение передавать жизненную правду и внутреннюю драму персонажей. В своем труде «История русского искусства» (1909—1916) он посвятил Репину целую главу, подробно анализируя его работы и подчеркивая их значение для развития реалистической школы в России. В 1937 г. за авторством Грабаря была издана монография о творчестве И.Е. Репина⁷; эта работа стала классическим и самым известным в СССР трудом о творчестве Репина; именно за нее Грабарь был награжден Сталинской премией I степени в 1941 г.⁸

После революции, в этот сложный переходный период, культура оказалась на перекрестке различных идеологических течений и направлений. Репинские произведения, изначально созданные в эпоху, далекую от марксистско-ленинской теории, оказались в фокусе пристального внимания властей. Его картины начали активно использоваться в образовательных целях, внедрялись в школьные программы и музейные экспозиции. Музеи, такие как Государственная Третьяковская галерея и Государственный Русский музей, стремились подчеркнуть связь творчества Репина с народом, представляя его центральной фигурой передового демократического движения в искусстве. Этот подход нашел отражение в экспозициях, публикациях и образовательной деятельности музеев в 1920—1930-е гг.: музейные экспозиции, посвященные Репину, выстраивались таким образом, чтобы подчеркнуть социальную направленность его работ и близость к народу. Третьяковская галерея, помимо многочисленных картин и этюдов с изображением бурлаков, крестьян и бедных мещан, делала акцент на серии портретов представителей интеллигенции и общественных деятелей, близких Репину. Среди них — Л.Н. Толстой («Портрет Л.Н. Толстого», 1887 г.) и И.С. Тургенев («Портрет И.С. Тургенева», 1874 г.)⁹. Эти портреты представляли Репина как активного участника интеллектуальной жизни России, разделявшего прогрессивные взгляды современников. В Третьяковской галерее и Русском музее также были проведены крупные ретроспективные выставки в 1924—1925 и 1936—1937 гг.¹⁰

Важно отметить, что после революции 1917 г., в период особо значимый в контексте трансформации образа Ильи Ефимовича в Советской России, сам художник фактически находился за пределами страны. В 1899 г. Репин приобретает участок с небольшим

⁶ Стасов В.В. Двадцать пять лет русского искусства. Избранные сочинения в трех томах / В.В. Стасов. Т. 2: Живопись. Скульптура. Музыка. М., 1952. URL: [\(Стасов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Двадцать_пять_лет_русского_искусства_(Стасов)) (Дата обращения: 01.08.2025)

⁷ Грабарь И.Э. Репин. Монография в двух томах. Т.1. М., 1937.

⁸ Грабарь И.Э. Письма, 1917—1941 / ред.-сост.: Н.А. Евсина, Т.П. Каждан. М., 1977. С. 10.

⁹ Каталог художественных произведений, находящихся в экспозиции Государственной Третьяковской галереи. 28-е изд. М., 1947. С. 183—184.

¹⁰ Шишанов В.А. «Ниспровержение на пьедестал»: Илья Репин в советской печати 1920—1930-х годов // Архип Куинджи и его роль в развитии художественного процесса в XX веке. Илья Репин в контексте русского и европейского искусства. Василий Дмитриевич Поленов и русская художественная культура второй половины XIX — первых десятилетий XX века: материалы научных конференций. М., 2020. С. 189.

домиком в поселке Куоккала (ныне Репино) — именно этот участок станет не только местом проживания уже на тот момент признанного мастера, но и важным культурным центром, местом встреч представителей творческой интеллигенции со всей Российской империи. Гостями на знаменитых «репинских средах» были Максим Горький, В.В. Стасов, И.П. Павлов, Д.И. Менделеев, Ф.И. Шаляпин, И.И. Бродский и многие другие. В период с 1917 по 1940 г. Куоккала была частью независимой Финляндии, и добраться до «Пенатов» из Советской России было крайне затруднительно. Этот факт привел к тому, что в советском искусствоведении о жизни Репина в «Пенатах» после 1917 г. было известно крайне мало вплоть до 1960-х гг. Несмотря на то, что официального статуса музея усадьба еще не имела, уже в 1930-е гг. здесь — на территории тогдашней Финляндии — создавалась атмосфера мемориального пространства, посвященного жизни и творчеству знаменитого живописца (рис. 1). После смерти художника в 1930 г., членами семьи была организована первая экспозиция в мастерской усадьбы¹¹. Перед началом Советско-финской войны 1939–1940 гг. последние члены семьи Репина, проживавшие на тот момент в усадьбе — его дети Юрий и Вера, эвакуировались в Хельсинки.



Рис. 1 Зимняя мастерская И.Е. Репина в музее-усадьбе «Пенаты». (1930-е гг.). НИМ РАХ

В результате Советско-финской войны поселок Куоккала, где располагалась усадьба, вошел в состав Советского Союза. Усадьба перешла в ведение Академии художеств, и на её территории был организован музей, посвященный жизни и творчеству Ильи Ефимовича. Музей был открыт 18 июня 1940 г., его первым хранителем и руководителем был Евгений Алексеевич Кириченко, который до своего назначения на должность был сотрудником Ленинградского музея городской скульптуры¹².

Достаточно стремительно музей-усадьба И.Е. Репина стал одним из наиболее посещаемых пригородных музеев — за первые два месяца его работы музей посетило свыше

¹¹ «Своим Пенатам возвращенный...». Музей Академии художеств. URL: <https://artsacademy-museum.org/exhibition/svoim-penatam-vozvrashchennyi-2/> (Дата обращения: 01.08.2025)

¹² Бородина Т.П. История музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты». С. 8.

40 тыс. человек¹³. Музей-усадьба представлял собой многослойный культурно-исторический ансамбль, посвященный жизни и художественному наследию знаменитого живописца. На экспозиции музея были представлены подлинные образцы изобразительного искусства, личные вещи Репина, письма и документы, предметы быта, предоставляющие возможность посетителям погрузиться в эпоху рубежа XIX–XX столетий. Особое значение имели подлинные интерьеры усадьбы, сохранившие оригинальное оформление мастерской художника. На первом этаже располагалась прихожая, кабинет и столовая. На втором—две мастерские Репина, большая и малая. Помимо подлинных интерьеров и предметов быта интерес на экспозиции представляла библиотека в кабинете художника, коллекция фотографий его современников и многочисленные эскизы, этюды, наброски и рисунки. Пространство музея не ограничивалось экспозицией главного здания усадьбы—для посещения был также открыт сад с многочисленными постройками—артизанским колодцем, беседкой «Храм Осириса и Изиды», пруд Рафаэля, башенка «Шехерезады» и другие парковые сооружения, формировавшие общий ансамбль усадьбы еще при Репине.

Однако музей просуществовал недолго. В мае 1941 г. Е.А. Кириченко был обвинен в измене Родине и через несколько месяцев расстрелян¹⁴. В июне того же года в связи с началом Великой Отечественной войны началась эвакуация предметов с экспозиции в подвалы здания Академии художеств. Вывезти удалось не все—наиболее крупногабаритную мебель было принято решение оставить. Во время войны «Пенаты» подверглись значительным разрушениям. Практически все постройки были уничтожены, а территория усадьбы использовалась оккупантами для хозяйственных нужд. 1944 г.—по-прежнему военный, однако празднование столетия со дня рождения Репина ознаменовалось множеством мероприятий, направленных на увековечивание памяти великого живописца. Эти события стали отправной точкой для последующего восстановления усадьбы, ставшей символом возрождения после трагедий военного времени.

10 июня 1944 г. частями 109-й мотострелковой дивизии была занята территория «Пенатов». Множество фотоснимков, выполненных красноармейцами непосредственно на месте событий, запечатлело трагическое состояние памятника, наглядно демонстрируя масштабы нанесенного ущерба. Стоит отметить коллекцию фотоснимков, сделанных Борисом Павловичем Кудояровым¹⁵ (1898–1973) летом 1944 г. Фотографии¹⁶ демонстрируют обширные разрушения, охватившие территорию усадьбы. На снимках видно, что к 1944 г. от главного здания усадьбы остались фрагменты фундамента и несколько печей, в том числе изразцовой печи, украшавшей когда-то столовую усадьбы. Примечательно, что эта пережившая Великую Отечественную войну печь была позднее разобрана в ходе реставрации (рис. 2, 3). Парковые постройки, например, беседка «Храм Осириса и Изиды», визуально, пострадали значительно меньше, но тем не менее требовали внимательного изучения и уточнения степени их сохранности. Дом Юрия Репина «Вигвам» был

¹³ Бродский И.А., Меламуд Ш.Н. Репин в «Пенатах». С. 27.

¹⁴ Бородина Т.П. История музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты». С. 8.

¹⁵ Б.П. Кудояров—заслуженный работник культуры РСФСР, с середины 1930-х гг. фотокорреспондент «Комсомольской правды». Также в этот период был корреспондентом газеты «Известия». В годы Великой Отечественной войны он выполнял обязанности военного фотокорреспондента «Комсомольской правды», находясь в осажденном Ленинграде на протяжении 900 дней. За это время он создал серию из 3 000 фотографий под названием «Ленинград, блокада».

¹⁶ Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (далее—ЦГАКФД СПб). Фотодокументы. Оп.1АР-152. Ед. хр.209930, 209927.

практически полностью утрачен—позднее было принято решение его не восстанавливать, и по сей день на этом месте располагается аллея, ведущая к входу в музей. Могила И.Е. Репина сохранилась, тем не менее пришла в упадок.



Рис. 2 Остатки печей и каминов в разрушенном доме И.Е. Репина.
(Июнь 1944). НИМ РАХ



Рис. 3 Фундамент дома И. Е. Репина после расчистки парка
(1945–1950-е). НИМ РАХ

4 августа 1944 г., накануне 100-летнего юбилея со дня рождения Репина, произошло торжественное возложение венков на могилу художника в «Пенатах». В газете «Известия» писали и о состоянии усадьбы: «Печальное зрелище представилось приехавшим в Куоккале. Финские захватчики превратили в руины репинский дом, осквернили парк, в беседках устроили конюшни. Чудом уцелела могила. Сейчас могильный холм приведен в порядок, посажены цветы, окрашена изгородь и вновь на постаменте установлен бюст И.Е. Репина»¹⁷. С речами выступили многие представители музейного мира и сферы искусств—директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961), начальник Управления по делам искусств при исполкоме Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся Борис Иванович Загурский (1901–1968), художник, представитель ленинградского отделения Союза художников СССР Иосиф Александрович Серебряный (1907–1979), а также заместитель директора Всероссийской Академии художеств, профессор Михаил Константинович Каргер (1903–1976), который в своей речи вновь подчеркнул исключительную значимость фигуры Репина в контексте русской культуры и подчеркнул релевантность культурному контексту эпохи и близость «советскому человеку» творчества художника: «В развитии русского изобразительного искусства Репину по праву принадлежит одно из первых мест. Глубокое народное творчество художника, мастерски воплощенное в блестящих произведениях живописи, горячо любимо широчайшими массами трудящихся Советского Союза. Кисть Репина подлинно отразила чаяния народа, его величие, труд, героическую борьбу. В 100-летие со дня рождения Репина Советская страна славит его, как одного из выдающихся представителей русской культуры, имя которого товарищ Сталин 6 ноября 1941 года назвал в числе других великих имен, являющихся гордостью русской нации»¹⁸. На основе этой речи можно сделать вывод об исключительной роли фигуры И.Е. Репина, которая сохранялась даже в период таких потрясений, как Великая Отечественная война. Именно по этой причине и было принято решение восстанавливать усадьбу и создавать на её основе музей, то есть в связи с подчеркнутой в данном высказывании степенью значимости наследия Репина и его основополагающей ролью в принятой в Советской России системе ценностей, где Илья Ефимович стал всеобщей гордостью и достоянием, при условии того, что сам художник с 1917 г. являлся апатридом, проживавшим на территории Финляндии, и никогда не высказывался в поддержку советской власти и ее новой культурной политики.

Решение начать полномасштабное воссоздание усадьбы, несмотря на ее почти полную утрату, обусловлено не столько материальной ценностью оригинальных построек, сколько идеологическим значением Репина как одного из ключевых мастеров русской реалистической живописи, чье творчество играло важную роль в формировании национальной идентичности и культурной политики молодого советского государства. Именно потому, что Репин являлся частью установленной системы культурных ценностей и идеалов, возникла потребность не просто в консервации остатков архитектурного ансамбля, а в полном восстановлении интерьеров жилого и рабочего пространства художника, в высшей степени точное воссоздание обстановки, атмосферы и духа его жизни и творчества. Таким образом, полная реставрация усадьбы приобрела особый смысл, превратившись из технической задачи в символический акт утверждения принадлежности Репина к пантеону классиков, достойных почитания и изучения при новом государственном устройстве, а также стала символом возрождения советской культуры после колоссальных потерь и разрушений военного времени.

¹⁷ «Возложение венков на могилу И.Е. Репина» // Известия. 1944. № 185.

¹⁸ Там же.

Процесс восстановления усадьбы «Пенаты» после событий Великой Отечественной войны был длительным и сложным. Он включал в себя не только реставрацию архитектурного ансамбля, но и воссоздание мемориальной обстановки, отражающей жизнь и творчество Репина, при значительнейших потерях подлинных предметов быта и первоначальной обстановки усадьбы. Несмотря на то, что первоначальным планом было восстановление усадьбы за 1945–1946 гг., фактически только к концу 1940-х начался подготовительный этап восстановления. Эскизный проект воссоздания дома был утвержден 13 августа 1945 г.¹⁹ Ленгорисполком принял решение просить президента Академии художеств СССР А.М. Герасимова к 1 декабря 1947 г. разработать технический проект. К 1 июля 1946 г. процесс уборки территории был уже запущен. В том же году на могиле И.Е. Репина был установлен памятник в виде гранитного постамента с бронзовым бюстом художника, исполненный еще при жизни мастера в 1909 г. скульптором Николаем Андреевичем Андреевым (1873–1932). Н.А. Андреев был членом Товарищества передвижников (с 1904), позднее стал заслуженным деятелем искусств РСФСР (1931).

Архитектурный проект разрабатывался коллективом архитектурной мастерской института «Ленпроект», деятельность которого с 1945 г. была полностью направлена на восстановление городского хозяйства Ленинграда, разрушенного в период блокады — в том числе, проводились реставрации пригородных дворцово-парковых ансамблей Пушкина, Павловска, Петергофа, Ломоносова, Гатчины и др.²⁰ Общее руководство осуществляли инженер Иван Георгиевич Капцюг и архитектор Владимир Софронович Шерстнев. Непосредственное осуществление строительных работ обеспечивалось отделом капитального строительства Ленинградского городского исполнительного комитета.

После завершения работ по расчистке фундамента и благоустройству территории усадьбы было принято постановление правительства СССР, разрешающее доступ посетителей в «Пенаты» и проведение там экскурсий. При входе, у ворот, был установлен стенд с мемориальной доской, на которой был изображен портрет Репина²¹. Рядом с фундаментом дома были установлены стенды с фотографиями, которые рассказывали о жизни и творчестве И.Е. Репина (рис. 4). Выставки были основаны именно на фотографиях, и имели достаточно краткое текстовое сопровождение. Ежегодно, с наступлением весны, экспозиция на стенах обновлялась.

Реставрационные работы проводились на основе сохранившихся архивных материалов и фотографий, что позволило максимально точно воссоздать исторический облик усадьбы. Ранее, в период между 1930–1940 гг., была проведена опись оставшихся предметов обстановки усадьбы, что значительно упростило процесс поиска подходящих элементов интерьера. Он восстанавливается с использованием аналогичных предметов мебели, подобранных по имеющимся фотографиям помещений. Например, было известно, что в гостиной Репина стоял рояль фирмы Беккер № 34132, который выбирал для художника композитор Александр Константинович Глазунов²². Случайно нашли рояль не только похожий, но и такой, на котором играл Глазунов. Владелицей его оказалась ученица композитора.

¹⁹ Бородина Т.П. История музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты». С. 9.

²⁰ Ленинпроект. История. URL: <https://www.lenproekt.com/history/> (Дата обращения: 11.08.2025)

²¹ «Своим Пенатам возвращенный...». Музей Академии художеств. URL: <https://artsacademy-museum.org/exhibition/svoim-penatam-vozvrashchennyi-2/> (Дата обращения: 11.08.2025)

²² Бородина Т.П. История музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты». С. 11.



Рис. 4 Выставочные стелы в парке усадьбы (1945–1950-е). НИМ РАХ

Интерьер усадьбы дополняли и предметы, подлинность которых бесспорна — это часть мебели из петербургской квартиры Репина. Она сохранилась у дальних родственников художника: среди предметов — инкрустированный столик, изображенный на картине «Негритянка» (1875–1876), нотная этажерка с автографом Репина. Обеденный стол со вращающейся серединой был воссоздан благодаря чертежам с подробным объяснением конструкции, найденным в фондах Русского музея. Оригинальные печи и камни реконструировались по эскизам внутренних помещений усадьбы, выполненным художником Юрием Афанасьевичем Мунтяном (1921–2011), который в процессе изучения развалин в 1944 г. обнаружил образцы керамической плитки. Небольшие печки зимней мастерской воссоздавались из материалов разобранных к тому времени печей Русского музея.

Активная подготовка по подбору материалов для создания экспозиции и возведение дома начались с 1955 г. В 1959 г. был подготовлен итоговый тематико-экспозиционный план, который в июне того же года был одобрен ученым советом музея Академии художеств. Участниками выездного заседания были: директор НИМ РАХ Татьяна Александровна Петрова, руководитель отдела живописи и рисунка Л.Ф. Галич, хранитель музея Татьяна Граве, а также профессора института им. И.Е. Репина А.Л. Каганович, А.Н. Савинов, В.Б. Блэк и другие. К 1962 г. экспозиция была полностью сформирована, утверждена, и 24 июня 1962 г. музей открылся²³.

В 1960-е гг. музей стал важным центром изучения творчества Репина, привлекая как отечественных, так и зарубежных исследователей. О жизни Репина в «Пенатах» на тот момент было известно мало — степень научной разработанности этой области была крайне низкой, что также было необходимо исправить; также это влияло и на музей

²³ Там же.

напрямую — во всех сферах его деятельности отсутствовал необходимый фундамент, который основывается именно на результатах научных исследований, на которые не хватало ресурсов, в том числе и времени, поскольку, ввиду большого потока посетителей и ограниченного количества экскурсоводов, научные сотрудники занимались не исследованиями, а именно проведением экскурсий. Таким образом, существовала острая необходимость проведения масштабной и трудоемкой научно-исследовательской работы, направленной как на исследования в рамках профиля музея в целом, так и на решение трудностей в организации культурно-образовательной и, в частности, экскурсионной деятельности, то есть исследований в рамках музееведческого направления. Именно на преодолении этих сложностей было решено сфокусироваться в первые годы работы музея — как только была налажена работа с большим потоком посетителей и у научных сотрудников появилось время на проведение исследований, началась подготовка научных публикаций. Наиболее активно выходили в свет результаты научных исследований уже в 1970-е гг.

Подводя итоги, следует отметить, что в результате событий Великой Отечественной войны музей-усадьба «Пенаты» был практически полностью разрушен: этим фактором был отягощен процесс восстановления усадьбы, поскольку требовалось восстановить не только материальную оболочку, но и воссоздать мемориальное пространство при условии, что большая часть подлинных предметов была уничтожена, а сведений о жизни Репина и о самих «Пенатах» после 1917 г. было крайне мало. Однако, несмотря на большое количество неблагоприятных обстоятельств и трудностей, усадьба все же была восстановлена. Научно-исследовательская работа, основанная на анализе архивных материалов, фотографий и описей, мемуаров и многих других источников сыграла ключевую роль в преодолении указанных препятствий. Художественное наследие Ильи Ефимовича Репина и усадьба «Пенаты» играют важную роль в истории русской культуры — как в середине XX в., так и сейчас. Восстановление усадьбы после Великой Отечественной войны стало символом возрождения культурного наследия и важным шагом в сохранении памяти о выдающемся художнике.

Список литературы

Бородина Т.П. И.Е. Репин и И.И. Бродский. По материалам переписки и надзора сыскной полиции Финляндии за И.Е. Репинами и его семьей (национальный архив Финляндии) // От Репина к Бродскому. Сборник материалов международной научной конференции. СПб.: НИМ РАХ, 2024. С. 39–57.

Бородина Т.П. История музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты» // Курортный район: страницы истории: Сб. ст. СПб.: Остров, 2012. Вып. 7. С. 3–23.

Бородина Т.П. Надзор сыскной полиции Финляндии за И.Е. Репиным и его семьей (По материалам национального архива Финляндии. Фонд ЕК-Valpo) // Курортный район: страницы истории: Сб. ст. СПб.: Остров, 2012. Вып. 7. С. 23–35.

Бродский И.А., Меламуд Ш.Н. Репин в «Пенатах». Л: Искусство, 1940. 100 с.

Кириллина Е.В. Репин в «Пенатах». Л.: Лениздат, 1977. 207 с.

Шишанов В.А. «Ниспровержение на пьедестал»: Илья Репин в советской печати 1920–1930-х годов // Архип Куинджи и его роль в развитии художественного процесса в XX веке. Илья Репин в контексте русского и европейского искусства. Василий Дмитриевич Поленов и русская художественная культура второй половины XIX — первых десятилетий XX века: материалы научных конференций. М: Гос. Третьяковская галерея. 2020. С. 189–206.

References

Borodina T.P. I.E. Repin i I.I. Brodskij. Po materialam perepiski i nadzora sysknoj policii Finljandii za I.E. Repinym i ego sem'ej (nacional'nyj arhiv Finljandii) [I.E. Repin and I.I. Brodsky. Based on correspondence materials and surveillance by Finnish detective police over I.E. Repin's family (National Archive of Finland)], in *Ot Repina k Brodskomu. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. St.Petersburg: NIM RAH, 2024. P. 39–57. (In Rus.).

Borodina T.P. Istorija muzeja-usad'by I.E. Repina «Penaty» [History of the Museum Estate of I.E. Repin “Penaty”], in *Kurortnyj rajon: stranicy istorii: sbornik statej*. St.Petersburg: Ostrov, 2012. № 7. P. 3–23. (In Rus.).

Borodina T.P. Nadzor sysknoj policii Finljandii za I.E. Repinym i ego sem'ej (Po materialam nacional'nogo arhiva Finljandii. Fond EK-Valpo) [Surveillance by Finnish Detective Police Over I.E. Repin and His Family (Based on National Archive of Finland Materials. Fund EK-Valpo)], in *Kurortnyj rajon: stranicy istorii: sbornik statej*. St.Petersburg: Ostrov, 2012. № 7. P. 23–35. (In Rus.).

Brods'kij I.A., Melamud Š.N. Repin v «Penatah» [Repin at Penates]. Leningrad: Iskusstvo, 1940. 100 p. (In Rus.).

Kirillina E.V. Repin v «Penatah» [Repin at Penates]. Leningrad: Lenizdat, 1977. 207 p. (In Rus.).

Shishanov V.A. “Nispoverzhenie na pedestal”: Il'ja Repin v sovetskoj pechati 1920–1930-kh godov [“Overthrow on the Pedestal”: Ilya Repin in Soviet Press of the 1920s–1930s], in *Arkhip Kuindzhi i ego rol' v razvitiu khudozhestvennogo protsessa v XX veke. Il'ja Repin v kontekste russkogo i evropejskogo iskusstva*. Vasilij Dmitrievich Polenov i russkaya khudozhestvennaya kul'tura vtoroj poloviny XIX—pervykh desyatletij XX veka: materials of scientific conferences. Moscow: State Tretyakov Gallery, 2020. P. 189–206. (In Rus.).

ПАМЯТНИК

Митюкова Е.В.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ: ИСТОРИЮ ХРАНИМ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Митюкова, Елена Владимировна—заместитель директора по научной работе ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», г. Брест, Республика Беларусь, brest-fortress@brest-fortress.by.

Статья посвящена истории создания и роли мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» в изучении, популяризации истории Великой Отечественной войны на примере событий в Брестской крепости в июне-июле 1941 г. Раскрыты идеяный замысел и содержание основных объектов мемориального комплекса, уделено внимание современным подходам в сохранении и презентации уникального наследия Брестской крепости как фортификационного объекта и памятного места—места сражений, памяти и захоронения останков. Даны характеристика музейных экспозиций, их тематической структуры и архитектурно-художественных особенностей. В преддверии 80-летия Великой Победы уделено внимание увековечению подвига защитников Брестской крепости, присвоению Брестской крепости звания «Крепость-Герой» (1965), актуальным направлениям деятельности, работам в рамках Проекта Союзного государства Беларусь и России по капитальному ремонту, реставрации и музеефикации сооружений крепости, перспективам включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», музеефикация, фортификационные сооружения, защитники Брестской крепости, историко-культурное наследие, ЮНЕСКО.

THE BREST FORTRESS: WE KEEP THE HISTORY FOR THE FUTURE GENERATIONS

Mityukova, Elena Vladimirovna—Deputy Director for Research of the Brest Hero Fortress Memorial Complex, Brest, Republic of Belarus, brest-fortress@brest-fortress.by.

The article is devoted to the history of the creation of the Brest Hero Fortress Memorial Complex and its role in the study and popularization of the history of the Great Patriotic War using the example of the events in the Brest Fortress in June-July 1941. The ideological concept of the main facilities of the Memorial Complex is revealed. Attention is paid to modern approaches in preserving and presenting the unique heritage of the Brest Fortress as a fortification and a memorable place—a place of battles, memory and burial of remains. The characteristics of museum expositions, their thematic structure, and their architectural and artistic features are given. On the eve of the 80th anniversary of the Great Victory, attention is paid to immortalizing the feat of defenders of the Brest Fortress, awarding the Brest Fortress the title of “Hero Fortress” (1965), current areas of activity, work within the framework of the Project of the Union state of Russia and Belarus on major repairs, restoration and museumification

of the fortress buildings, prospects for inclusion the Brest Fortress Memorial Complex in the UNESCO World Heritage List.

Key words: the Brest Hero Fortress Memorial Complex, museumification, fortifications, defenders of the Brest Fortress, historical and cultural heritage, UNESCO.

80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны—важнейшие юбилейные даты 2025 г., которые свидетельствуют о памяти современных поколений о подвигах и жертвах во имя жизни.

Долг перед павшими и преклонение перед выжившими стали основой возведения в послевоенные годы масштабных мемориалов, изучения событий боевых действий, прославления героев иувековечения погибших.

Центральное место в мемориализации событий начала Великой Отечественной войны, героического сопротивления агрессорам в первые ее минуты 22 июня 1941 г., и в дальнейшем—в последующие 1418 дней и ночей, занимает мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» — крупнейший архитектурный памятник, отражающий страницы мировой истории, связанные с событиями Великой Отечественной войны (в контексте Второй мировой), на основе материальных, духовных, природных ценностей и артефактов.

Расположен мемориальный комплекс на части территории уникального фортификационного трансграничного объекта середины XIX в.—Брестской крепости (сооружения расположены на территории Республики Беларусь и Республики Польша), построенной на западной границе России на месте старого города Бреста при слиянии рек Мухавец и Буг.

1 июня 1836 г. в основание будущей Цитадели—главного укрепления крепости—были замурованы бронзовая доска и шкатулка с монетами. 26 апреля 1842 г. крепость введена в строй действующих. Совершенствование ее продолжалось в конце XIX—начале XX вв.

В период Первой мировой войны (1915) часть сооружений крепости была взорвана, гарнизон эвакуирован. 3 марта 1918 г. в Белом дворце на ее территории был подписан Брестский мир.

С 1921 по 1939 гг. г. Брест входил в состав Польши (по Рижскому мирному договору). 14–17 сентября 1939 г. польский гарнизон крепости мужественно оказывал сопротивление гитлеровским войскам. С 22 сентября 1939 г. в крепости разместились части Красной армии.

Накануне Великой Отечественной войны в районе г. Бреста и Брестской крепости размещались воинские части и подразделения 4 армии Западного Особого военного округа, пограничные заставы Белорусского пограничного округа—всего около 9 тысяч человек. Здесь же проживало около 300 семей командиров.

22 июня 1941 г. в 4 часа 15 минут по московскому времени подразделения 45-й пехотной дивизии 4-й армии вермахта атаковали гарнизон Брестской крепости, планируя взять ее с ходу. Только за первые полчаса войны по прикрывавшей переправы через реки и подходы к стратегическим дорогам на восток крепости было выпущено около 5000 снарядов и реактивных мин. С первых часов войны крепость оказалась в полном окружении.

Возглавляемые командирами, а на отдельных участках—сержантами и рядовыми, красноармейцы организовывались в боевые группы, при острой нехватке боеприпасов и медикаментов, продовольствия и воды, наносили врагу ощутимые потери.

Для подавления очагов обороны были применены огонь артиллерийских, штурмовых и зенитных орудий, подрывные заряды и огнеметы, танки и авиация, но отдельные группы

защитников крепости оборонялись до 20-х чисел июля 1941 г. 23 июля 1941 года был захвачен в плен последний известный защитник — майор Петр Михайлович Гаврилов¹.

Зашитники крепости, участники боев в районе г. Бреста, сумевшие прорваться из окружения, в дальнейшем участвовали в боях на разных фронтах, штурме Берлина и разгроме японских милитаристов.

Именно поиск оставшихся в живых защитников, членов их семей и очевидцев стал основной задачей исследователей — сотрудников музеев, журналистов, архивистов. Обнаруженные свидетельства — источники и неоспоримые документы, которые обличают агрессию противника, а находки, выявленные при проведении раскопок в руинах крепостных сооружений — останки погибших и оружие, документы и нацарапанные на стенах надписи — доказательства и музейные реликвии.

Первая постоянная музейная экспозиция — Комната боевой славы — была открыта в 1956 г., когда музейными залами стали отремонтированные крепостные казематы Северо-восточной казармы Цитадели (с 1945 г. использовались для размещения частей послевоенного Брестского гарнизона).

На небольшой площади — около 176 м² — разместились 13 фотографий защитников Брестской крепости в июне 1941 г., реликвии, найденные в земле. На прилегающей территории были установлены памятники, проложены дорожки, установлены мемориальные доски на местах боев.

20.08.1956 г. Командующий Белорусским Военным округом Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко подписал Приказ № 78 о подготовке к открытию Музея героической обороны Брестской крепости, открытого 8 ноября 1956 г. усилиями музейщиков Бреста, Москвы, Ленинграда². Музей находился в ведомстве Министерства обороны СССР.

Тематическая структура музея площадью 380 м² была разработана с учетом основных событий, связанных с историей крепости, главным образом раскрывая оборону Брестской крепости 1941 г. и судьбы ее защитников. Особенностью построения экспозиции стал рассказ о боях и трагедии войны сквозь призму трагедий судеб отдельных участников событий — военнослужащих и их семей.

Этот же принцип был сохранен и в дальнейшем, при перестройке музея к 20-летию героической обороны (1961), когда экспозиционная площадь увеличилась в 2,5 раза и составила более 1000 м², экспозиция была развернута в 9 залах. Сегодня экспозиционная площадь музея составляет более 1300 м², а в 10 залах и выставочных помещениях представлено около 4 тыс. экспонатов.

Площадь казематов — от 30 до 100 м² (высота потолка около 3,5 м, крепостные стены толщиной около 1,8 м, амбразуры) позволяет использовать разноплановые витрины, большеразмерные фото и картины, крупные экспонаты (обгоревшее дерево, знамена), за-действовать пространство под потолком.

Будучи классической экспозицией по форме подачи информации, ее архитектурно-художественное решение оказывает сильное эмоциональное воздействие на посетителя, что достигается различной цветовой гаммой, подсветкой, многоплановым размещением экспонатов, удобным для осмотра экспозиционным оборудованием. Использование фотографий и документов обеих противоборствующих сторон, оружия (в том числе из коллекции «Оружие из раскопок»), предметов быта, наград, реликвий, обнаруженных в ходе поисковых работ, произведений искусства и др. позволяет рассказать о войне как общечеловеческой

¹ Фонды ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 44 сп. Д. 64.

² Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 1. Д. 64.

трагедии. Идейный замысел Музея — антивоенная направленность — выражается в черно-белом фоне портретов участников обороны крепости и боев в районе г. Бреста.

В Музее представлена одна из реликвий музейного собрания — кирпичи с надписью «Умираем не срамя», оставленной неизвестными защитниками крепости в дни обороны в июне 1941 г. и обнаруженной в подвале Белого дворца в 1958 г. Этот артефакт является объектом историко-культурного наследия категории «1» (как документальное свидетельство мужества и героизма советских воинов, имеющее международное значение).

Почти одновременно с открытием Музея, в 1956 г., было принято решение о возведении памятника на местах былых боев, а в дни первой встречи выживших защитников и членов их семей в июне 1961 г. на территории Цитадели был заложен памятный камень с надписью: «Здесь будет сооружен монумент в честь героической обороны Брестской крепости в июне-июле 1941 года. 25.06.1961».

К этому времени свидетели событий уже были признаны героями, многие — более 200 человек — удостоены орденов и медалей, майор Пётр Михайлович Гаврилов удостоен звания Героя Советского Союза (1957).

Прологом к созданию мемориала стали исследовательская работа сотрудников Музея героической обороны Брестской крепости, решения Совета Министров БССР об охране государством Брестской крепости как исторического и архитектурного объекта (1953), благоустройстве территории крепости и создании памятника участникам обороны (1958), о проведении туров всесоюзных конкурсов по разработке проектов мемориала (1956 г., 1959 г., 1960–1963 гг.), подчинении Музея обороны Брестской крепости-героя Министерству культуры БССР (1969).

В 1964 г. оргкомитет по подготовке и проведению празднования 20-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков объявил сбор средств на строительство памятника героям обороны Брестской крепости: на открытый специальный банковский счет № 7008 по инициативе общественных организаций и трудящихся к октябрю 1968 г. было собрано более 1 миллиона 800 тысяч рублей.

В этом же 1964 г. была издана самая известная книга об обороне Брестской крепости — документальная повесть «Брестская крепость» писателя-фронтовика Сергея Сергеевича Смирнова, до сих непревзойденная в художественном изложении реальных событий, основанных на рассказах и воспоминаниях ветеранов³.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Брестской крепости было присвоено почетное звание «Крепость-Герой», вручение ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» состоялось 1 ноября 1965 г. на торжественном заседании в Брестском областном драматическом театре имени Ленинского комсомола Белоруссии⁴.

Постановлением Совета Министров БССР от 23.07.1966 № 295 была создана творческая группа авторов мемориала в составе: народный архитектор СССР, лауреат Государственной премии БССР, архитектор — художник В.А. Король (1912–1980); народный художник БССР, лауреат Государственной премии, скульптор А.О. Бембель (1905–1986); лауреат Ленинской премии и премии Ленинского комсомола Белоруссии, архитектор В.П. Занкович; лауреат Государственной премии БССР, художник-архитектор Сысоев Г.В. (1919–2010); скульптор В.Д. Бобыль; архитектор-художник В.М. Волчек (1910–1985); лауреат Государственной премии БССР, архитектор О.А. Стакович (1935–2010); архитектор Ю.И. Казаков⁵.

³ Смирнов С.С. Брестская крепость. М., 1964.

⁴ Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 1. Д. 1.

⁵ Там же. Д. 147.

Возглавил творческий коллектив лауреат Ленинской и двух Государственных премий СССР, народный художник СССР, скульптор А.П. Кибальников (1912–1987).

В 1967–1969 гг. было разработано окончательное решение мемориального комплекса, выполнены модели и рабочие чертежи его сооружений. 8 мая 1968 г. начались работы по строительству мемориального комплекса «Брестская крепость-герой».

Приказом Министерства культуры БССР от 27.07.1971 № 177 утверждено объединение мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» и Музея обороны Брестской крепости-героя в единый комплекс с названием — «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (с 2001 г. — государственное учреждение «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»)⁶.

В сооружении мемориального комплекса принимали участие различные производственные коллективы страны, 25 строительно-монтажных организаций. 25 сентября 1971 г. мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» при участии государственных и партийных деятелей, защитников Брестской крепости, членов семей погибших, делегаций городов-героев был торжественно открыт. Вечный огонь зажег Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии БССР П.М. Машеров. Выступая на многотысячном митинге, писатель С.С. Смирнов обратился к ветеранам: «Сегодня вы присутствуете здесь при открытии величественного мемориала, который понесёт в века вашу славу, ваш подвиг. Этот монумент вознёсся выше старых стен крепости, и в этом есть свой смысл. Ведь не крепостные стены, а крепость Ваших сердец сдержала здесь врага. Не прочность бастионов, а ваша железная стойкость противостояла врагу на первом рубеже Родины. И этот монумент символизирует силу вашего духа, подвиг всего легендарного гарнизона!»⁷

Мемориальный комплекс является уникальным ансамблем, сочетающим аутентичный природный ландшафт, образцы военного зодчества и монументальной скульптуры, являющийся неизменным уже более 50 лет. В основе художественного замысла каждого из памятников мемориала — Главного входа, скульптурной композиции «Жажда», Главного монумента, Штыка-обелиска — подлинные факты и события обороны, судьбы людей.

Для усиления эмоционального воздействия на посетителя была предусмотрена художественно-декоративная подсветка (обновлена в 2007 и 2018–2020 гг.), музыкальное сопровождение (у Главного входа и Вечного огня).

На сооружениях крепости — местах боев — установлены мемориальные знаки в виде листов отрывного календаря с указанием ключевых дат, связанных с обороной крепости и описанием событий.

С первых метров героической земли Брестской крепости впечатляет Главный вход, сооруженный в виде многогранной пятиконечной звезды — символа Красной армии и солидарности людей на всех континентах Земли — под лучами которой уже пять десятилетий звучат звуки боя, запись радиообщения за 22 июня 1941 г. о начале вероломного вторжения фашистской Германии в Советский Союз и песня «Священная война», ставшая гимном защиты Родины. Оплавленные в огне фашистских огнеметов крепостные казематы у Главного входа являются немыми свидетелями трагедии и героизма.

Возвышаясь над руинами крепости на высоту около 30 метров, Главный монумент, образ Советского Солдата на фоне реющего знамени, взором обращен вниз, к Вечному

⁶ Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 1. Д. 1.

⁷ Смирнов С.С. Речь на открытии мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» // Заря. 1971. № 190 (7408). С. 3.

огню, зажженному в память о погибших товарищах, и мемориальным плитам, местам их захоронений. На обратной стороне монумента—барельефы, запечатлевшие отдельные эпизоды обороны: первую контратаку, совещание командиров и другие.

Рядом с Главным монументом возвышается 100-метровый Штык-обелиск—стилизованный штык от винтовки системы Мосина, который служил главным оружием в рукопашном бою.

Боец с каской в руке, который ползет к реке, отраженный в скульптурной композиции «Жажды»,—память о жертвах драматических событий обороны—острой нехватке воды.

Центральная площадь Цитадели, обрамленная сохранившимися крепостными казармами и памятниками, площадь Церемониалов, вмещает до 30 тысяч человек—участников многочисленных памятных мероприятий, среди которых особое место занимают митинг-реквием в День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа 22 июня и День Победы 9 мая. Преклоняясь перед подвигом павших, мы чтим их память у Вечного огня и мемориальных плит—месте захоронения останков 1048-ми иувековечения имен 277-ми погибших: военнослужащих, женщин и детей.

На территории Брестской крепости продолжают находить останки, которые, к сожалению, пополняют скорбную статистику погибших, имена которых не установлены. Последнее захоронение останков состоялось в 2023 г.—захоронены 10 неизвестных, в том числе женщина и ребенок.

В 2011 г. к 70-летию начала Великой Отечественной войны и обороны Брестской крепости была открыта скульптурная композиция «Героям границы, женщинам и детям мужеством своим в бессмертие шагнувшим»—реалистично переданные образы воинов и членов семей командиров соответствуют идейному замыслу создателей мемориала отразить трагизм и героизм гарнизона крепости в июне 1941 г. Композиция располагается у руин пограничной заставы, начальник которой, лейтенант Андрей Митрофанович Кижеватов, погибший в июне 1941 г., был удостоен звания Героя Советского Союза в 1965 г. (посмертно)⁸.

Накопленный с первых дней работы Музея обороны Брестской крепости музейный фонд (более 95 тыс. единиц хранения музейных предметов) позволяет разносторонне исследовать и презентовать наследие прошлого, не только в залах Музея обороны, но и постоянных экспозициях, открытых за последнее десятилетие: «Музей войны—территория мира» (2014), «Армейский клуб» (2017), «Летопись Брестской крепости» (2019), «Оборона Восточного форта» (2020), «Форт № 5 Брестской крепости» (2021).

Все открытые экспозиции находятся в фортификационных сооружениях, в связи с чем их открытию предшествовала большая ремонтно-реставрационная работа по прокладке инженерных коммуникаций, замене кровли, теплоснабжению и т.д. Статус сооружений как историко-культурных объектов и памятников военного зодчества, при этом предполагает сохранение их целостности и аутентичности, что ставило новые задачи в процессе музеефикации.

Открытие экспозиции «Музей войны—территория мира» в Юго-восточной казарме Цитадели состоялось 22 июня 2014 г., было приурочено к 70-й годовщине Освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и 73-й годовщине начала Великой Отечественной войны, благодаря спонсорской помощи ОАО «Белтрансгаз».

⁸ Фонды ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 17 КПО. Д. 17.

Экспозиция «Музей войны—территория мира» площадью около 1000 м² располагается в восьми аутентичных залах-казематах на втором этаже, стены которых, полностью очищенные от штукатурки, «открывают» крепостной кирпич XIX в., с помощью традиционных музейных коммуникаций и современных информационных технологий (интерактивных зон, объемных инсталляций, звукового и светового сопровождения) создают «погружение в событие». Залы посвящены событиям жизни предвоенного гарнизона крепости, началу Великой Отечественной войны, судьбам защитников крепости-военно-пленных, послевоенному возвращению из небытия имён участников событий.

В 2017 г. в Пороховом погребе № 1 на Кобринском укреплении (1863–1864), выполнившем накануне войны роль клуба одного из подразделений благодаря бюджетному финансированию и спонсорской помощи ОАО «Газпром Трансгаз Беларусь» была открыта научно-художественная экспозиция «Армейский клуб» (площадью 334 м²), направленная на воссоздание обстановки ведения военно-политической работы в частях Красной армии, организаций досуга военнослужащих: «Входная экспозиция» (является прологом, ориентирует посетителя на знакомство с объектом), «Реконструкция Ленинской комнаты» (воссоздана атмосфера проведения политических занятий и культурно-образовательных мероприятий в частях Красной армии), «Кинозал клуба» (реконструирован кинозал как место проведения досуга), инсталляция «Убежище» (фигуры укрывавшихся в погребе женщин и детей как собирательный образ семей командиров, которые встретили в крепости начало войны).

2017 г. для мемориала был означенован также и принятием ключевого документа, определившего дальнейшее направление деятельности—8 декабря был утвержден Проект Союзного государства Беларуси и России «Капитальный ремонт, реставрация и музеификация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» (2018–2020), которым предусматривалось финансирование 16 мероприятий, в т.ч. открытие трех музейных объектов⁹.

Одним из них явилось создание в полубашне Юго-восточной казармы экспозиции «Летопись Брестской крепости», открытой 31 января 2019 г. к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 1000-летию города Бреста, где основные вехи истории крепости «рассказаны» посредством трехмерных панорам. Историко-художественной творческой мастерской «Невский баталист» (г. Санкт-Петербург) удалось удачно совместить особенности архитектуры здания (узкие проходы, изогнутые стены) с экспозиционным оборудованием. На 342 м² представлены 6 трехмерных панорам: широкоформатные пейзажи с круговым обзором, аутентичными стенами, оконными проемами и бойницами в сочетании с историческими фигурами в натуральную величину, музыкальным сопровождением, подсветкой, дают возможность не просто быть сторонним наблюдателем, а ощутить «эффект присутствия». Панорамы не имеют заграждений, эту роль выполняют рельефы. Один из залов (№ 6 «Прорыв») представляет собой классическую диораму.

Проект от 8 декабря 2017 г. предусматривал также музеификацию двух фортов Брестской крепости—Восточного (на Кобринском укреплении) и № 5 (в 4-х км от Цитадели).

⁹ Проект Союзного государства «Капитальный ремонт, реставрация, музеификация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» (2018–2020). Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 1. Д. 290.

Восточный форт (редут) — уникален как фортификационный объект крепости и очаг обороны в июне 1941 г. Построен по проекту военного инженера генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена в 1864—1869 гг.. Представляет собой отдельно стоящее земляное укрепление сомкнутого вида, с валом и рвом, предназначеннное для круговой обороны. С 22 по 30 июня 1941 г. форт представлял собой изолированный, но организованный по правилам военного дела очаг сопротивления с постоянно действующим Штабом обороны, наличием связи между подразделениями, проведением партийных собраний, работой импровизированного госпиталя. Противник использовал различные способы захвата укрепления (введение в бой резервов, атаки пехоты, минометный и артиллерийский обстрел, агитацию), 29 июня 1941 г. предпринял бомбардировку форта. В казематах форта было укрыто и найдено в 1956 г. знамя 393 отдельного зенитного артиллерийского дивизиона — единственное боевое знамя, обнаруженное в крепости после войны. Оборона Восточного форта определила периодизацию обороны крепости как последний очаг организованного сопротивления, что подтверждается документами обеих противоборствующих сторон.

Экспозиция «Оборона Восточного форта» открыта к 75-летию Великой Победы, в День Независимости Республики Беларусь 3 июля 2020 г. Музеефикация затронула помещения казематов, открытые обзорные площадки, территорию форта, где размещены малые скульптурные формы, мемориальные знаки, художественно-декоративная подсветка, созданы условия «безбарьерной среды» для физически ослабленных лиц. Экспозиция сочетает приемы исторической реконструкции, методы классической и образно-художественной экспозиции с использованием ИКТ и сохранением аутентичности помещений.

Таким образом, была завершена музеефикация вещественных памятников мемориальной зоны Брестской крепости, связанной с Великой Отечественной войной и обороной в июне-июле 1941 г.

Не менее важным является сохранение объектов Брестской крепости как образцов фортификационного искусства. С 1999 г. на балансе мемориала находится форт № 5, одно из передовых укреплений крепости, построенный в 1879—1880 гг. в 4 км от нее в числе фортов первой линии. Форт уцелел в годы военного лихолетья двух мировых войн XX столетия, многие годы использовался под воинские склады.

В 1995 г. форт № 5 первым из фортов крепости был включен в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Были проведены мероприятия по его благоустройству, и в мае 2000 г. состоялось торжественное открытие филиала мемориала — «Музей 5 форт». Интерес к этому объекту со стороны посетителей, необходимость сохранения и развития историко-культурного памятника позволило начать научные исследования с целью создания экспозиции, открытием которой 19 января 2021 г. завершился Проект от 8 декабря 2017 г. Союзного государства (2018—2020).

Экспозиция «Форт № 5 Брестской крепости» состоит из 6 залов, расположенных в горжевой казарме, и частично музеефицированных точках на территории, в горжевом капонире, центральной потерне и пороховом погребке. Хронологические рамки охватывают события с древнейших времен до наших дней, включая появление и развитие фортификации как науки, эволюцию фортификации на землях Беларуси, в т.ч. строительство и модернизацию Брест-Литовской крепости и форта № 5, участие в событиях мировых войн, их послевоенную историю и современное состояние фортификационного наследия крепости.

В архитектурно-художественном решении преобладают методы классической подачи материала в сочетании с ИКТ и художественной реконструкцией (фигуры людей,

фрагменты обстановки предметов интерьера, макеты орудий). Основной материал витрин и стендов — бетон, металл и стекло.

Экстерьерная экспозиция представлена подлинными артиллерийскими орудиями XIX—XX вв., реконструкцией караульного помещения и фрагмента исторического противотурмового ограждения.

В настоящее время реализуется очередной Проект Союзного государства (2024–2026), в ходе которого к 2026 гг. в северо-западной части Цитадели будет создана мемориальная зона «Скорбь», в сохранившихся южной и юго-западной казармах — условия для открытия музеиного центра и арт-пространства¹⁰.

Активно продолжается исследовательская и поисковая работа. В архиве мемориала — более 5000 личных дел на участников войны (в т.ч. более 1300 — на участников обороны Брестской крепости в июне-июле 1941 г., участников приграничных боев, боев в районе г. Бреста и участников освобождения Беларуси в 1944 г.).

Работа с открытыми базами данных «Память народа», «Подвиг народа», «Саксонские мемориалы», «Партизаны Беларусь», созданными архивами Российской Федерации, Республики Беларусь и ФРГ позволяет выявлять новые имена, прослеживать боевой путь и судьбы людей. Так, в ходе исследовательской работы за последние 5 лет, в списки защитников крепости были внесены более 30 имен, из них 12 — в 2025 г.

Главная миссия сегодня — выявление, изучение, сохранение, популяризация уникального наследия Второй мировой войны, духовно-нравственное формирование личности и общества.

С наследием Брестской крепости позволяет знакомить представителей различных стран и регионов активная выставочная работа, научно-просветительская деятельность: сотрудниками мемориала и проводится более 30 видов экскурсий, лекций, музейных занятий с посетителями разных возрастов. Значение и востребованность мемориала выражается в отношении посетителей (более 27 млн человек из 140 государств мира), более 500 тысяч человек ежегодно; признании на государственном и международном уровнях.

С 2018 г. мемориал является членом Международной ассоциации музеев Второй мировой войны. За вклад в сохранение исторической памяти и правды о Великой Отечественной войне и создание экспозиции «Музей войны — территория мира», реализацию Проекта Союзного государства мемориал дважды (в 2015 и 2021 гг.) был удостоен Специальной премии Президента Республики Беларусь деятелям культуры и искусства. Указом Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко от 22.09.2021 № 361 мемориал награжден орденом Франциска Скорины «за значительные достижения в сохранении исторического наследия, увековечении памяти участников Великой Отечественной войны, патриотическое воспитание детей и молодёжи и в связи с 50-летием со дня основания мемориального комплекса».

В последние десятилетия фортификационные объекты и памятники мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» внесены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В связи с этим приоритетными в работе учреждения являются вопросы, связанные с сохранением, ремонтом, реставрацией объектов мемориала, недопущением внесения не предусмотренных первоначальным замыслом

¹⁰ Проект Союзного государства «Капитальный ремонт, реставрация, реконструкция, музееификация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» (2024–2026). Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 1. Д. 330.

новшеств и дополнений, изменения внешнего облика и содержательного аспекта памятников и природного ландшафта, корректировки границ и зон охраны.

В 2024 г. решением Секретариата ЮНЕСКО, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» включен в Предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО (совместно с мемориальным комплексом «Героям Сталинградской битвы», Российской Федерации)¹¹. Работа по подготовке досье для включения мемориала в Список всемирного наследия ЮНЕСКО ведется при активном содействии Министерства культуры Республики Беларусь, Министерства культуры Российской Федерации, Российского научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.

Сохранение правды о Великой Отечественной войне, борьба с фальсификацией истории и недопущение реабилитации фашизма—главные задачи деятельности мемориала—поддерживаются на государственном и международном уровнях, в полной мере соответствуют резолюции Генассамблеи ООН от 16 декабря 2024 г. «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» (внесена Республикой Беларусь и Российской Федерацией, поддержана 120 странами мира).

Таким образом, используя образовательные и воспитательные формы работы, опираясь на многогранное сотрудничество с музеями и различными отечественными и зарубежными учреждениями, выступая на международной арене, обладая большим потенциалом, мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» вносит свой вклад в то, чтобы память о погибших и выживших, гордость за подвиг и скорбь об утатах продолжали жить в сознании потомков, являясь «эхом в граните» для современных и будущих поколений.

Список литературы

Смирнов С.С. Брестская крепость. Москва: Детская литература, 1964. 408 с.

Смирнов С.С. Речь на открытии мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» // Заря 1971. № 190 (7408). С. 3.

References

Smirnov S.S. *Brestskaja krepost'*. [The Brest-fortress]. Moskow: Detskaja literatura, 1964. 408 p. (In Rus.).

Smirnov S.S. Rech' na otkrytii memorial'nogo kompleksa «Brestskaja krepost'-geroj» [Speech at the opening of the memorial complex “Brest Hero Fortress”], in *Zarja* 1971. № 190 (7408). P. 3. (In Rus.).

¹¹ Материалы по подготовке досье для включения в Предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Оп. 1. Д. 333.

Федоров Д.С.

«МУЗЕОБУС»—ЭТО МУЗЕЙ, НО ТОЛЬКО АВТОБУС

Федоров, Дмитрий Станиславович—ведущий российский журналист-исследователь автоисторической тематики, сотрудник ЭПЦ Истории Автотранспорта Ленинграда,

СПб ГУП «Пассажиртранс», Санкт-Петербург, Российская Федерация, fedorov17@mail.ru.

Попытка увеличить охват молодежной аудитории патриотической тематикой привела к созданию уникального проекта мобильного музея—«Музеобуса». Выбор тематики передвижной экспозиции—подвиг гражданских специалистов на «Дороге жизни»—призван пролить свет на этот малоизученный аспект работы легендарной ледовой трассы, а также повысить престиж рабочих профессий в глазах молодого поколения. «Музеобус» был создан как проект, осуществленный АНО «Главленретротранс» на средства гранта Президента Российской Федерации. Основой проекта послужил вышедший из пассажирской эксплуатации 15-метровый трехосный городской автобус «Волжанин 6270.06 СитиРитм-15», чей длинный низкопольный интерьер почти идеально подошел для переделки под экспозиционные цели. Сотрудниками «Главленретротранс» был составлен и осуществлен проект переоборудования автобуса в передвижную экспозицию под названием «Дорога жизни—дорога труда». В ходе поисковой работы были найдены подлинные вещи эвакуированных, детали автомобилей, поднятые со дна Ладоги, аутентичный шоферский инструмент. Документальная составляющая представлена в экспозиции как копиями подлинных документов, так и разнообразной статистикой, сведенной в таблицы на стенах. Уникальной особенностью «Музеобуса» также является интерактивный стенд «Кабина ГАЗ-АА», позволяющая посетителям представить себя на месте водителя грузовика.

Ключевые слова: музеобус, передвижная экспозиция, Дорога жизни. ГАЗ-АА, подвиг, блокада, ледовая трасса.

THE MUSEOBUS IS A MUSEUM, BUT IT'S BUS

Fedorov, Dmitry Stanislavovich—a leading Russian journalist and researcher of automotive history, an employee of the Leningrad History of Motor Transport Research Center, the State Unitary Enterprise “Passazhiravtotrans”, St. Petersburg, Russian Federation, fedorov17@mail.ru.

An attempt to increase the coverage of the youth audience with patriotic themes led to the creation of a unique mobile museum project, “Museobus”. The choice of the theme of the mobile exhibition—the feat of civilian specialists on the “Road of Life”—is also intended to shed light on this aspect of the legendary ice route that has not been sufficiently studied, and to increase the prestige of working professions in the eyes of the younger generation. The «Museobus» was created as a project implemented with a grant from the President of the Russian Federation to the «Glavlenretrotrans». The basis was a 15-meter three-axle «Vолжанин 6270.06 CityRitm-15» city bus, which had been decommissioned from passenger service and had a long, low-floor interior that was almost perfect for conversion into a museum. The «Glavlenretrotrans» staff has compiled and implemented a project to convert a bus into

a museum called “The Road of Life—The Road of Labor.” During the search, they have found authentic items belonging to the evacuees, car parts recovered from the bottom of Lake Ladoga, and authentic driver’s tools. The documentary component of the exhibition includes both copies of authentic documents and various statistics presented in tables on the walls. A unique feature of the Museum Bus is the interactive stand “GAZ-AA Cab”, which allows visitors to imagine themselves in the driver’s seat of the truck. .

Key words: museum bus, mobile exhibition, Road of Life, GAZ-AA, feat, blockade, ice route.

АНО «Главленретротранс» представляет проект музейного автобуса. Коротко—«Музеобус». Свое вдохновение создатели «Музеобуса» черпали в славных делах предшественников.

Основная канва повествования, заложенного в передвижной экспозиции «Дорога жизни—дорога труда»—подвиг гражданских работников на легендарной ледовой трассе через Ладожское озеро, связывавшей осажденный Ленинград с Большой землей в 1941–1943 гг. Эта тема на удивление мало изучена и до последнего времени находилась в тени героизма обеспечивавших работу трассы военных подразделений.

Что скрывается под наименованием «Дорога жизни», известно хотя бы в общих чертах почти любому жителю нашей страны. Но что именно представляют люди при этих словах? Как правило, военного шофера за рулем «полуторки».

Этот образ, безусловно, верен. Но он затмевает тему ежедневного подвига мобилизованных на ледовую трассу людей с «гражданки». Почти нигде не встретишь упоминаний о городских автобусах Ленинграда и Москвы, которые ежедневно выходили на лед Ладоги наряду с грузовиками. Наряду с грузовиками, они помогали вывозить людей из блокированного города, а назад везли грузы, необходимые защитникам Ленинграда. Отдельно стоит выделить вклад 40 автобусов, присланных столицей. За три месяца «командировки» автобусы смогли вывезти до 170 тысяч ленинградцев и доставить в осажденный город значительные объемы продуктов и медикаментов¹.

Готовили автобусы в рейсы бригады гражданских ремонтников. Причем, из списочного состава в 142 человека из числа оставшихся в Ленинграде, на подготовку машин смогли выйти не более полусотни, из которых 22 человека так и не приступили к работе—умерли или окончательно обессилили².

Стоит вспомнить и про незаметный на первый взгляд труд диспетчеров. В те военные дни, когда связь обеспечивалась в лучшем случае по телефону, казалось почти невозможным согласовывать работу огромного количества техники так, чтобы нигде не случалось скоплений машин—прекрасной цели для самолетов противника—и чтобы никто не уходил в обратные рейсы порожняком.

Передвижные выставки—изобретение не новое. Еще в 80-х годах прошлого века работали передвижные агитационные экспозиции на базе автобусов, посвященные, как правило, опыту передовиков отрасли.

В Ленинграде подобную выставку в то время сделал «Главленавтотранс», превратив обычный городской автобус ЛиАЗ-677 в передвижной стенд предложений автотранспортников-новаторов. Поскольку в проекте участвовал пионер исследования истории

¹ Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: мат-лы и исследования. СПб.: Галарт, 2019. С. 170.

² ФД ликвидированного Музея Автотранспорта Ленинграда. Понамарев Я., Гутцайт Р., Витуминская Е., Милантьева Р. Огонек зеленый (Машинописная копия). Л., 1990.

автотранспорта Яков Иванович Пономарев, отдельный стенд в салоне занимала историческая часть³. В 1986 г. передвижная выставка новаторов «Главленавтотранса» демонстрировалась в Москве на ВДНХ, где получила диплом I степени ВДНХ СССР, а ее создатели и участники награждены 16 медалями ВДНХ СССР.

Проект «Музеобус»—это плод многолетней работы АНО «Главленретротранс» в ведомственном архиве СПб ГУП «Пассажиравтотранс», преемника, действовавшего в период Великой Отечественной войны Автотранспортного управления при Ленгорисполкоме, а впоследствии объединения «Главленавтотранс». Многое было извлечено из фондов Экспозиционно-просветительского центра истории автотранспорта Ленинграда и личного собрания Якова Ивановича Пономарева. Поиски документов велись также в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов и Центрального государственного архива кинофотодокументов Санкт-Петербурга. В результате кропотливой работы удалось наполнить передвижную экспозицию уникальными и ранее нигде не опубликованными документами и фотографиями.

Одновременно с архивной работой проводилась масштабная экспедиционно-изыскательская деятельность по поиску вещественных свидетельств военного времени. Сотрудники «Главленретротранса» проехали более тысячи километров, разыскивая подлинные предметы быта, шоферский инструментарий, детали машин, которые впоследствии пополнили витрины «Музеобуса». В частности, некоторые из представленных вещей эвакуируемых ленинградцев были предоставлены Алексеем Чудиновым, коллекционером из г. Демянска Новгородской области.

Особо стоит отметить помощь сотрудников из музея «Кобона: Дорога жизни», предоставивших для экспонирования подлинные фрагменты автомобилей, ушедших в войну на дно Ладоги: часть борта «полуторки» ГАЗ-АА, аккумулятор, радиатор, фару, а также некоторый инструмент⁴.

Основой проекта «Музеобус» решено было сделать выведенный из линейной эксплуатации автобус «Волжанин-6270.06 Ситиритм-15». Один из самых длинных односекционных низкопольных городских автобусов в мире (габаритные размеры $15 \times 2,5 \times 3$ м) как нельзя лучше подходил для будущего музея на колесах. Команда проекта провела детальные замеры салона, разработала схему потолочного точечного освещения и мультимедийного оснащения будущей экспозиции. Работы по ремонту и переоборудованию автобуса заняли около четырех месяцев.

Результат уже можно видеть воочию. По улицам Санкт-Петербурга и шоссейным дорогам Ленинградской области колесит трехосный автобус «Волжанин» в необычном оформлении. На маршрутном табло горит надпись—«Музеобус», а первом правом боковом окне на специальном вмонтированном в стеклопакет экране транслируется ролик об этапах создания уникальной передвижной экспозиции. У «Музеобуса» не видно привычных окон. Взамен борта целиком затянуты в пленку, на которой изображен элегантный

³ Пономарев Я. Передвижная выставка ленинградских рационализаторов // Автомобильный транспорт. 1987 № 4. С. 35–37.

⁴ Другие предметы были найдены на Удельном рынке в Санкт-Петербурге—известном месте скопления старьевщиков. Так, в витринах «Музеобуса» поселились плюшевый мишка, столовые приборы, книги, личные фотокарточки, монеты и купюры конца 1930-х—начала 1940-х гг., а также главный спутник эвакуируемого—алюминиевый чайник. Всего было приобретено более 90 уникальных предметов.

довоенный трехосный автобус ленинградской постройки на шасси ЗИС-8 и облаченная в теплую зимнюю униформу военная регулировщица Дороги жизни (рис. 1). Представленная картина отнюдь не абстрактна. Подобные трехосные автобусы мастерских АТУЛ—Автомобильно-Транспортного Управления при Ленгорисполкоме—действительно трудились в годы войны на ледяной трассе Ладожского озера. Доказательством служит единственный сохраненный автобус такого типа, экспонирующийся в музее Дороги жизни в поселке Осиновец⁵.



Рис. 1 Художественное оформление «Музеобуса» включило в облик современной машины изображение довоенного автобуса АТУЛ

На довольно скромных площадях городского низкопольного автобуса удалось разместить уникальную по плотности наполнения экспозицию под наименованием «Дорога жизни—дорога труда». Сразу же после входа в заднюю дверь (уместно упомянуть, что в автобусах 1930–40-х гг. вход в салон осуществлялся исключительно через заднюю дверь, которую открывал и закрывал находившийся рядом кондуктор) посетители погружаются в атмосферу блокадного Ленинграда.

Слева от входа на возвышении кожуха моторного отсека у заднего окна диорама демонстрирует объемную перспективу Невского проспекта (тогда проспекта 25-го Октября) в середине 1941 года. Город пока почти не отличается от довоенного, по улицам еще следуют троллейбусы, но общая атмосфера уже напряженная. Рядом, в застекленных экспозиционных витринах, разбросаны словно взятые в адской спешке личные вещи покидающих родные края жителей. На стенах приведены тревожные цифры остававшихся в городе запасов продуктов питания. Здесь же представлены главные герои экспозиции «Музеобуса»—фотогалерея водителей Дороги жизни, а также увеличенные для наглядности копии документов, водительских удостоверений, разрешений на проезд в ночное время и демонстрируется нехитрый ремонтный инструментарий (рис. 2). Некоторые из гаечных ключей были найдены при проведении строительных работ на территории Автобусного парка № 1 Санкт-Петербурга, где сегодня базируется «Музеобус».

⁵ Соколов М. Довоенные автобусы СССР. Барнаул, 2012. С. 293.

В 1941–1944 гг. там производился ремонт и обслуживание автобусов и грузовиков, работавших на ледовой трассе. Так что эти ржавые и местами погнутые инструменты — наглядные свидетели трудового подвига работников «Дороги жизни».



Рис. 2 Наполнение экспозиции создавалось максимально наглядным

При создании экспозиции не были забыты ключевые фигуры, обеспечивавшие функционирование Дороги жизни, включая Николая Владимировича Грязмана, отвечающего за приданый подвижной состав, и Александра Федоровича Иванова, начальника пассажирских эвакуационных колонн. Без самоотверженного труда этих людей трасса просто не смогла бы функционировать. Удостоверения и награды легендарных личностей стали бесценным дополнением выставки.

Над головами посетителей «Музеобуса» развернута гигантская лента-карта с подробным описанием маршрутов и служб военных автодорог № 101 и № 102 — именно так, сухо, в документах зашифровывались транспортные артерии, связавшие осажденный Ленинград с Большой землей⁶. Рядом расположены фотоизображения немых соратников водителей — их автомобилей: «полуторок», «трехтонок» и обычных городских автобусов.

Два образца автомобилей представлены моделями масштаба 1:10 — в ретро-стилистике массивных жестяных игрушек довоенного времени. Такие экспонаты очень нравятся маленьким посетителям: они с интересом заглядывают в миниатюрные фары-глаза металлических макетов грузовика ГАЗ-АА и автобуса ЗИС-8 (рис. 3).

⁶ Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: мат-лы и исследования. С. 170.



Рис. 3 В небольшом объеме автобусного салона удалось совместить самые разнообразные методы подачи информации

Отдельный стенд посвящен поиску и подъему со дна Ладоги затонувших машин. В витрине демонстрируются подлинные детали автомобилей, извлеченные из-под воды (рис. 4). Рядом находятся книга отзывов, реплика фотоальбома работников трассы, созданного в 1970-е гг., и образцы литературы для дальнейшего чтения. В завершение экскурсии посетителям предлагается поделиться впечатлениями и продолжить изучать тему самостоятельно. Для этого следует воспользоваться QR-кодом, ведущим на сайт проекта.



Рис. 4 Выставка демонстрирует как исторические артефакты, так и современные мультимедиа

Там же гостей «Музеобуса» ожидает, наверное, самый популярный среди посетителей экспонат: интерактивный макет кабины ГАЗ-АА, смонтированный сразу за водительским местом автобуса. Уменьшенная на 20 % копия оригинала оборудована полным набором аутентичных органов управления: руль, педали, рычаг коробки передач, панель приборов. А там, где у настоящего автомобиля расположено ветровое стекло находится монитор беспрерывно транслирующий картинку движения автомобиля по зимнему лесу: закольцованный видеоролик был записан при помощи камеры GoPro, установленной на ветровое стекло реального ГАЗ-АА из коллекции Центра истории автотранспорта Ленинграда.

По соседству от кабины размещена макет-диорама «Дорога Жизни» в масштабе 1:87. Она демонстрирует этапы эвакуации: погрузку людей на машины в Ваганово на ленинградской стороне озера, саму ледовую трассу и населенный пункт Кобона на другом берегу Ладоги— конечный пункт опасного ледового путешествия.

С одной стороны, ограничение по площади сдерживало создателей экспозиции от ее перенасыщения. С другой— позволило получить уникальное пространство: как по концентрации исторических артефактов на единицу площади, так и многообразию методов подачи информации. Внутри «Музеобуса» буквально каждый уголок дышит историей.

Главное же, что экспозиция получила возможность самостоятельного перемещения по дорогам общего пользования и может доехать (был бы только асфальт— базовый городской автобус не приспособлен к проселкам) до самого отдаленного областного населенного пункта.

Мобильность диктовала свои требования к техническому наполнению «Музеобуса». В первую очередь, были спроектированы органично вписанные в конструкцию салона витрины с возможностью надежной фиксации демонстрируемых предметов. Во-вторых, произведенные изменения вызвали увеличение нагрузки на стандартную бортовую электросеть автобуса, что исключило возможность энергообеспечения от штатных аккумуляторов и потребовало оснащения «Музеобуса» дополнительной автономной сетью с возможностью подключения к внешним источникам напряжением 220 вольт. Поэтому первоначально предусмотренный инвертор мощностью 1.5 кВт заменили на бензиновый генератор мощностью 2.8 кВт. Решение дало возможность не только автономной работе освещения и мониторов, но и обеспечило обогрев салона в зимний период. Также автономное питание позволяет «Музеобусу» функционировать даже при отсутствии электричества от внешних источников, что особенно актуально на площадках вне населенных пунктов. Среди прочих дополнений в конструкцию— встроенное видеонаблюдение с удаленным доступом, система геопозиционирования ГЛОНАСС и, как общее подведение итогов— сертификация внесенных изменений аккредитованной лабораторией для обеспечения беспрепятственного выезда «Музеобуса» на дороги общего пользования.

«Музеобус» стал настоящим прорывом в области музейных экспозиций, объединяя инновационные технологии и исторические артефакты, помноженные на мобильность базового автобуса. Публичная презентация на крупнейшей в России выставке исторической техники «Олдтаймер Галерея Ильи Сорокина» в петербургском «Экспофоруме» в апреле 2025 г. прошла с огромным успехом. «Музеобус» привлек внимание не только 20 тысяч посетителей, но и Комитета Ленинградской области по транспорту. Благодаря этому проект получил широкое освещение в СМИ, причем не только региональных, но и федеральных . Также в памятные даты апреля, связанные с окончанием движения на Ладожской ледовой трассе, передвижную выставку посетил Губернатор Ленинградской

области А.Ю. Дрозденко, который дал высокую оценку проделанной работе и распорядился обеспечить визиты «Музеобуса» во все крупные города региона. В рамках празднования 9 мая передвижную выставку увидели более 5000 посетителей, а на фестивале «ТранспортФест» приуроченному ко дню города Санкт-Петербурга с экспозицией смогли ознакомиться около 120 тысяч петербуржцев и гостей города.

С точки зрения социальной значимости, «Музеобус» помогает сохранять память о подвиге ленинградцев, героически работавших на транспорте в самые трудные месяцы блокады. Среди посетителей нашлись те, кто узнал среди упомянутых в экспозиции работников Дороги жизни своих родственников. Другие же гости, не найдя в фотогалерее знакомых лиц, но зная об участии своих предков в работе на ледовой трассе, пожелали поделиться сведениями о них.

Проект демонстрирует высокую эффективность: только за первые три месяца работы было проведено более 150 экскурсий, а общее количество посетителей «Музеобуса» составило без малого 150 тысяч человек. В периоды базирования на территории Экспозиционно-просветительского центра истории автотранспорта Ленинграда (рис. 5) на выставке «Дорога жизни — Дорога труда» побывало 3040 гостей, из которых 862 — школьники и студенты. Экскурсоводами отмечено, что многие из них проявляют интерес к автотранспортной сфере, как к одному из возможных направлений в выборе будущей профессии. Проект продолжает развиваться.



Рис. 5 Экспозиционно-просветительский центр истории автотранспорта Ленинграда был выбран точкой базирования «Музеобуса»

Список литературы

- Пономарев Я.И. Передвижная выставка ленинградских рационализаторов // Автомобильный транспорт. 1987. № 4. С. 35–37.
 Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни. СПб.: Галарт, 2019. 387 с.
 Соколов М. Довоенные автобусы СССР. Барнаул: Спектр, 2012. 310 с.

References

- Leningrad. Voyna. Blokada / Doroga Zhizni* [Leningrad. War. Blockade. Road of life]. St. Petersburg: Galart, 2018. 387 p. (In Rus.).
- Ponomarev Ya. Peredvizhnaya vystavka leningradskikh ratsionalizatorov [Mobile exhibition of Leningrad rationalizers], in *Automobile transport*. 1987 №. 4. P. 35–37. (In Rus.).
- Sokolov M. *Dovoennye avtobusy SSSR* [Pre-war buses of the USSR]. Barnaul: Spektr, 2012. 310 p. (In Rus.).

НАСЛЕДИЕ

О.А. Любезников

БЛОКАДНАЯ ТОПОГРАФИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Любезников, Олег Анатольевич—кандидат исторических наук, доцент Кафедры музеиного дела и охраны памятников Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, o.lyubeznikov@spbu.ru.

Статья, подготовленная в рамках специального проекта Музейно-архитектурной клиники Санкт-Петербургского государственного университета, посвящена истории пространства Ленинградского государственного университета в годы блокады города в период Великой Отечественной войны. Автор ставит своей целью соотнести упоминаемые в источниках и исследовательской литературе здания, помещения и локации университета, значимые для его преподавателей, студентов и сотрудников в условиях блокады Ленинграда, с современной архитектурно-пространственной средой СПбГУ.

Ключевые слова: Ленинградский университет, ЛГУ, блокада, Великая Отечественная война, Санкт-Петербургский государственный университет, СПбГУ.

THE SIEGE TOPOGRAPHY OF LENINGRAD UNIVERSITY: EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION

Lyubeznikov, Oleg Anatolievich—Candidate of Science in History, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, o.lyubeznikov@spbu.ru.

The article, prepared as part of a special project of the Museum and Architecture Clinic of St. Petersburg State University, analyzes the history of the space of Leningrad State University during the years of the city's siege during the Great Patriotic War. The author aims to correlate the buildings, premises and locations of the university mentioned in sources and research literature, which were significant for its teachers, students and staff during the siege of Leningrad, with the modern architectural and spatial environment of St. Petersburg State University.

Key words: Leningrad University, LSU, blockade, Great Patriotic War, Saint Petersburg State University, SPbSU.

История Ленинградского государственного университета в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда является предметом научной рефлексии на протяжении уже 80 лет. Еще юбилейное издание «Ленинградский университет, 1819–1944», вышедшее в 1945 г. под общей редакцией профессора В.В. Мавродина, содержало раздел, посвященный истории университета в военное время. Его автором стал профессор О.Л. Вайнштейн. В трех главах О.Л Вайнштейн уделил внимание университетским будням первых месяцев войны; истории университета осенью 1941 г. и первой блокадной

зимой; а также проблемам эвакуации и реэвакуации университета¹. Этот трехчастный нарратив, логично отображающий этапы военной истории вуза, во многом стал каноническим для последующих изданий по теме². В центре рассмотрения авторов, в том числе и более поздних изданий³, оказывались реалии собственно университетской жизни в период блокады — вопросы организации учебной и научной деятельности ЛГУ, работа партийной и комсомольской организаций университета, особенности пребывания универсантов в эвакуации в Саратове. Однако о судьбе университетских зданий, того архитектурного пространства, в котором учились и работали студенты и преподаватели до и после трагедии блокады, речь в публикациях почти не шла.

Между тем, сам исторически сложившийся комплекс зданий университета близ Стрелки Васильевского острова, выстроенных знаменитыми зодчими еще в дореволюционной России, создавал особую атмосферу учебно-научного центра, в которой продолжали жить традиции фундаментальной науки, сохранялась преемственность научных школ и подлинная академическая культура. Сами стены университетских зданий XVIII–XIX столетий, их декор, сама их планировка, сами аудитории невольно формируют историзм мышления студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников, имплицитно воспитывая чувство ответственности перед авторитетом предшествующих поколений универсантов и прививая уважение к самой архитектурно-пространственной среде университета, необходимость сохранения которой в тяжелейших условиях военного времени сомнений не вызывала. Возможно ли в деталях проследить историю университетских зданий в годы блокады Ленинграда? Какие меры по их защите предпринимались? Что именно находилось в том или ином помещении? Какие вынужденные трансформации претерпевали постройки в осажденном городе? С чьими именами связана блокадная повседневность архитектурного пространства ЛГУ? Этот перечень вопросов был поставлен преподавателями и студентами Кафедры музеиного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета в рамках особого учебно-научного проекта Музейно-архитектурной клиники СПбГУ «Пространство Университета в годы блокады Ленинграда», реализуемого с 2022 г.⁴

Одним из промежуточных результатов проекта стала работа студента Я.А. Клещевникова⁵, в которой автор, опираясь на корпус опубликованных источников личного происхождения⁶, реконструировал историю Главного здания ЛГУ (здания Двенадцати коллегий) и здания Исторического факультета (здания Новобиржевого гостиного двора) в 1941–1945 гг. Такое ограничение исследовательского диапазона в отношении

¹ Вайнштейн О.Л. 1941–1944. Ленинградский университет в период Отечественной войны // Ленинградский университет, 1819–1944 / Отв. ред. В.В. Мавродин. М., 1945. С. 141–183.

² Ежов В.А. Университет в годы Великой Отечественной войны // История Ленинградского университета. 1819—1969. Очерки / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 354–391; Ежов В.А., Мавродин В.В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л., 1975.

³ Ленинградский университет в Великой Отечественной. Очерки / Отв. ред. Ю.Д. Марголис. Л., 1990; Ростовцев Е.А., Тихонов И.Л. Три века Петербургского университета. СПб., 2024.

⁴ Проект «Пространство Университета в годы блокады Ленинграда». URL: <https://spbu.ru/studentam/praktika-po-modeli-kliniki-v-spbgu/prostranstvo-universiteta-v-gody-blokady-leningrada> (Дата обращения: 09.09.2025)

⁵ Клещевников Я.А. Архитектурный ансамбль Ленинградского университета в годы блокады: сохранение, использование, восстановление // Музей. Памятник. Наследие. 2023. № 2 (14). С. 39–49.

⁶ «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб., 2010; Грачев Ф.Ф. Записки военного врача. Л., 1970.

университетского пространства — анализ судьбы двух построек — вызвано, главным образом, известной диспропорциональностью данных в сохранившихся источниках — перемены военной поры в Главном здании, символизировавшем университет, отпечатались в памяти подавляющего большинства мемуаристов, а о занятом эвакуационным госпиталем здании Исторического факультета вспоминали не только университетанты, но и врачи. Блокадная повседневность иных университетских строений запечатлена в анализируемых источниках гораздо хуже. Актуальной задачей представляется соотнесение ключевых локаций университета блокадного периода с современной архитектурно-пространственной средой СПбГУ. Возможно ли, двигаясь по современному пространству Василеостровского учебно-научного комплекса СПбГУ, реконструировать блокадную топографию вуза?⁷

Главное здание университета — протяженное Здание Двенадцати коллегий, вытянувшееся почти на четыре сотни метров вдоль Менделеевской линии, — в период войны и осады Ленинграда при дефиците электроэнергии, в холода первой блокадной зимы, в условиях голода, в момент, когда «город замирает — мертвает»⁸, не могло, конечно, сократить функционал всех своих помещений. Жизнь здания концентрируется в его центральной части, рядом с главной лестницей и Актовым залом, в котором проходили торжественные и значимые собрания⁹. По воспоминаниям профессора С.С. Кузнецова, «в те страшные месяцы жизнь Университета сосредоточилась в первом этаже знаменитого здания 12 петровских коллегий. <...> Тут-то и жили, и действовали университетские лаборатории и небольшие аудитории»¹⁰. Студентка геолого-почвенного факультета В.В. Лыгина вспоминала: «Здание Университета было почти пусто, <...> встречались в нем лишь отдельные личности, закутанные, в валенках, едва передвигающие ноги. <...> Все занятия проходили в кабинетах кафедры гидрогеологии. Кафедра отапливалась печами, для которых с утра студенты заготавливали дрова»¹¹. Учебными аудиториями являлись помещения кафедры гидрогеологии, а также кафедры генетики растений на первом этаже в центральной части здания к северу от главного входа — сегодня это помещения первого этажа, находящиеся как бы между гардеробом и лестницей № 3 и за лестницей № 3. По устным воспоминаниям доцента Е.П. Каюковой, кафедра гидрогеологии занимала нынешнюю аудиторию 1087 современной кафедры физиологии и биохимии растений. Сохранились устные, записанные на диктофон доцентом кафедры генетики и биотехнологии СПбГУ Л.В. Барабановой и до сих пор не вводившиеся в научный оборот воспоминания известного университетского профессора, биолога Татьяны Степановны Фадеевой (1920–2014). В 1941 г. Т.С. Фадеева — студентка кафедры генетики растений,

⁷ Настоящая статья — расширенная версия опубликованных по итогам II музейного форума «Дневные звезды» тезисов. См: Любезников О.А. Блокадная топография Ленинградского университета // Сборник материалов профессиональной программы II музейного форума «Дневные звезды»; г. Санкт-Петербург, 21–27 января 2025 г. [Электронный ресурс]. СПб., 2025. С. 99–107. URL: <http://publishing.intelgr.com/archive/Dnevnie-zvezdi-2025.pdf> (Дата обращения: 05.09.2025)

⁸ Цит. по: Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943–январь 1944. СПб., 2017. С. 67.

⁹ Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. СПб., 2005. С. 16.

¹⁰ Кузнецов С.С. [Главы из книги воспоминаний] // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники университетантов военных лет. С. 74.

¹¹ Лыгина В.В. Глазами студента // С.С. Кузнецов — человек, ученый, педагог. (К столетию со дня рождения) / Ред. Г.Я. Крымгольц, В.А. Прозоровский. СПб., 1992. С. 57. Спешим выразить искреннюю признательность Г.М. Гатаулиной, хранителю Палеонтологического музея СПбГУ, за возможность знакомства с этим редким малотиражным изданием.

в устном рассказе мемуарист точно локализовала местонахождение кафедры в Главном здании ЛГУ: «Кафедра генетики растений помещалась в Главном здании по третьей лестнице, вот, спустишься — дверь направо. Наверху надпись: “Лаборатория анатомии растений”. Входишь — маленькая прихожая, дверь. На кафедре всего 3 комнаты и маленький кабинет профессора. Темная комната. В темной комнате шестиугольный стол, очень удобный — здесь занятия со студентами. Налево — дверь в комнату, которая выходила под галерею, а прямо была большая аудитория в три окна, в этой аудитории всегда холодно было...». Сегодня помещения кафедры генетики растений занимает аудитория 1098 лаборатории современной кафедры зоологии беспозвоночных. Вход в аудиторию 1098, как и 80 лет назад, с лестницы № 3.

Лестница № 3 в Главном здании играла значимую роль для его обороны от зажигательных бомб — она расположена строго напротив входа в здание Физического института. По воспоминаниям Л.Л. Эльяшовой, осенью — зимою 1941 г. студенты в составе бригад местной противовоздушной и противопожарной обороны по сигналу воздушной тревоги «спускались с третьего этажа Физического института, где проводили сутки своего дежурства, пересекали узкий двор и взбегали на чердак [Главного здания], рассредоточившись по своим местам (*курсив наш — О.Л.*)»¹². Л.Л. Эльяшова указывала: «Совсем рядом, с кораблей на Неве оглушительно стреляли зенитки, их осколки могли пробить крышу над нами, и потому при их особо интенсивной стрельбе мы становились под кирпичные своды чердака, <...> склонив головы под защиту сводов. <...> При всех трудностях дежурств мы всегда ощущали, что под нами находится наш университет, его известное здание, наш бесконечно длинный коридор, которым мы ходили в библиотеку, Актовый зал, мы их оберегаем»¹³.

Коридор второго этажа Главного здания в годы войны оставался символом университета. Стекла больших окон коридора для защиты от ударной волны были заклеены крест-накрест узкими полосками бумаги, о чем свидетельствует фотография апреля 1942 г. из фондов Национального музея Республики Татарстан (НМРТ КГПи-106958). Профессор С.С. Кузнецов вспоминал о коридоре в первую блокадную зиму так: «Окна были почти полностью выбиты взрывными волнами. Паркет покрывали кучи снега. Коридор был пуст. Ученые книги в светлых ясеневых шкафах, казалось, с удивлением, горечью и безмолвным укором смотрели на дичайшее варварство середины XX века»¹⁴. Немногочисленные сотрудники университетской научной библиотеки, расположенной в северном торце здания, как могли старались спасти книжные сокровища. Особенно страдали книги «в сыром помещении первого этажа», где высившиеся до самых сводов стеллажи «состояли из одиннадцати полок», что требовало особой сноровки от ухаживавших за книгами ослабевших библиотекарей¹⁵. 14 апреля 1942 г. директор Архива Академии наук Г.А. Князев описал в дневнике свою встречу с сотрудниками библиотеки: «На солнышке у профессорского подъезда университета сидит директор университетской библиотеки. Около него сотрудницы... Оказывается, их положение в библиотеке очень тяжелое. Выбито 102 окна (не только стекла, но и рамы), снег лежит в книгохранилищах; коридор,

¹² Эльяшова Л.Л. Мой блокадный университет. СПб., 2005. С. 25.

¹³ Там же. С. 35, 37.

¹⁴ Кузнецов С.С. [Главы из книги воспоминаний]. С. 73–74.

¹⁵ Розина Л.А. Библиотека им. Горького // Университет в блокадном и осажденном Ленинграде, 1941–1944. Сб. офиц. документов, писем, фотографий и другого фактического мат-ла. / Отв. ред. М.А. Шишкин. СПб., 1996. С. 102.

где тоже лежат книги, промок до потолка, и библиотекари не знают, что делать с ними! Все отсырело, начинает плесневеть»¹⁶. В ряде помещений второго этажа, занятых библиотекой сегодня, а зимой 1941–1942 гг. относившихся к биологическому факультету, в частности, «в четырех небольших комнатах» кафедры дарвинизма, действовал стационар для особо ослабевших¹⁷. Т.С. Фадеева указывала, что после его открытия «по длинному коридору и по галерее пробирались или просто ползли к стационару те, кто надеялся найти там спасение»¹⁸ [4:97].

Коридор связывал стационар с южной частью здания, где у лестницы № 1 на первом этаже, «против установленного в 1986 г. памятника “В бессмертие ушедшим”» располагалась анатомичка биологического факультета, превращенная в морг¹⁹. «Туда переносили умерших сотрудников университета, умерших в стационаре ЛГУ, а также в больнице № 3, расположенной на территории ректорского флигеля», — вспоминала сотрудница телефонной станции ЛГУ И.Н. Малышник²⁰.

История Ректорского флигеля в годы войны требует дальнейшего изучения. Известно, что в его цоколе первой блокадной зимой жили некоторые сотрудники ЛГУ²¹. Г.А. Князев отмечал в дневнике 5–6 марта 1942 г.: «В [бывшем] ректорском домике университета заложенные кирпичом окна в нижнем этаже раскрываются... Люди хотят жить, люди задыхаются в смраде, темноте, холода, сырости, копоти...»²². Проезд между Ректорским флигелем и Главным зданием обеспечивал связь всего комплекса университетских зданий с городом. Уже к началу лета 1942 г., по словам Г.А. Князева, центральный вход в Главное здание давно не действовал: «Само здание очень обветшало. В садике много мусора, теперь копают там гряды. Главный вход заперт, и площадка перед ним, замощенная булыжником, и тротуар из каменных плит застают зеленой порослью»²³.

По соседству с Ректорским флигелем, в здании Филологического факультета, уже в ноябре 1941 г. лишившемся — вследствие бомбёжки — стекол в окнах, выходящих на набережную²⁴, с весны 1943 г. действовало (в западном крыле, выходящем на Филологический переулок) общежитие для медицинского персонала располагавшегося на Менделеевской линии, д. 3 эвакуационного госпиталя № 1015²⁵.

Эвакуационный госпиталь № 1012 находился в выкрашенном в голубоватый цвет²⁶ здании на Менделеевской линии, д. 5, которое сегодня занимают Институт истории

¹⁶ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 621.

¹⁷ Ленинградский университет в Великой Отечественной. Очерки. С. 96; Марголина Б.Я. К истории комсомола ЛГУ в период Великой Отечественной войны (по материалам музея и личным воспоминаниям) // «Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. С. 114.

¹⁸ Ленинградский университет в Великой Отечественной. Очерки. С. 97.

¹⁹ Там же.

²⁰ Малышник И.Н. Все ради победы // Университет в блокадном и осажденном Ленинграде, 1941–1944. С. 88–89.

²¹ Кудрявцева В.П. Не забыть. Этот день мы приближали как могли // Университет в блокадном и осажденном Ленинграде, 1941–1944. С. 78.

²² Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. С. 516–517.

²³ Там же. С. 726.

²⁴ Там же. С. 283.

²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-7240 (Санкт-Петербургский государственный университет). Оп. 14. Д. 784. Переписка Уполномоченного ЛГУ в городе Ленинграде с учреждениями города по передаче во временное пользование инвентаря и помещений ЛГУ. Л. 11, 12, 15. Сообщено магистром музеологии Т.Г. Навроцкой, за что приносим ей свою благодарность.

²⁶ Грачев Ф.Ф. Записки военного врача. С. 4.

и Институт философии СПбГУ. Просторный вестибюль здания служил приемным покоям, две основные боковые лестницы — тренажерами для реабилитации раненых, учебные аудитории — палатами, перевязочными и операционными, а расположенный амфитеатром лекторий использовался как «амуничник», сушилка для белья и одежды больных²⁷. В одну из отапливаемых палат госпиталя в октябре 1941 г. были перенесены ценные растения из поврежденной взрывом оранжереи университетского Ботанического сада²⁸.

Ботанический сад, как и в наши дни, расположенный к западу от Главного здания в университете городке, играл в годы блокады важную роль. Сад служил и местом убежища для универсантов (на его территории были прорыты щели-укрытия), и подсобным огородом, и научной лабораторией, в которой сотрудники разрабатывали методику выращивания шампиньонов, готовили пособия о съедобных дикорастущих травах, о борьбе с болезнями овощных культур²⁹. Специально созданную в 1943 г. университетскую агрохимическую лабораторию для анализа почв и удобрений по заявкам городских учреждений (фабрик, школ, комбинатов и трестов) возглавляла доцент геолого-почвенного факультета Е.Ф. Чирва³⁰. Всю блокаду она оставалась в Ленинграде и оберегала в южном торце Главного здания университета коллекции минералогического кабинета, который, по воспоминаниям очевидцев, являлся «образцом порядка, чистоты, сохранности, <...> на окнах, как и до войны, висели в минералогическом кабинете белые шторы!»³¹

Задача сохранения ценного оборудования лабораторий естественнонаучных факультетов и институтов университета после эвакуации основного коллектива ЛГУ в конце февраля 1942 г. была возложена на группу оставшихся сотрудников (около 130 человек), в том числе восемь научно-педагогических работников. Из числа последних были назначены следившие за сохранностью зданий и университетского имущества уполномоченные по факультетам (в частности, по физическому факультету и Физическому институту таким ответственным лицом был профессор Т.П. Кравец, а позднее — ассистент Е.П. Субботина; по химическому факультету — ассистент Е.М. Роднянский; по геолого-почвенному факультету — Е.Ф. Чирва и т.д.)³². Будни этого «фронтового университета», сберегавшего комплекс университетских построек, требуют фундаментальной научной реконструкции.

Однако и в настоящий момент можно констатировать, что пространство университета в годы блокады нельзя считать покинутым универсантами, напротив, блокадная топография ЛГУ отражает многообразие задач, с которыми они должны были справляться. Постройки университетского городка на Стрелке Васильевского острова, сохраняя многовековую историю университета в центре города на Неве, напоминают и о блокадных трагических ее страницах.

²⁷ Там же. С. 15, 22, 52; Гапова В.И. Одна зима // Абрамов Ф.А. О войне и победе. СПб., 2015. С. 126.

²⁸ Грачев Ф.Ф. Записки военного врача. С. 53–54, 87.

²⁹ Бубырева В.А., Ростовцев Е.А. Ботанический сад СПбГУ: вехи истории. СПб., 2024. С. 106–123.

³⁰ Архив Кафедры минералогии СПбГУ. Сообщено специалистом по учету коллекций Минералогического музея СПбГУ Г.В. Бархударовой, за что приносим ей свою благодарность.

³¹ Субботина Е.П. Чирва Екатерина Федоровна // Университет в блокадном и осажденном Ленинграде, 1941–1944. С. 111.

³² Субботина Е.П. Введение. Университет в блокадном и осажденном Ленинграде 1941–1944 годов // Университет в блокадном и осажденном Ленинграде, 1941–1944. С. 22, 23.

Список литературы

- Бубырева В.А., Ростовцев Е.А. Ботанический сад СПбГУ: вехи истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. 202 с.
- Вайнштейн О.Л. 1941–1944. Ленинградский университет в период Отечественной войны // Ленинградский университет, 1819–1944 / Отв. ред. В.В. Мавродин. М.: Советская наука, 1945. С. 141–183.
- Ежов В.А. Университет в годы Великой Отечественной войны // История Ленинградского университета. 1819–1969. Очерки / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л: Изд-во ЛГУ, 1969. С. 354–391.
- Ежов В.А., Мавродин В.В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 88 с.
- Клещевников Я.А. Архитектурный ансамбль Ленинградского университета в годы блокады: сохранение, использование, восстановление // Музей. Памятник. Наследие. 2023. № 2 (14). С. 39–49.
- Ленинградский университет в Великой Отечественной. Очерки / Отв. ред. Ю.Д. Марголис. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 326 с.
- Ростовцев Е.А., Тихонов И.Л. Три века Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. 464 с.
- Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943–январь 1944. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. 748 с.
- References**
- Bubyreva V.A., Rostovcev E.A. *Botanicheskij sad SPbGU: veki istorii* [Botanical Garden of St. Petersburg University: Milestones in History]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2024. 202 p. (In Rus.).
- Vajnshtejn O.L. 1941–1944. Leningradskij universitet v period Otechestvennoj vojny [1941–1944. Leningrad University during the Patriotic War], in *Leningradskij universitet, 1819–1944* / Otv. red. V.V. Mavrodin. Moscow: Sovetskaja nauka, 1945. P. 141–183. (In Rus.).
- Ezhov V.A. Universitet v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [University during the Great Patriotic War], in *Istoriya Leningradskogo universiteta. 1819–1969. Ocherki* / Otv. red. V.V. Mavrodin. Leningrad Izd-vo LGU, 1969. P. 354–391. (In Rus.).
- Ezhov V.A., Mavrodin V.V. *Leningradskij universitet v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Leningrad University during the Great Patriotic War] Leningrad: Izd-vo LGU, 1975. 88 p. (In Rus.).
- Kleshhevnikov Ja.A. Arhitekturnyj ansambl' Leningradskogo universiteta v gody blokady: sohranenie, ispol'zovanie, vosstanovlenie [The Architectural Ensemble of Leningrad University during the Years of the Siege: Preservation, Use, Restoration], in *Muzej. Pamjatnik. Nasledie*. 2023. № 2 (14). P. 39–49. (In Rus.).
- Leningradskij universitet v Velikoj Otechestvennoj. Ocherki* [Leningrad University in the Great Patriotic War. Essays] / Otv. red. Ju.D. Margolis. Leningrad: Izd-vo LGU, 1990. 326 p. (In Rus.).
- Rostovcev E.A., Tihonov I.L. *Tri veka Peterburgskogo universiteta* [Three Centuries of St. Petersburg University]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2024. 464 p. (In Rus.).
- Sobolev G.L. *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga tret'ja: janvar' 1943–janvar' 1944.* [Leningrad's Struggle for Survival During the Siege. Book Three: January 1943–January 1944]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2017. 748 p. (In Rus.).

Никонова А.А., Савельева А.Г.

ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ВРАЧА-ХИРУРГА В.Н. ГОРОХОВОЙ

Никонова, Антонина Александровна — кандидат философских наук, старший преподаватель Кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.nikonova@spbu.ru;

Савельева, Анна Геннадьевна — главный хранитель, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Санкт-Петербург, Россия, anna7ismir@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию воспоминаний врача-хирурга В.Н. Гороховой-Даниловой, которая всю блокаду Ленинграда была начальником 7-го хирургического отделения ЭГ № 1012, расположенного в здании ЛГУ (Менделеевская, линия, д. 5). Машинописный текст воспоминаний В.Н. Гороховой сохранился в трех экземплярах и имеет некоторые текстовые и временные различия. Кроме воспоминаний в архиве Государственного музея обороны блокады Ленинграда сохранились личные письма, фотографии и рисунки раненых, а в Архиве Музея истории Санкт-Петербурга сохранились медицинские выписки и эпикризы больных. Все эти документы требуют дальнейшего исследования. Данная статья маркирует начальный этап исследования уникальных исторических источников.

Ключевые слова: блокада, индивидуальная память, фронтовое поколение, война, эвакогоспиталь, врач-хирург, раненный, медпомощь, победа.

FRONT-LINE GENERATION: ARCHIVAL MATERIALS BY SURGEON V.N. GOROKHOVA

Nikonova, Antonina Aleksandrovna — PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Museum Studies and Monument Protection, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, a.nikonova@spbu.ru;

Savelieva Anna Gennadievna — Chief Curator, State Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad (Russia, St. Petersburg), anna7ismir@yandex.ru.

The article is devoted to the study of the memoirs of the surgeon V.N. Gorokhova-Danilova, who was the head of the 7th Surgical Department of the E.G. No. 1012 Hospital, located in the building of Leningrad State University (5 Mendeleevskaya Line). The typewritten text of V.N. Gorokhova's memoirs has been preserved in three copies and has some textual and temporal differences. In addition to the memoirs, the archives of the State Museum of the Defense of the Siege of Leningrad contain personal letters, photographs, and drawings of the wounded, while the archives of the Museum of the History of St. Petersburg contain medical records and case histories of patients. All of these documents require further research. This article marks the beginning of the research process for these unique historical sources.

Key words: blockade, individual memory, front-line generation, war, evacuation hospital, surgeon, wounded, medical assistance, victory.

В год 80-летия победы в Великой Отечественной войне мы вновь обращаемся к свидетельствам поколения фронтовиков. Именно поколение фронтовиков неосознанно взяло

на себя функцию конструирования пространства оперативной памяти, тесно связанной с автобиографической памятью и идентичностью группы. Следует сразу учесть, что понятие «фронтовое поколение» обладает специфической характеристикой гетерогенности. Исследователи отмечают, что конструирование исторической реальности происходит не только на основе анализа «достоверных фактов», «подлинных событий» и документов, хранящихся в архивах, но и с помощью образов прошлого, закрепленных в индивидуальных воспоминаниях участников и свидетелей этих событий¹. Эти образы формируют особый корпус индивидуальных представлений, требующий иных методик изучения и специальных дискуссий о значении коллективной и индивидуальной памяти при обсуждении значимых событий прошлого. Поиск новых методик анализа индивидуальных воспоминаний фронтовиков базируется на особенностях данных исторических источников. Время вносит свои корректизы, «стирая» воспоминания о прошлом в памяти, перекрывая их новыми впечатлениями. Одновременно ослабляется и эмоциональное восприятие пережитых трагических событий. Обе эти особенности оказывают влияние на уровень достоверности индивидуальных воспоминаний, что способствует появлению различных трактовок, мнений и оценок. И как действенный пример мы обращаемся к подлинным свидетельствам, к воспоминаниям и письмам врача-хирурга Валентины Николаевны Гороховой (В.Н. Гороховой-Даниловой), которая проработала всю блокаду в Ленинграде, начальником 7-го хирургического отделения Эвакогоспиталя № 1012².

Госпиталь № 1012 был открыт 17 сентября 1941 г. в здании бывшего Новобиржевого гостиного двора по адресу ул. Менделеевская, д. 5. До 1941 г. это здание принадлежало Ленинградскому государственному университету им. А. Жданова. В нем размещались исторический, географический, экономический и философский факультеты. Следует отметить, что существуют еще источники о работе ЭГ-1012, в том числе воспоминания военного врача Федора Федоровича Грачева «Военный госпиталь в блокадном Ленинграде»³. Очень многие события из жизни госпиталя вспоминают оба врача, однако стиль воспоминаний, эмоциональные и содержательные моменты различны. Сравнительный анализ двух воспоминаний как исторических источников ждет своих исследователей.

К истории военной медицины и, в частности, к истории госпиталя № 1012 обращались и другие исследователи⁴. На сегодняшний день письменные источники В.Н. Гороховой

¹ Вершилов С.А. Историческая память о войне: особенности и проблемы сохранения // Военно-исторический журнал. 09/05/2021 URL: <https://history.milportal.ru/istoricheskaya-pamyat-o-vojne-osobennosti-i-problemy-soxraneniya/> (Дата доступа: 10.09.2025)

² В.Н. Горохова после замужества имела двойную фамилию — Горохова-Данилова. Но о муже сведений в ее архиве нет. Некоторые документы подписаны фамилией Горохова В.Н., некоторые Горохова-Данилова В.Н.

³ Грачев Ф.Ф. Военный госпиталь в блокадном Ленинграде. М., 2018. Книга издавалась несколько раз. Первое издание вышло в 1970 г. (Грачев Ф.Ф. Записки военного врача. Л., 1970). Электронный вариант книги — <https://mybook.ru/author/fedor-grachev/voennyj-gospital-v-blokadnom-leningrade/read/> (Дата обращения: 01.09.2025)

⁴ Василик В.В. Медики Ленинграда и Ленинградского фронта в 1941–1942 г. По материалам МО ЦАМ // История Петербурга. 2019. № 3. С. 99–103; Кирикова О.А. Несколько дней из жизни ученого и военврача А. О. Долина. От 1939-го до 1945-го: ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны: сб. ст. с приложением «Бессмертный полк» / [под ред. И. В. Тункиной, М. В. Поникаровской; сост. Л. Д. Бондарь, Н. В. Крапошина]; СПбФ АРАН. СПб., 2022. С. 99–109; Лапченко А.С. Работа эвакуационного госпиталя № 1012 в условиях блокады Ленинграда // Петербургские военно-исторические чтения: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / [Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, каф. русской истории и др.]. СПб., 2015. С. 150–153; Строгонова В.А.

хранятся в четырех музейных архивах России: Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда, Государственном музее истории Санкт-Петербурга, в архиве музея Истории Санкт-Петербургского государственного университета и в Грайворонском районном краеведческом музее (Белгородская обл.). Интересно, что в архивной карточке машинописного текста воспоминаний В.Н. Гороховой в Грайворонском районном краеведческом музее, которая размещена в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, указано место создания машинописного текста — г. Грайворон, Белгородская область⁵. Возможно, В.Н. Горохова жила некоторое время в г. Грайворон? Эти сведения требуют уточнения. Валентина Николаевна родилась в 1902 г., в период с 1911 по 1917 гг. проживала в Петербурге-Петрограде, в 1925 г. после окончания медицинского института, работала врачом в разных городах, в Ленинграде постоянно проживала и работала с 1940 г. Уже 16 сентября 1941 г. В.Н. Горохову-Данилову призовут в армию, документы оформит Василеостровский РВК (районный военкомат) г. Ленинграда. Служила в должности начальника 7-го хирургического отделения ЭГ (эвакуационного госпиталя) № 1012, что расположился в помещениях исторического факультета Ленинградского государственного университета. Врач-хирург получит звание майора медицинской службы. В октябре 1944 г. госпиталь был передислоцирован в город Каунас, Валентина Горохова продолжила служить на 3-м Белорусском фронте, демобилизована была в ноябре 1945 г. В.Н. Горохова-Данилова была награждена: орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1985 году получит орден Отечественной войны II степени.⁶ Вернулась в Ленинград, работала в различных медицинских учреждениях, вышла на пенсию в 1962 г., но еще десять лет работала врачом в детской поликлинике и здравпункте, уже на общественных началах.

Наиболее интересными являются два архивных дела ленинградского врача Гороховой-Даниловой В.Н., которые хранятся в рукописно-документальном фонде (РДФ) Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. После возрождения музея обороны Ленинграда его фонды начали формировать из дарений от бывших блокадников. Таким дарителем музея выступила в 1989 г. Валентина Николаевна Горохова-Данилова, которая проживала недалеко от здания музея в доме № 2 по улице Чайковского. В деле № 181 сохраняется 21 музейный предмет, основного хранения РДФ, в том числе, фотография 1943 г. — портрет В.Н. Гороховой, начальника 7-го хирургического отделения эвакогоспитала № 1012 (рис. 1). Несколько групповых фотографий пациентов врача Гороховой, на одной из них раненые играют в бильярд, а на другой занимаются лечебной физкультурой. Фотографии выполнены в ЭГ-1012. Сохраниются в деле и четыре эпикриза с описанием болезней раненых Жернова И.И., Соколова В.И., Кириллова П.Д., Левина С.Д. Особенный трепет вызывают два рисунка, а именно пейзажи, выполненные раненым бойцом Сергеевым Л.М., надписанные и подаренные осенью 1943 года доктору Гороховой В.Н. Другое дело № 204 сформировано из источников личного происхождения

Проблема организации здравоохранения в блокадном Ленинграде на материалах эвакогоспитала № 1012 в период 1941–1945 гг. // Сборник статей конференции «Ломоносов–2024». СПб., 2024. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/32240/172946_uid930849_report.pdf (Дата обращения: 01.09.2025)

⁵ Государственный каталог Музейного фонда РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19831307> (Дата обращения: 01.09.2025)

⁶ ЦА МО РФ URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie27213749/ (Дата обращения: 01.09.2025)



Рис. 1 Заведующая 7-м медицинским отделением эвакогоспитала № 1012
Валентина Николаевна Горохова

ных городов, а также от родственников, раскиданных по городам и сёлам большой страны Советов в условиях разворачивающейся войны.

В деле сохраняются письма, датированные 1942 г.—всего 32 единицы, все письма от родных, знакомых к ленинградцам. Среди них на домашний адрес врача Гороховой: Ленинград В.О. 6-ая линия, д. 25 заказное пришло письмо от Муштаковой, матери пациента Георгия Муштакова, датированное 28 мая. Мать благодарит за спасение сына, желает плодотворной работы в благородном деле, а также рассказывает, как Георгий прооперирован по поводу перевязки нервов руки в г. Молотове. «Эта операция длилась 3 с половиной часа, он прекрасно перенес и даже с операционного стола встал и сам пошел в палату. Профессор говорит, что за 25 лет своей практики он впервые встречает такие нервы и такую выдержку», делится подробностями Муштакова¹⁰.

Писем за 1943 г. всего 6 единиц, в том числе, датированное 19 января от родственника Павла к Марии Яковлевне с поздравлениями в прорыве блокады. «Конечно, это еще не все, что хотелось бы,— пишет Павел,— враг еще близко от вас, но теперь уже совсем недалёк тот час, когда его не станет и поблизости от Ленинграда»¹¹.

семьи Гороховых, а именно писем военного времени от разных адресатов. В деле, наполненном источниками эпистолярного жанра, находится 81 единица хранения. За 1941 г. представлено 27 писем, среди которых переписка матери Валентины Николаевны—Марии Яковлевны, начинающаяся письмом от 30 июня, с описанием событий отъезда на дачу, где «...ночь прошла совсем спокойно. Сегодня же с утра и здесь стоит вой»⁷. В июле 1941 г. Мария Яковлевна уже опять в Ленинграде и пишет дочери Валентине Николаевне, которая серьезно заболела и ожидает операции в больнице. Быть пациентом Валентине очень не нравится: она тревожится за своих больных, мечтает вырваться на работу, пишет 16 июля матери: «Душа болит, что я должна быть в плену»⁸. В очередном ответном письме к дочери Мария Яковлевна перечисляет, что передавала Валентине, в том числе, бумагу и конверты, а также, что приготовилась ей принести, когда придет ее проводать: «...принесу все телеграммы, чтобы прочла сама»⁹. В корпусе писем за 1941 г. сохраняются послания от сына Марии Яковлевны Федора, он пишет из Москвы, от дочери Лидии, пишет из раз-

⁷ ГММОБЛ, РДФ, дело № 204, ГММОБЛ КП 14739/1

⁸ ГММОБЛ, РДФ, дело № 204, ГММОБЛ КП 14739/2

⁹ ГММОБЛ, РДФ, дело № 204, ГММОБЛ КП 14739/10.

¹⁰ ГММОБЛ, РДФ, дело № 204, ГММОБЛ КП 14739/36.

¹¹ ГММОБЛ, РДФ, дело № 204, ГММОБЛ КП 14739/63

Сохранившиеся архивные материалы В.Н. Гороховой являются бесценными документами по истории Ленинградского университета в годы блокады и дополняют новыми фактами материалы совместного проекта «Пространство университета в годы блокады Ленинграда», который направлен на сохранение памяти об универсантах, оставшихся в блокадном городе, и установлению Памятных знаков в помещениях современных зданий СПбГУ¹². В данной статье мы проанализируем машинописную книгу В.Н. Гороховой «Война. Блокада. Госпиталь», которая сохранилась в двух экземплярах (рис. 2).¹³ Третий машинописный экземпляр воспоминаний «ЭГ 1012. 1941–1945» хранится в фонде Музея истории СПбГУ.¹⁴ Можно предположить, что все три машинописных варианта воспоминаний были набраны и сброшюрованы самим автором в 1980–1981 гг., о чем свидетельствуют даты в конце текстов и дарственные надписи. Так, на форзаце экземпляра из архива Музея обороны и блокады Ленинграда (обозначим его ВГ-1) есть дарственная надпись автора музею: «Я, Горохова Валентина Николаевна, передаю в дар Музею обороны Ленинграда мои воспоминания о жизни и работе ЭГ 1012 (госпиталя) в блокадном Ленинграде. 9.11.1989». Дарственная надпись есть на форзаце экземпляра воспоминаний «ЭГ 1012. 1941–1945» (обозначим его—ВГ-3) (рис. 3): «В дар Музею Истфака ЛГУ, в стенах которого в трагические годы блокадного Ленинграда люди в белых халатах самоотверженно боролись за спасение жизни и здоровья героических защитников многострадального города. В воспоминаниях наш труд и наша жизнь в госпитале военных лет. 7.06.1988. б. начальник 7-го хирургического отделения ЭГ-1012 Горохова-Данилова В.Н.».

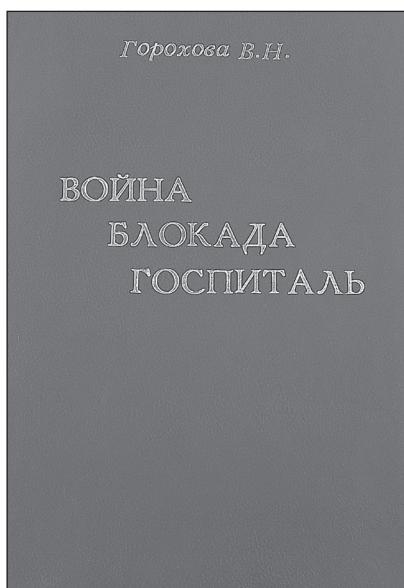


Рис. 2 Горохова В.Н. Воспоминания (ВГ-1)

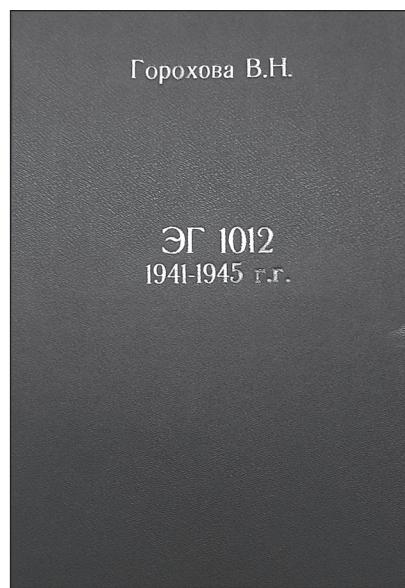


Рис. 3 Горохова В.Н. Воспоминания (ВГ-3)

¹² Сайт СПбГУ, проект «Пространство Университета в годы блокады Ленинграда». URL: <https://spbu.ru/studentam/praktika-po-modeli-kliniki-v-spbgu/prostranstvo-universiteta-v-gody-blokady-leningrada> (Дата доступа 15.09.2025)

¹³ В архиве Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда и в Грайворонском районном краеведческом музее.

¹⁴ Архив Музея истории СПбГУ. ВОВ-124.

Во всех трех машинописных текстах воспоминаний Валентины Николаевны описана ее работа не только в ЭГ № 1012, но и служба в г. Каунас, где она служила после окончания блокады и закрытия госпиталя в Ленинграде. Поэтому книги делятся на два раздела: «Канун войны. И ЭГ 1012. 1941 г.» и «Третий Белорусский фронт. Каунас. Хозяйство Дорона». Разделы делятся на отдельные тематические части. Так в «блокадном» разделе выделены следующие темы: штат 7-го отделения и добровольцы (С. 32); наше питание (С. 39); учеба и научная работа (С. 51); наши радости (С. 54); наш отдых и развлечения (С. 59). По структуре блокадного раздела мы понимаем стремление автора не только систематизировать свои дневниковые записи, но и желание всесторонне описать положение медицинских сотрудников и раненых госпиталя в контексте тяжелого блокадного периода Ленинграда. Валентина Николаевна перечисляет фамилии и имена многих сотрудников госпиталя, от руководства до санитарок и рабочих, подробно описывает ключевые события работы госпиталя и методы лечения раненых, что подтверждает наше предположение о существовании дневниковых записок¹⁵. По какой причине Валентина Николаевна не стала отдавать дневник в архив музея неизвестно, поскольку все документы в четыре архива разных музеев она сдавала лично¹⁶. Вероятно, она очень дорожила дневниками заметками. В экземпляре архива Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда сохранилась ее подпись и личная печать врача на последней странице машинописного текста (рис. 4). Воспоминания начинаются с рассказа об общей тревожной ситуации в семье (болезнь и тревога за близких) и о предвоенном городе, о первых днях начала войны. 16 сентября 1941 г. Валентина Николаевна получает предписание явиться на новое место службы. Она пишет: «в осенний солнечный день я стояла перед зданием истфака ЛГУ в числе других “призванных”, ограничено годных врачей»¹⁷. Уникальность и ценность воспоминаний В.Н. Гороховой, несомненно, заключаются в внимательном отношении к фактам, лицам и деталям. С первых страниц мы узнаем не только краткие данные о сотрудниках госпиталя, но и о структуре вновь образованного учреждения, о медицинском оборудовании и трудностях организации медицинской помощи раненым. Валентина Николаевна пишет: «В первом этаже госпиталя были организованы: приемный покой, душевая, кабинеты начальника, административно-хозяйственная служба. Во втором этаже оборудована в бывшем физкультурном зале сортировочная, перевязочная для приема и обработки раненых. Было 9 столов для перевязок, столы для инструментария, материала, для гипсовых бинтов. Здесь же, рядом, рентгеновская установка для снимков и проявления пленок. Было развернуто 10 отделений. В коридоре, рядом с сортировочной перевязочной—6-е хирургическое, сортировочное отделение. Начальник—доктор Шафер Иосиф Исаакович. 7-е хирургическое отделение в том же коридоре, после 6-го, начальник—доктор Горохова Валентина Николаевна. 3-е хирургическое отделение—для раненых в грудную клетку. Начальник—вначале доктор Муратов, затем доктор Раппе. В.О. 9-е хирургическое отделение—начальник доктор Коптев Иван Сергеевич. 10-е хирургическое отделение, начальник—доктор Чинчарадзе Маргарита Захаровна. В третьем этаже три хирургических, одно терапевтическое и нервное отделение. Начальники: доктор Резник, Трахтенберг, Шипилина и другие»¹⁸.

¹⁵ Достоверных сведений нет

¹⁶ Годы поступления материалов в архивы—1988, 1989 гг.

¹⁷ Горохова В.Н. «Война. Блокада. Госпиталь». Машинописная книга. С. 4.

¹⁸ Там же. С. 7.

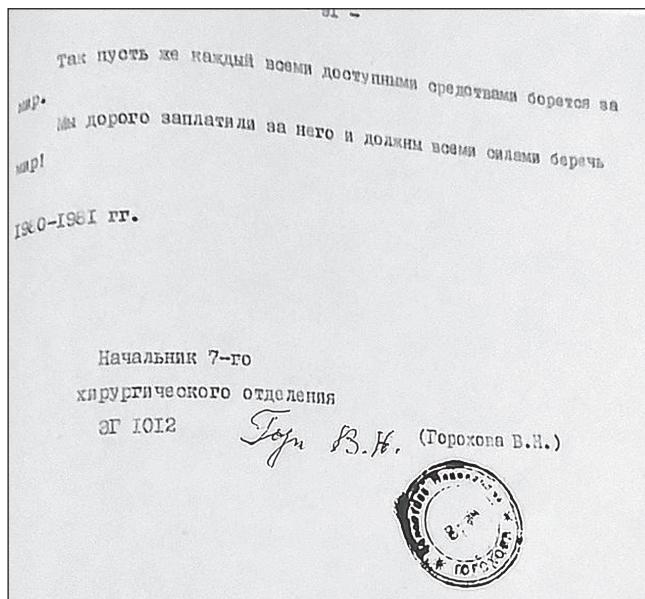


Рис. 5 Подпись и печать врача-хирурга Гороховой В.Н.

Точно, но образно автор описывает тяжелое положение персонала и раненых госпиталя, сравнивает с положением ленинградцев и всего города в первую зиму 1941–1942 гг. «Тяжелая зима 1941–1942 гг., замерзали лекарства, не было халатов (простыни), для отопления использовали буржуйки. Сложили из кирпича печки-буржуйки — это было спасение... Темно, нет света. Обход с лучиной 10 палат. Всего 120–160 больных на отделении. Из перевязочных врачи не выходили сутками».¹⁹ Но главное в ее воспоминаниях — это люди и их эмоциональное и психологическое состояние, их самоотверженность, стойкость и высокий профессионализм. Каждый старался помочь и поддержать коллегу. В.Н. Горохова особо отмечает поддержку начальника госпиталя С.А. Ягунова, военврача первого ранга, профессора А.О. Долина²⁰, комиссара Луканина Федора Григорьевича, политрука отделения, капитана интендантской службы А.П. Кулькову. Читая воспоминания, мы понимаем ее состояние — восприятие обостренно, оно открыто не только внутренним переживаниям, физическим и психологическим тяготам, но всеми «нервными окончаниями» обращено во вне, к городу и близким (мать В.Н. Гороховой оставалась дома одна), которые остались в осажденном, холодном и безмолвном городе. «В Ленинграде не было электроэнергии, транспорта, воды, продуктов питания. Освещение — коптилки, в лучшем случае, небольшая керосиновая лампа. Освещались и лучинами. Оперировали при свете фонарей “летучая мышь”...». Так В.Н. описывает бомбардировки города и разрушения зданий (дом на Мойке, Суворовский музей, разрушение дома соседнего с ее домом), смерть людей на улицах города. Взрыв бомбы рядом с госпиталем 13 мая 1943 г., попадание в госпиталь (с. 9). 23 октября 1943 снаряд упал во двор госпиталя, 7 декабря снаряд на 3 этаже влетел в комнату старшего хирурга и разрушил помещение. Пострадавших от бомбы в Гостином дворе привезли к ним... Самый сильный

¹⁹ Горохова В.Н. «Война. Блокада. Госпиталь». Машинописная книга. С. 9–10.

²⁰ См. о А.О. Долине: Кирюкова О.А. Несколько дней из жизни ученого и военврача А.О. Долина.

обстрел был 3 декабря 1943 г. Во время этого обстрела на Дворцовой пл. убиты были медсестра и санитарка госпиталя, их хоронили в госпитале 08.12.1943 (с. 11). Горохова В.Н. описывает и психологическое состояние раненых и сотрудников госпиталя. Она пишет: «Медперсонал должен был не только принимать, лечить и ухаживать за ранеными, но в первую очередь, поддерживать моральный дух у них. Внушать волю к жизни, к выздоровлению» (с. 34). И далее—«Помимо выздоравливающих раненых нашими помощниками были добровольцы из университета. Они ухаживали за ранеными, кормили их. Читали газеты и книги. Писали письма». (С. 35) Отдельная часть воспоминаний посвящена питанию и отдыху раненых и персонала госпиталя. (С. 39–50). «До 4.11.41 года мы были прикреплены и питались в университетской столовой, расположенной напротив госпиталя, через площадь. Врачи и администрация посещали профессорскую, остальные студенческую столовую». «Наша столовая помещалась в I-м этаже госпиталя. Норма для нас—250 граммов хлеба, или 125 граммов сухарей. Каковы были обеды? Та же «тяжелая вода»—суп. На второе немного каши или макарон» (С. 42). В тексте воспоминаний есть и страницы с названиями «Наши радости» и «Наш отдых и развлечения» (С. 59). Валентина Николаевна описывает празднование Нового года в 1942 и 1943 г., описывает праздничный стол, поздравление руководства госпиталя и раненых: «1943 год декабрь—Раненый преподнес мне одно яблоко. Я поделила его на троих дома. Первое яблоко за войну»²¹. В госпитале был создан Клуб (помещение лектория Истфака), где проводились лекции, собрания врачей и выступления артистов и показ кинофильмов. «В наш госпиталь приезжали с концертами артисты театров драмы, оперы, оперетты, и эстрады. Среди них были Грановская, Вера Арманд, Александра Степановна Егорова, Преображенская, Чесноков, Ардин, Давид Ойстрах и многие другие»²².

Наконец-то долгожданное освобождение Ленинграда! И Валентина Николаевна записывает в своих воспоминаниях: «Дорогой ценой досталась победа под Ленинградом. Выстрелы из 720 орудий, салют, море зелёных и красных огней, толпы обезумевших от радости людей. А раненых всё везли и везли»²³. Машинописные варианты воспоминаний В.Н. Гороховой, несомненно, требуют дальнейшего исследования и верификации упомянутых данных с другими историческими источниками.

Завершая наше небольшое исследование воспоминаний врача-хирурга Валентины Николаевны Гороховой-Даниловой о блокаде Ленинграда, о работе Эвакогоспитала № 1012 и о людях в белых халатах, необходимо привести слова автора в «Послесловии» к воспоминаниям: «Воспоминания о войне могут и должны служить материалом не только для истории и романов. Они должны вызвать ужас перед возможностью возникновения новой войны. Ведь новая война будет даже «не блокадной». Она повлечет за собой полное уничтожение всего живого на земле. Так пусть же каждый всеми доступными средствами борется за мир. Мы дорого заплатили за него и должны всеми силами беречь мир!»²⁴

Список литературы

Василик В.В. Медики Ленинграда и Ленинградского фронта в 1941–1942 г. По материалам МО ЦАМ // История Петербурга. 2019. № 3. С. 99–103.

²¹ Горохова В.Н. «Война. Блокада. Госпиталь». Машинописная книга. С. 49.

²² Там же. С. 60.

²³ Там же. С. 59.

²⁴ Там же. С. 91.

Вершилов С.А. Историческая память о войне: особенности и проблемы сохранения. //Военно-исторический журнал. 09.05.2021 URL: <https://history.milportal.ru/istoricheskaya-pamyat-o-vojne-osobennosti-i-problemy-soxraneniya/> (дата доступа: 10.09.2025)

Кирикова О.А. Несколько дней из жизни ученого и военврача А. О. Долина // От 1939-го до 1945-го: Ученые и научные учреждения в годы второй мировой войны: Сб. ст. СПб.: Реноме, 2022. С. 99–109.

Лапченко А.С. Работа эвакуационного госпиталя № 1012 в условиях блокады Ленинграда // Петербургские военно-исторические чтения: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / [Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, каф. русской истории и др.]. СПб., 2015. С. 150–153.

Строгонова В.А. Проблема организации здравоохранения в блокадном Ленинграде на материалах эвакогоспитала № 1012 в период 1941–1945 гг. // Сборник статей конференции «Ломоносов–2024». СПб., 2024. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/32240/172946_uid930849_report.pdf (Дата обращения: 01.09.2025).

References

Vasilik V.V. Mediki Leningrada i Leningradskogo fronta v 1941–1942 g. Po materialam MO CAM [Medical Professionals of Leningrad and the Leningrad Front in 1941–1942. Based on Materials from the MO TsAM], in *Istorija Peterburga*. 2019. № 3. P. 99–103. (In Rus.).

Vershilov S.A. Istoricheskaja pamjat' o vojne: osobennosti i problemy sohraneniya [Historical Memory of the War: Features and Problems of Preservation.], in *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 09.05.2021 <https://history.milportal.ru/istoricheskaya-pamyat-o-vojne-osobennosti-i-problemy-soxraneniya/> (data dostupa: 10.09.2025). (In Rus.).

Kirikova O.A. Neskol'ko dnej iz zhizni uchenogo i voenvracha A. O. Dolina [A Few Days in the Life of the Scientist and Military Doctor A.O. Dolin], in *OT 1939-go DO 1945-go: Uchenye i nauchnye uchrezhdenija v gody vtoroj mirovoj vojny: Sbornik statej*. Saint-Petersburg: Renome, 2022. 372 p. (In Rus.).

Lapchenko A.S. Rabota jevakuacionnogo gospitalja № 1012 v uslovijah blokady Leningrada [The Work of Evacuation Hospital No. 1012 during the Siege of Leningrad], in *Peterburgskie voenno-istoricheskie chtenija: sb. mat-lov Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. St. Petersburg, 2015. P. 150–153. (In Rus.).

Stroganova V.A. Problema organizacii zdravooohranenija v blokadnom Leningrade na materialah jevakogospitalja № 1012 v period 1941–1945 gg. [The Problem of Healthcare Organization in Siege of Leningrad Based on the Materials of Evacuation Hospital No. 1012 in the Period 1941–1945], in *Sbornik statej konferencii «Lomonosov-2024»*. St. Petersburg, 2024. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/32240/172946_uid930849_report.pdf (Data obrashhenija: 01.09.2025).

Балакирева Т.А.

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А.Р. БЕЛЯЕВА

Балакирева, Татьяна Андреевна—магистр культурологии, начальник Отдела образовательных программ по направлению философия Управления образовательных программ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, t.balakireva@spbu.ru.

В статье рассматривается проблема сохранения литературного наследия в сложные исторические периоды на примере творчества советского писателя-фантаста А.Р. Беляева, последний этап жизни которого выпал на начало Великой Отечественной войны и оккупацию г. Пушкин немецкими войсками. Проводится анализ исследований о литературной деятельности советских писателей во время Великой Отечественной войны, когда они были либо участниками военных действий, либо работали в тылу, в эвакуации. Приводится информация о деятельности писателей, оставшихся в блокадном Ленинграде. Исследуется подход А.Т. Твардовского к сохранению собственного архива. Характеризуется последний период жизни А.Р. Беляева. Проводится краткий анализ творчества автора, которое условно подразделяется на две группы: творчество на мировоззренческую тематику и творчество о первопроходцах. Высказано предложение по проектированию литературного музея, посвященного биографии и творчеству А.Р. Беляева.

Ключевые слова: Александр Романович Беляев, научная-фантастика, литературный музей, музейное дело, Великая Отечественная война, литературное творчество во время Великой отечественной войны.

ON THE ISSUE OF PRESERVING LITERARY HERITAGE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE CASE STUDY OF A.R. BELYAEV'S CREATIVE WORK

Balakireva, Tatiana Andreevna—Master of Cultural Studies, Head of the Department of Educational Programs in Philosophy, Directorate of Educational Programs, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, t.balakireva@spbu.ru.

The article aims to highlight the issue of preserving literary heritage during challenging historical periods, using the example of the creative work of Soviet science fiction writer A.R. Belyaev, whose final years coincided with the onset of the Great Patriotic War and the occupation of the city of Pushkin by German forces. Prior to examining Belyaev's biography, the study conducts a literature review on the literary activities of Soviet writers during the Great Patriotic War. During this period, writers either participated in military operations, worked in the rear, or were evacuated. The article provides insights into the activities of writers who remained in besieged Leningrad. It also explores A.T. Tvardovsky's approach to preserving his personal archive. Subsequently, a detailed account of the final period of A.R. Belyaev's life is presented. A concise analysis of the author's oeuvre is offered, conditionally divided into two categories: works addressing philosophical themes and works focusing on pioneers and

trailblazers. The article concludes by summarizing its findings and outlining prospects for the establishment of a literary museum dedicated to A.R. Belyaev's biography and creative legacy.

Key words: Alexander Romanovich Belyaev; science fiction; literary museum; museology; Great Patriotic War; Literary Creativity During the Great Patriotic War.

Сохранение памяти о подвигах предков — это одно из фундаментальных оснований общества. Современная культура в поисках собственной идентичности должна обратиться к вопросам сохранения мемуаров, дневниковых записей, переписки и других рукописных источников. Поэтому в данном исследовании хотелось бы проследить, как развивалось творчество литераторов, ставших свидетелями или участниками Великой Отечественной войны, и происходило сохранение их архивов в военные годы. Мы исследуем литературу о деятельности писателей во время Великой Отечественной войны, приведем примеры продолжения литературной деятельности как на фронте, так и в тылу; проанализируем, каким образом авторы находили способы сохранения собственных архивов. В качестве ключевого примера обратимся к последней «главе» биографии советского писателя Александра Романовича Беляева (1884–1942), ведь последние годы его жизни связаны с тяготами нахождения в оккупированном Пушкине, что не только осложняло сохранение рукописей, но и фатально повлияло на формирование памяти о нем.

Во время Великой Отечественной войны привычный быт сменился на существование в условиях риска для жизни, условиях страха и необходимости обеспечить безопасность. Писатели СССР были вынуждены вместе со всей страной предстать перед лицом войны. Исследователь О.Д. Минаева пишет: «В первые же дни войны в дивизию народного ополчения вступили 82 члена и кандидата в члены Московской организации Союза писателей. Из писателей-москвичей сформировали отдельную роту»¹. В Москве, по словам исследователя, по состоянию на 25 июня 1942 г. находилось 333 писателя, из которых большая часть оставалась не на основной работе, часть была в рядах РККА, другие занимались переводами с иностранных языков, научно-исследовательской деятельностью, остальные же остались в городе в связи с тяжелым состоянием здоровья. С точки зрения призыва, литераторы не только не прекращали свою деятельность, но и перестроили ее с учетом потребностей военной поры. Они занимались прославлением подвигов героев, агитацией и пропагандой на страницах газет. «Среди постоянных авторов текстов — Д. Бедный, С. Кирсанов, С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, С. Щипачев, А. Жаров. В работе принимали участие М. Алигер, Н. Адуев, А. Раскин, М. Слободской, П. Антокольский, М. Шульман, А. Машинистов»². В стихотворной форме поэты обличали преступления захватчиков и поднимали боевой дух народа. «Боль народная, гнев и ярость обретали художественное воплощение в творчестве балкарских поэтов. В первые же месяцы войны в республиканской периодической печати появились стихотворения ушедших на фронт Керима Отарова, Кайсына Кулиева, Азрета Будаева, Омара Этезова, Берта Гуртуева и др.»³ — пишет исследователь творчества региональных авторов А.И. Тетуев. Писатели-фронтовики не только работали над делом пропаганды

¹ Минаева О.Д. «Перо отсвечивает военной сталью». Литературная газета о писателях на войне (1941–1945 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 3. С. 126.

² Там же. С. 127.

³ Тетуев А.И. Деятельность советских писателей в формировании патриотизма в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. № 2 (65). С. 55–61. DOI: 10.25744/vestnik.2024.58.57.007

и в духоподъемном стиле. Они еще и занимались литературной критикой коллег, через которую обнажали новые проблемы раннесоветской литературы: так, отмечено, что война вывела на первый план вопросы любви и солдатской души, о которых ранее не было принято писать⁴.

В эвакуации оказались многие деятели эпохи Серебряного века: А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Пастернак. Они находились там в условиях общежития, временно размещенные в различного рода общественном жилье. Исследователь истории эвакуации Н. Громова указывает, что было две волны перемещений писателей в глубокий тыл: первая была хаотичнее, пришлась на начальные месяцы войны в условиях блокады Ленинграда и наступления немцев на Москву, что привело к принятию решений об эвакуации «здесь и сейчас»; вторая же волна — более поздняя — была более контролируемая и упорядоченная⁵. В первую волну переехала в Елабугу М. Цветаева, что, как указывает Н. Громова, стало роковым для ее судьбы. Во вторую же волну отправились в эвакуацию в Ташкент и Чистополь А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Толстой. Творчество в вынужденном изгнании расцвело иначе: удаленность от обеих столиц и путешествие в другой, уездный мир дали глоток свободы, спровоцировавший всплеск писательской активности. «Федин пишет там воспоминания о «Серапионовых братьях» — «Горький среди нас», Пастернак, хотя и занимается в основном переводами, начинает обдумывать «Доктора Живаго», внутренне уже нащупывая смысловые узлы начала века, как и Ахматова, которая пишет «Поэму без героя»⁶. Для детей писателей организуется интернат, в котором по очереди дежурят взрослые — сами писатели, ставшие им воспитателями. «Есть смешные истории про Пастернака, который с книжкой в спальне на 24 кровати якобы следит за порядком, а дети, как только выключается свет, начинают кидаться подушками, и Пастернак говорит: «Только не в меня!»⁷.

Конечно, условия жизни в эвакуации и прифронтовой полосе, на оккупированных территориях, в осажденном Ленинграде разнились. При исследовании способов существования и работы писателей нельзя не обратиться к трансформациям быта и мировоззрения, которые произвела над ленинградцами блокада. Уже в конце июля 1941 г. в Ленинграде осталось 158 писателей, по данным В.А. Антипиной⁸. Она же указывает, что осенью 1941 г. литераторы — как и другие горожане — стали страдать от голода, приводя в пример судьбу Вс. Вишневского, который с 1 декабря 1941 г. по 4 января 1942 г. находился на лечении от истощения 2 степени, авитаминоза и реактивного невроза. Из блокадного Ленинграда писатели могли уехать по Дороге жизни. Такой возможностью, пишет В.А. Антипина, воспользовался Ц. Вольпе, который, к сожалению, не достиг тыла, поскольку, по словам Корнеля Чуковского, в пути был убит алчным шофером, польстившимся на шапку и большой чемодан. Оказалось, что в чемодане были рукописи, никакой ценности для шофера не представлявшие.

В конце зимы 1941–1942 гг. в ленинградском Доме писателя открывается лечебный центр для страдающих дистрофией. «За время работы стационара с 10 февраля по

⁴ Минаева О.Д. «Перо отсвечивает военной сталью». С. 136.

⁵ Бабицкая В. В эвакуации писатели встретились со своей страной. Интервью с Н. Громовой. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://polka.academy/materials/681> (Дата обращения: 01.09.2025)

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е годы. М., 2005. Электронный ресурс. Режим доступа: https://royallib.com/read/antipina_valentina/povsednevnyaya_gizn_sovetskikh_pisateley_1930_1950_e_godi.html (Дата обращения: 01.09.2025)

5 апреля 1942 года в нем побывало 59 человек (33 мужчины и 26 женщин)», — приводит статистику В.А. Антипина⁹. В этот период Союз писателей организует именные и общие посылки с продовольствием и медикаментами, посылки доставляются самолетами и сбрасываются на территорию города. С осени 1942 г. доставка продуктов стабилизировалась, и обстановка улучшилась: так, уже в 1943 г. обед в Доме писателя состоял из супа-бурды и второго, которое потом в блокадном фольклоре получит название «писательские косточки». Писатели блокадного Ленинграда переносили голод и другие бытовые трудности вместе с остальным населением, оставшимся в блокадном городе.

Говоря о способах существования литераторов, о путях сохранения писательского дара во время войны, нельзя не упомянуть А.Т. Твардовского. Этот автор не только создал одного из самых знаковых персонажей военной литературы — Василия Теркина, но и оставил большой пласт архивной информации о том, как осуществлялось творчество, о своих реакциях на происходящие события в своей Автобиографии¹⁰, в двухтомном «Новомирском дневнике»¹¹. Автобиография написана для сборника подобных текстов советских писателей. В ней автор описывает события своей жизни, не заикаясь особенно на участии в военных действиях. Однако мы обратим внимание, что осенью 1939 г. Александр Трифонович участвует в освободительном походе в Западную Белоруссию, затем в войне с Финляндией. Уже опытным военным Твардовский оказывается на фронте Великой Отечественной войны, о которой пишет: «... глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первых дней отличили ее от каких бы то ни было иных войн, и тем более военных кампаний»¹². Двухтомный «Новомирский дневник» раскрывает перед читателем отчасти дневниковые записи, отчасти заметки поэта с набросками будущих стихотворений периода послевоенного, но все размышления писателя-фронтовика так или иначе приводят его к переосмыслению пережитого во время войны. «Вчера была годовщина начала войны. Почти четверть века назад было такое же, как вчера, утро под Звенигородом, я сидел над уже задуманным, но очень тugo шедшим «Теркиным», — подумать, что осуществлением этой вещи я обязан этой ужасной войне. Но тем, что пережил эту ужасную войну, я обязан «Теркину»¹³. Литература, как показывает эта цитата, помогала пережить войну не только читателям, но и авторам. Однако пережить ее удалось не всем...

А.Р. Беляев встречает начало Великой Отечественной войны в состоянии восстановления после операции на почках в своей квартире в городе Пушкин¹⁴. На протяжении всей своей жизни с 1884 по 1942 гг. он боролся с туберкулезом спинных позвонков, что стало причиной долгого пребывания в гипсовом корсете и лежачем положении. В газете «Большевистский листок», вышедшей 26 июня 1941 г., А.Р. Беляев писал: «Труд создает, война разрушает. Нам навязали войну-разрушительницу. Что ж? Будем разрушать разрушителей. Наша армия докажет врагу, что рабочие и крестьяне, из которых она состоит, умеют не только строить заводы и фабрики, но и разрушать «фабрики войны»¹⁵. На

⁹ Там же.

¹⁰ Твардовский А.Т. Автобиография. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://smolensklib.ru/tward2/node/95> (Дата обращения: 01.09.2025)

¹¹ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. В 2 т. .М., 2009.

¹² Твардовский А.Т. Автобиография.

¹³ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т.1. М., 2009. С. 349.

¹⁴ Орлов О. А.Р. Беляев. Биографический очерк. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_r/text_1964_a_r_belyaev.shtml (Дата обращения: 01.09.2025)

¹⁵ Цит. по: Орлов О. А.Р. Беляев. Биографический очерк.

этот момент уже написаны все произведения, которыми Александр Романович известен и поныне: «Голова профессора Доуэля»—выходил в периодических изданиях, начиная с 1924 г.; «Остров погибших кораблей»—с 1926 г.; «Последний человек из Атлантиды»—с 1926 г.; «Борьба в эфире»—с 1927 г.; «Человек-амфибия»—с 1928 г.; «Подводные земледельцы»—с 1930 г.; «Звезда КЭЦ»—с 1936 г.

Его дочь в своих воспоминаниях отмечает, что к началу войны семья Беляевых состояла из четырех человек: Александр Романович (отец), Маргарита Константиновна (мать), Эльвира-Иоанетта Юрьевна (бабушка) и она, Светлана Александровна, проживая в Пушкине в пятикомнатной квартире по улице Жуковской¹⁶. Она пишет, что упростила родителей не отправлять ее в эвакуацию, поскольку находилась на стадии восстановления после туберкулеза коленного сустава, не могла передвигаться самостоятельно и нуждалась в семье. Потом Ленинградское отделение Союза писателей предлагало А.Р. Беляеву эвакуироваться всей семьей, но Маргарита Константиновна была против, так как отец был после операции, а Эльвира-Иоанетта Юрьевна страдала от сердечного заболевания, и везти семью в неизвестность, когда из здоровых в ней только один человек, было опрометчиво.

Когда начались бомбежки, часть из них семья пережидала в квартире, но при отступлении Красной армии 17 сентября 1941 г. из Пушкина было принято решение переместиться в «щель»—так называли бомбоубежище. Семья, собираясь впопыхах, оказалась в укрытии без съестного, Маргарита Константиновна отправилась в квартиру, чтобы взять сухарей и воды. Выйдя из укрытия, она обнаружила в воронке неразорвавшийся снаряд, перешагнула через него и отправилась в квартиру. Вскоре после ее возвращения в «щель», там появились немецкие солдаты. Они пытались найти русских военных, но увидели только мирных жителей, укрывшихся от бомбейки.

Потом семья перешла из «щели» в дом Кокорева на Московской улице, там было уже много жителей Пушкина. Через несколько дней пребывания там, немецкие солдаты увили тех, кто был признан евреями. После этого семья вернулась в свою квартиру, где уже не работал водопровод, поэтому единственной здоровой из всех, Маргарите Константиновне, по несколько раз в день приходилось ходить на пруд за водой. Эльвира-Иоанетта Юрьевна вынуждена была стать поварихой на немецкой полевой кухне, благодаря чему семья все еще продолжала балансировать между голодной смертью и жизнь—бабушка приносила с кухни в дом суп и картофельные очистки. И все же голод не давал покоя. От недоедания усугублялись болезни и без того нездоровых членов семьи, поэтому было принято решение отправиться к доктору, который в такое тяжелое время продолжал принимать больных. Дома остались Света и Александр Романович. Сразу после ухода женщин в дверь постучались и в квартире появился немецкий солдат. Он задавал вопросы, видимо, пытаясь найти повод для обыска. Девочка как могла объяснила ему, что она одна рядом с больным отцом, что он писатель. Солдат постоял немного и вышел. Биограф А.Р. Беляева отмечает, что в этот момент «исчезает папка с документами. Немцы роются в книгах и бумагах Беляева»¹⁷.

После этого случая следующими гостями семьи Беляевых стали выпускник еще дореволюционного Петербургского университета, историк, профессор С.Н. Чернов с сыном. Неизвестно как Александр Романович познакомился с профессором, но этот вечер

¹⁶ Беляева С.А. Семейная сага фантаста Беляева. М., 2014.

¹⁷ Орлов О. А.Р. Беляев. Биографический очерк.

они провели вместе и даже выяснилось, что Чернов младший увлекается творчеством Беляева.

Жизнь в оккупированном Пушкине для местных жителей зимой 1941–1942 гг. была чрезвычайно тяжела. После отключения водопровода перестала работать и канализация, и жители Пушкина стали уходить с обжитых мест. Соседи снизу, покидая квартиру, оставили Беляевым бочонок квашеной капусты, что, в конечном счете, помогло выжить только женщинам. 6 января 1942 г. Александр Романович умер от голода. Организовать похороны зимой, когда во всем Пушкине осталась одна лошадь, а на руках тело не достести до кладбища, потому что оно далеко, не получилось. Тело было привезено и передано коменданту кладбища, который пообещал, что оно будет захоронено рядом с телом профессора Чернова позднее, а пока оно будет «ждать» своей очереди в склепе.

Тяготы семьи писателя продолжились и после его кончины. Всем жителям оккупированного Пушкина предписано было пройти регистрацию в Городской управе. Оставшихся в живых женщин семьи Беляевых занесли в список лиц нерусской национальности, потому что Эльвира-Иоанетта Юрьевна называлась шведкой. Лицам нерусской национальности надлежало, согласно немецкому распорядку, покинуть Россию и пройти через концентрационные лагеря. 6 февраля 1942 г. они покинули Пушкин и были вынуждены пройти через пять лагерей в Пруссии, Померании и Австрии. После Победы женщины вернулись в Россию, но были отправлены на 11 лет в ссылку.

Гибель А.Р. Беляева в оккупированном нацистами Пушкине и последующие злоключения членов его семьи, по-видимому, не могли не отразиться на сохранности архива писателя. Однако нельзя с точностью сказать, имело ли место исчезновение каких-то рукописей зимой 1941–1942 гг., в каком объеме, или вообще ничего не пропало, поскольку свидетельства биографов отличаются. Историческая ситуация, стечение обстоятельств, в которых оказался А.Р. Беляев и его литературное наследие ставят перед исследователем большое количество вопросов: начиная с проблематизации статуса культурной ценности не известных науке рукописей, заканчивая перечнем практических действий по сохранению бумажных носителей информации.

Оставляя в стороне вопрос о возможных утраченных рукописях писателя-фантаста, постараемся обозначить, что именно представляет собой дошедшее до XXI века литературное наследие А.Р. Беляева, какую ценность имеют его произведения в современности, через почти сто лет после их написания.

Литературное наследие А.Р. Беляева можно условно разделить на два больших блока: произведения, включающие мировоззренческую тематику (например, «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия»), и сочинения о первоходцах в науке и технологиях (такие как, «Подводные земледельцы» или «Звезда КЭЦ»). Романы и повести, условно причисляемые нами к первому блоку, говорят по большей части о проблемах лишних субъектов. Писатель связывает свой интерес к подобной тематике с тем, что он, будучи прикованным к постели в течение долгого времени, чувствовал себя «головой без тела»¹⁸. Второй блок сочинений связывается автором с научно-популярной деятельностью. «Привлечь внимание к большой проблеме — это важнее, чем сообщить ворох готовых научных сведений. Толкнуть же на самостоятельную научную работу — это лучшее и большее, что может сделать научно-фантастическое произведение», — пояснял А.Р. Беляев рефлексируя о собственном творчестве¹⁹.

¹⁸ Беляев А.Р. О моих работах // Детская литература». 1939. № 5. С. 23–25.

¹⁹ Там же. С. 25.

Кроме того, что произведения писателя поднимают такие важные для развития науки и общественной жизни темы, хочется обратить внимание еще и на архетипичность образов некоторых главных героев. Так, в современности слово «ихтиандр» часто используется в просторечье для обозначения человека, который хорошо плавает, тогда как это — имя главного героя романа «Человек-амфибия». Образ головы без тела, придуманный А.Р. Беляевым в качестве героя романа «Голова профессора Доуэля», также укоренился в современной культуре. Примеры можно обнаружить в американском научно-фантастическом сатирическом мультсериале для взрослых «Футуратора». События сюжета разворачиваются в Новом Нью-Йорке в XXXI веке, где есть музей голов — там находятся головы знаменитых личностей прошлого, которые могут общаться с окружающим миром, так как технологии их хранения достигли такого уровня.

Таким образом, творчество А.Р. Беляева остается актуальным в современном культурном контексте.

Исследование, проведенное нами в данной статье, показывает, что способы сохранения литературного наследия во время Великой Отечественной войны отличались. Мы указали три полярных примера. История Ц. Вольпе, убитого из-за алчности и с целью наживы за чемодан, в котором он вез рукописи. Труд А.Т. Твардовского, который кропотливо вел свои тетради и сам хранил рукописи, дошедшие в итоге до наших современников и изданные. И ситуация с рукописями А.Р. Беляева: те, что были при нем, на момент оккупации Пушкина имеют неясную судьбу, поскольку свидетельство дочери не подтверждает, что рукописи были изъяты, а биограф О. Орлов, наоборот, указывал на это. В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга в личном фонде А.Р. Беляева (Р-215), согласно Описи 1, содержится 13 дел:

1. «Звезда КЭЦ». Роман часть 1. Машинопись с авторской правкой. Опубл. М.-Л., 1936.
2. «Звезда КЭЦ». Роман часть 2. Машинопись с авторской правкой. Опубл. М.-Л., 1936.
3. «Звезда КЭЦ». Роман. Фрагменты. Вариант главы 9-ой.
4. «Звезда КЭЦ». Роман. Фрагменты. Варианты глав 13-ой и 14-ой.
5. «Звезда КЭЦ». Роман. Фрагменты.
6. «Когда погаснет свет». Киносценарий. Машинопись с авторской правкой. Опубл. «Искусство кино», 1960 г. № 9.
7. «Когда погаснет свет». Киносценарий. Вариант. Машинопись с авторской правкой.
8. Переписка Беляева А.Р. с Циолковским К.Э. Машиноп. копии.
9. Письмо Беляева А.Р. Сокольскому А.З.— сотруднику журнала «Вокруг света».
10. Фотографии Беляева А.Р.
11. Групповые фотографии с Беляевым А.Р.
12. Свидетельство о рождении Беляева А.Р. Подлинник.
13. Визитные карточки Беляева А.Р.

Среди дел есть и те, что отнесены архивистами к 1941 г. (Д. 6, 7, 9). Возможно, это именно то, что удалось спасти после его смерти и ухода оккупантов из Пушкина. Этот сюжет требует дальнейшего изучения. Неизвестным остается, были ли изъяты какие-то рукописи немецкими военными или нет. Другой проблемой для исследователей творчества А.Р. Беляева является то, что в современной России до сих пор не существует ни одного литературного музея, посвященного этому писателю. Есть лишь памятные таблички на домах, где он проживал в Пушкине и Смоленске. Представляется, что проектирование

подобного музея могло бы проиллюстрировать разносторонне развитую личность и интереснейшую биографию Александра Романовича, его романы, герои которых стали архетипическими в современной культуре.

Список литературы

Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 408 с. Электронный ресурс. Режим доступа: https://royallib.com/read/antipina_valentina/povsednevnaya_gizn_sovetskikh_pisatelyey_1930_1950_e_godi.html (Дата обращения: 01.09.2025).

Бабицкая В. В эвакуации писатели встретились со своей страной. Интервью с Н. Громовой. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://polka.academy/materials/681> (Дата обращения: 01.09.2025).

Минаева О.Д. «Перо отсвечивает военной сталью». Литературная газета о писателях на войне (1941–1945 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 3. С. 126–142.

Орлов О. А.Р. Беляев. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_r/text_1964_a_r_belyaev.shtml (Дата обращения: 01.09.2025).

Тетюев А.И. Деятельность советских писателей в формировании патриотизма в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. № 2 (65). С. 55–61. DOI: 10.25744/vestnik.2024.58.57.007.

References

Antipina V. A. Povsednevnaya zhizn sovetskikh pisatelei, 1930–1950-e gody [Daily life of Soviet Writers, 1930s–1950s]. Moscow: Molodaya gvardiia, 2005. 408 p. https://royallib.com/read/antipina_valentina/povsednevnaya_gizn_sovetskikh_pisatelyey_1930_1950_e_godi.html (In Rus.).

Babitckaia V. V evakuacii pisateli vstrelis so svoei stranoi. Interviu s N. Gromovoi [During the Evacuation, the Writers Met with their Country. Interview with N. Gromova.]. <https://polka.academy/materials/681> (In Rus.).

Minaeva O.D. «Pero otsvechivaet voennoi staliu». Literaturnaia gazeta o pisateliakh na voine (1941–1945 gg.) [“The feather glows with military steel.” Literary newspaper about writers at war (1941–1945)]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika. 2011. № 3. P. 126–142. (In Rus.).

Orlov O. A.R. Beliaev. http://az.lib.ru/b/beljaew_a_r/text_1964_a_r_belyaev.shtml (In Rus.).

Tetuev A.I. Deiatelnost sovetskikh pisatelei v formirovani patriotizma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Kabardino-Balkarii) [The Activity of Soviet Writers in the Formation of Patriotism during the Great Patriotic War (on the Example of Kabardino-Balkaria)]. In: Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki. 2024. № 2 (65). S. 55–61. DOI: 10.25744/vestnik.2024.58.57.007. (In Rus.).

СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Купцова Е.Д.

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА ПРАДЕДА:
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ЗЕРКАЛЕ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Купцова, Екатерина Дмитриевна—обучающаяся по ООП «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, st107608@student.spbu.ru.

Научный руководитель—к.и.н., доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ О.А. Любезников.

На основе анализа личной переписки прадеда автора статьи, фронтовика Дмитрия Емельяновича Купцова, служившего телефонистом на Ленинградском фронте во время Великой Отечественной войны, в работе исследуется связь между личной и коллективной памятью, раскрываются особенности повседневной жизни, эмоционального состояния и быта советского человека на войне. Через судьбы членов одной семьи прослеживается воздействие войны на разные социальные группы—бойцов, рабочих, женщин, детей и эвакуированных. Письма Дмитрия Купцова становятся ценным микроисторическим источником, дополняющим общее знание о восприятии войны человеком и формирующим связь между личной историей и историей всей страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история повседневности, микроистория, фронтовые письма, семейный архив, блокада Ленинграда.

GREAT-GRANDFATHER'S LAST LETTERS:
THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR REFLECTED
IN THE FAMILY ARCHIVE

Kuptsova, Ekaterina Dmitrievna—a student of the bachelor program “Museology and conservation of cultural and natural heritage sites”, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, st107608@student.spbu.ru.

The scientific supervisor—O.A. Lyubeznikov, Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint-Petersburg State University.

Based on the analysis of the personal correspondence of the author's great-grandfather, the front-line soldier Dmitry Yemelyanovich Kuptsov, who served as a military telephone operator on the Leningrad Front during the Great Patriotic War, the work examines the relationship between personal and collective memory, reveals the features of everyday life, emotional state and everyday life of a Soviet person during the war. The impact of the war on different social groups (fighters, workers, women, children, and evacuees) is traced through the fate of

members of the same family. Dmitry Kuptsov's letters are becoming a valuable micro-historical source that complements the general knowledge about the perception of war by man and forms a link between personal history and the history of the whole country.

Key words: The Great Patriotic War, the history of everyday life, microhistory, front-line letters, family archive, the siege of Leningrad.

Проблеме изучения Великой Отечественной войны уделяется значительное внимание ввиду трепетного отношения к жертвам и подвигам советского народа, одержавшего победу над фашизмом и нацизмом. Анализ существующей по данной теме отечественной историографии позволяет утверждать, что с 1990-х гг. укоренился подход исследования военного времени через изучение повседневности¹ (под повседневностью понимаются «формы непосредственной человеческой деятельности, которая осуществляется в конкретной фактичности событийных ситуаций и представляет собой совокупность повседневного бытия <...> и обыденного сознания»², то есть включает в себя как способы адаптации людей к изменениям действительности, так и эмоциональные переживания на их фоне). Хотя еще в советский период историки обращались к темам, напрямую связанным с условиями жизни населения,— к вопросам бытового снабжения, предупреждения детской беспризорности и т. д.— в их работах все же был сделан акцент на вкладе партийных организаций в дело улучшения материального положения граждан и на социальной политике страны³. В поле же зрения современных исследователей попали переживания и опыт участников событий, стали рассматриваться отдельные группы населения (эвакуированные, военнопленные, представители НКВД, женщины, дети и т.д.), а не весь советский народ в целом⁴. Фокус был смещен на непосредственно человека, в связи с этим историки обращались к воспоминаниям людей, переживших Великую Отечественную войну. Так, благодаря изучению судеб отдельных личностей, что является применением микроисторического подхода в исследованиях, удалось сформировать наиболее полную и точную картину. Именно микроистория и история повседневности позволяют обогатить общее историческое знание, раскрывая причинно-следственные связи и особенности исторического процесса⁵. Письма Дмитрия Емельяновича Купцова—это один из множества примеров фронтовых письменных источников времен Великой Отечественной войны, который может дополнить уже существующие исследования о мышлении, психологии и быте бойца того периода, проливая свет на судьбу еще одной советской семьи. Семейный архив в данном случае превращается в мост между личной памятью и коллективной историей, между «малой» и «большой» историей страны.

Дмитрий Емельянович Купцов (рис. 1) родился в 1911 г. в деревне Черненово Холм-Жирковского района Смоленской губернии. В семье было 11 детей, Дмитрий был старшим. Достоверно неизвестны детали переезда, однако в 1941 г. вся семья уже некоторое время проживала в Ленинграде. Дмитрий, окончив московский конструкторский

¹ Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 93.

² Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. С. 260.

³ Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии. С. 94.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Баринова Е.П. Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. № 4. С. 483.

техникум⁶, занимался разработками в сфере радиосвязи и руководил конструкторской группой⁷ на Заводе № 208⁸ им. Коминтерна⁹. На момент начала войны ему было 30 лет, он был женат и растил четырехлетнюю дочь и годовалого сына. В июле 1941 г., оставив работу и семью, Дмитрий ушел добровольцем в армию¹⁰.

Дмитрий Купцов служил телефонистом, в обязанности которого входило поддержание проводной телефонной связи между военными частями. В письмах Дмитрия от осени 1941 г. в качестве обратного адреса указаны 173 стрелковый полк, батальон связи, который входил в состав 90 стрелковой дивизии, подчинявшийся на тот момент 55 армии. Названное военное подразделение участвовало в обороне на южных и юго-восточных подступах к Ленинграду. В ноябре—декабре 1941 г. 55 армия вела бои в районе между городом Пушкин и городом Колпино¹¹, линию фронта удалось стабилизировать, не дав сжаться кольцу блокады дальше Колпино. К весне 1942 г. относится письмо Дмитрия (рис. 2, 3), на основе текста которого будет строиться данная статья. Ниже приведена расшифровка:

«17 марта 1942 г.

Здравствуйте милые и дорогие сестрички Аня и Оля. Крепко, крепко вас целую и шлю горячий братский привет от всего сердца и желаю всего хорошего в вашей жизни, а самое главное здоровья. А также передайте мой низкий поклон с пожеланиями доброго здоровья Дядечки Фили и тети Агаси с Катей. Дорогая Аничка сегодня получил от

⁶ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/card?id=4159051&source=main&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9&middle_name=%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 10.09.2025).

7 Там же.

⁸ Память народа [Электронный ресурс]. URL: <a href="https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenomat11270665/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%9A%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2%20%26first_name%3D%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%26middle_name%3D%D0%95%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%88%D1%87%D2%26date_birth_from%3D1911%26static_has%h%3D2747462a123a0199e052280ae8bdbb5cb3573f3600cdcb1aa8742bd494516397v1%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostrane%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_ypp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (Дата обращения: 10.09.2025).</p>

⁹ История предприятия начинается в 1911 г. с создания «Радиотелеграфного депо Морского Ведомства», которое занималось созданием радиостанций и телеграфа. В 1930-е гг. на базе завода создается крупнейшая в стране комплексная радиотехническая организация — «Комбинат мощного радиостроения им. Коминтерна» (КМРС) для создания мощных радиостанций всех диапазонов и строительства крупных радиоцентров. В КМРС переименовывается в Завод № 208 им. Коминтерна. В 1941 г. по постановлению Госкомитета обороны завод № 208 был эвакуирован.

¹⁰ Книга памяти блокадного Ленинграда. [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/card/?id=4159051&source=main&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9&middle_name=%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 10.09.2025).

¹¹ Память народа [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/warunit/id4439/?ysclid=mgs5oc4mwv81797550> (Дата обращения: 10.09.2025).



Рис. 1 Фото Дмитрия Купцова с семьей
 (теща Дмитрия—Григорюк Варвара—сидит;
 жена Дмитрия—Купцова Валентина Глебовна—стоит;
 ребенок в центре—дочь Дмитрия—Инна). Из личного архива автора

тебя письмо и спешу ответить. За твое письмо большое тебе спасибо. Дорогая Аничка сообщаю я вам, что я жив и здоров и самочувствие мое хорошее. Дорогая Аничка ты пишешь, что Петя эвакуировался со спец школой в Новосибирскую область, это очень хорошо, но плохо то, что от него еще нет никаких известий, и ко мне тоже он еще письма не прислал, надеюсь, что мой адрес у него есть. Относительно сообщений о смерти папы, то Муре и Тоне я уже сообщил, их держать в неведении не хорошо и нет необходимости, правда это здорово их расстроит и особенно Тоню но, что делать «чему быть, тому не миновать». Важно то, что вы все сделали для того, чтобы поддержать нашего дорогого папу, вплоть до того, что отказывали себе и без того скучном пойке. Важно и то, дорогая сестричка Аня, а сейчас уже после смети папочки, что вы правильно поняли свои задачи, правильно поняли друг друга, что мы стали, хоть и не стало нашего дорогого папочки, едини, а когда мы будем едини, тогда мы будем сильны. Я вами дорогие мои сестрички по этому вопросу и вообще очень доволен и искренне желаю, чтобы существующие отношения продолжались все время. Относительно Вали не буду тебе писать, я писал Оли. Не беспокойтесь о Пете, он должен быть жив и здоров, а письма оттуда идут долго. Затем до свидание. Крепко вас целую. Остаюсь жив и здоров ваш, уважающий вас, брат Митя»¹².

Упомянутые в письме персонажи—родственники Дмитрия. Далее будут раскрыты их судьбы и обозначена их связь с общей историей страны в военное период. В процессе работы были проанализированы 54 письма, отправленные Дмитрием Купцовым с Ленинградского фронта в блокадный Ленинград его отцу Емельяну Христофоровичу,

¹² Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича родным сестрам Анне и Ольге от 17 марта 1942 г. Личный архив семьи автора.

а затем сестрам и брату (большая часть писем обращена к сестре Анне). Говоря об иных источниках и использованных методах исследования, стоит отметить важность оцифрованных архивных документов и созданных на их основе интерактивных карт на таких электронных порталах как «Книга памяти блокадного Ленинграда»¹³ и «Память народа»¹⁴. Большее взаимодействие было с материалами «Книги памяти блокадного Ленинграда», так как там представлены не только военные справки о призывае, ранениях и гибели бойцов, но и ленинградские домовые книги и списки эвакуированных, проливающие свет на судьбы мирных граждан. Значимым подспорьем в исследовании послужили устные сведения дочери Дмитрия Купцова — Инны Дмитриевны. Далее статья будет разделена на тематические блоки.

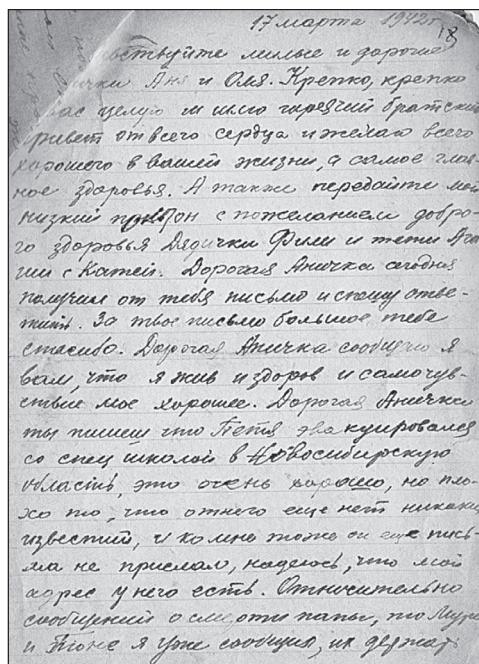


Рис. 2 Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича родным сестрам Анне и Ольге от 17 марта 1942 г.
Личный архив семьи автора. Л. 1

Родственники в блокадном Ленинграде

Большая часть писем отправлена по адресу Ленинград, 11 Красноармейская ул., д. 7, кв. 61. На этот адрес были отправлены письма, обращенные либо к отцу Емельяну Христофоровичу, либо к родным сестрам и брату. Кроме того, в разбираемом письме автор просит передать привет «дяде Филе и тете Агаше с Катей»¹⁵. Автор статьи впервые о них узнал только из данного письма, а семейные истории сохранили лишь их имена,

¹³ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: <https://blockade.spb.ru/> (Дата обращения: 10.09.2025).

¹⁴ Память народа [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/?ysclid=mgsauac2wh141138619> (Дата обращения: 10.09.2025).

¹⁵ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича родным сестрам Анне и Ольге от 17.03.1942 г. Личный архив семьи автора.

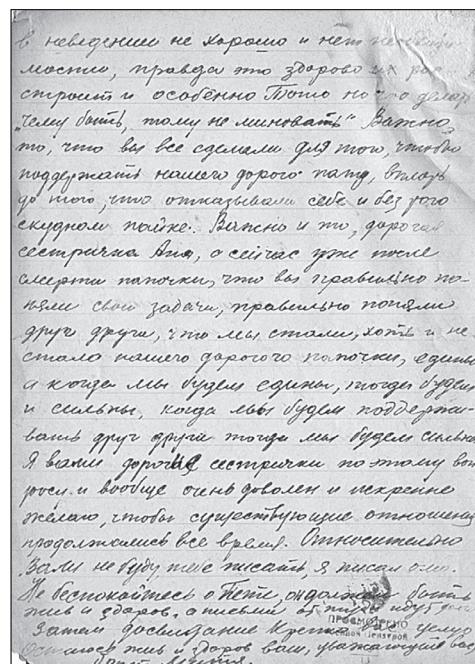


Рис. 3 Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича родным сестрам Анне и Ольге от 17 марта 1942 г.
Личный архив семьи автора. Л. 1 об.

но не более. В других фронтовых письмах Дмитрий беспокоиться о дяде Филе: «А также напишу письмо дяде Филе, мне его очень жаль, он остался одинок. Ты постарайся внести радость в его жизнь, не бери пример со скотины Кати, которую он вывел в люди»¹⁶. Портал «Книга памяти блокадного Ленинграда» помог узнать адрес и судьбу этих людей. В списках есть лишь один Купцов Филипп Христофорович, проживавший во время войны в Ленинграде¹⁷. Он родился в 1879 г., а, предположительно, его брат Купцов Емельян Христофорович — в 1883 г. Такая небольшая разница в возрасте позволяет предположить, что названные люди вполне могли быть братьями. Филипп Купцов проживал на Большой Подьяческой улице д. 10 кв. 21. По этому же адресу проживала и Купцова Агафья Дмитриевна, та самая «тетя Агаша»¹⁸. Фраза, упоминающая Катю, которую «дядя Филя вывел в люди»¹⁹, позволяет предположить, что, Катя приходилась юной родственницей Филиппу Купцову, возможно, дочерью (в других письмах имя Кати упоминается постоянно с именами Филя и Агаша, что может говорить об их тесной связи). На портале «Книга памяти блокадного Ленинграда» имеется лишь одна Купцова Екатерина Филипповна. Ни даты ее рождения, ни адреса проживания не указано²⁰. Согласно данным интернет-портала, Купцова Екатерина Филипповна пережила блокаду, в то время как Агафья и Филипп Купцовые не смогли снести всех трудностей и лишений (Купцова Агафья скончалась в декабре 1942 г., Купцов Филипп скончался в феврале 1943 г.).

Отец — Купцов Емельян Христофорович

Дмитрий пишет «дорогому папе»²¹ с просьбами прислать что-либо на фронт: «Папочка у меня к тебе просьба, сбей мне ящичек 10×20×30...он мне нужен здесь»²². Также он благодарит за посылки (особенно за присланную бумагу для писем), просит помочь своей жене Вале.

В письме от 28 января 1942 г. Дмитрий сообщает брату Петру о своих беспокойствах касательно здоровья отца: «Дорогой братик Петя вы сделайте все чтобы папа не чувствовал недостатка в уходе, дежурьте около него по очереди, постарайтесь поместить его в больницу»²³. В этом же письме Дмитрий просит брата принести справку «о себе» (то

¹⁶ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне. Дата неизвестна. Личный архив семьи автора.

¹⁷ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/cards?id=355573&source=external&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%BB2&first_name=%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF&middle_name=%D1%85%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 10.08.2025).

¹⁸ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/card/?id=355576&source=external&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%BB&first_name=%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%84%D1%8C%D1%8F (Дата обращения: 10.09.2025).

¹⁹ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне. Дата неизвестна. Личный архив семьи автора.

²⁰ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/cards?id=771193&source=external&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%BB%D0%BA&first_name=%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%BA&middle_name=%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 10.09.2025).

²¹ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича отцу — Емельяну Христофоровичу от 1.11.1941 г. Личный архив семьи автора.

²² Там же.

²³ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича брату Петру от 28.01. 1942 г. Личный архив семьи автора.

есть о военной службе Дмитрия) в больницу в надежде, что она поспособствует тому, что их отца определят в лечебное заведение.

В письме от 01.02.1942 г. Дмитрий переосмыляет прискорбную новость о смерти отца, после которой «весь день ходил убитый»²⁴. Он пишет: «Дорогие сестрички вы не представляете, как мне трудно подумать о нашем дорогом папе, от которого за всю жизнь мы не видели плохого слова, который отдал всю жизнь за нас до полного истощения»²⁵. Дмитрий пытается поддержать «дорогих сестер и братика»²⁶, призывая примириться с мыслью о потере и «теперь больше...думать о маме с малыми ребятами, а о папе только вспоминать»²⁷.

В письме от 17 марта 1942 г. Дмитрий утешает сестер, отмечая, что они ради отца «отказывали себе и без того скучном пойке»²⁸. Это в блокадном городе было самоотверженной жертвой, учитывая, что в ноябре-декабре 1941 г. норма хлеба для рабочих составляла 250 граммов, для служащих и членов их семей—всего 125 граммов, а в январе 1942 г.—350 граммов и 200 граммов соответственно²⁹.

Купцов Емельян Христофорович скончался в январе 1942 г.³⁰ В более поздних письмах Дмитрия тревожат нежные воспоминания об отце, беспокойство, что случилось «с могилкой папы»³¹ после обстрела города. Цифры умерших в первую блокадную зиму разнятся из-за отсутствия налаженного единого подсчета жертв в условиях гуманитарной катастрофы осажденного и изнуряемого голодом и бомбежками города. Однако ряд историков ссылаются на справку начальника Управления НКВД по Ленинграду и области П.Н. Кубаткина от 2 апреля 1942 г. для областного и городского комитетов ВКП(б) о смертности населения города в январе—марте 1942 г., которая учитывала смерти, зафиксированные в органах ЗАГС. Согласно предварительным данным, в январе 1942 г. было зафиксировано 96751 умерших, а после прихода дополнительных сведений цифра стала приближаться к 100 тысячам погибших³².

Сестра Анна

Все приведенные в данной работе письма были взяты из архива Анны Емельяновны, которая в свое время внесла огромный вклад в пополнение семейного архива, собирая письменные источники и составив генеалогическое древо.

²⁴ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестрам Анне, Ольге и брату Петру от 1.02.1942 г. Личный архив семьи автора.

²⁵ Там же.

²⁶ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестрам Анне, Ольге и брату Петру от 1.02.1942 г. Личный архив семьи автора.

²⁷ Там же.

²⁸ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича родным сестрам Анне и Ольге от 17 марта 1942 г. Личный архив семьи автора.

²⁹ Официальный сайт Российской национальной библиотеки [Электронный ресурс]. URL: <https://nlr.ru/podvig-leningrada/RA7710/nezrimyy-vtag-golod?ysclid=mguu4oom3389004979> (Дата обращения: 10.09.2025).

³⁰ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/card/?id=355537&source=external&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD&middle_name=%D1%85%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%87 (Дата обращения: 10.09.2025).

³¹ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от лета 1942 г. Личный архив семьи автора.

³² Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 303.

В письме от 17.10.1941 г. Дмитрий пишет, что рад успехам сестры в санитарном деле, однако настоятельно рекомендует не идти на фронт, так как «со своим здоровьем»³³ Анна «не много поможет фронту, а наоборот надо будет еще ухаживать»³⁴ за ней. Дмитрий приободряет сестру следующими строками: «Ты лучше работай там в тылу ты принесешь больше пользы и у вас там также большая опасность, пожалуй не меньшая чем в санбате на фронте, так что там работа не менее почетна»³⁵. Спустя чуть больше года военной жизни и после отправки предыдущего письма Дмитрий заключит: «Ты, мне кажется, живешь хорошо и с достаточной пользы для родины. Только не падай духом»³⁶.

Анна Емельяновна на протяжении всей войны хлопотала за своих родных: заботилась об отце, о младшем брате Пете, помогала жене и детям своего брата Дмитрия: «Дорогая сестричка, я тебя очень прошу помочь Вале чем можешь и особенно в отношении дров и уборки ... и если они будут сопротивляться, ты все-таки помоги чем можешь»³⁷.

Благодаря письмам Дмитрия Анне, стало известно, где она работала во время блокады, несколько писем было отправлено по адресу Ленинград, Тарakanовка д. 5/13 завод «Красная вагранка»³⁸ секретарю комитета ВЛКСМ³⁹ Купцовой Анне Емельяновье. Как и многие заводы в первые месяцы блокады государственный машиностроительный завод №848 («Красная Вагранка») испытывал перебои с подачей энергии⁴⁰, однако, встав на рельсы военного производства, производил мины и снаряды⁴¹. Доподлинно неизвестно, чем Анна как общественный партийный работник занималась, однако существуют сведения, что на базе ВЛКСМ на заводах организовывались движения за трудовые подвиги — комсомольцы брали повышенные обязательства, стремясь перевыполнить план, помогали восстанавливать поврежденные участки производства. Они также занимались охраной заводов от воздушных налетов и пожаров, дежурили вочные смены, обеспечивая безопасность оборудования и продукции. Кроме того, члены ВЛКСМ на предприятиях поддерживали моральный дух трудовых коллективов, организуя концерты, читая фронтовые письма и помогая семьям рабочих⁴².

³³ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 17.10.1941 г. Личный архив семьи автора.

³⁴ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 17.10.1941 г. Личный архив семьи автора.

³⁵ Там же.

³⁶ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 20.11.1942 г. Личный архив семьи автора.

³⁷ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 17.10.1941 г. Личный архив семьи автора.

³⁸ С 1959 г. завод был объединен с «Ленмаш заводом» с присвоением наименования «Ленмаш завод».

³⁹ ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи. Из Устава ВЛКСМ: «ВЛКСМ — самодеятельная общественная организация, объединяющая в своих рядах широкие массы передовой советской молодежи... Верный ленинским заветам, ВЛКСМ помогает партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества, готовить поколение всесторонне развитых людей, которые будут жить, работать и управлять общественными делами при коммунизме».

⁴⁰ Рябков А.М. О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году // Технолог. 2021. № 2. С. 24.

⁴¹ Официальный сайт завода Ленпродмаш [Электронный ресурс]. URL: <https://lenprodmash.com/o-nas/> (дата обращения: 11.10.2025).

⁴² Официальный сайт «Архивов Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс]. URL: <https://spbar-archives.ru/komsomol2023?ysclid=mgsh8xyc0252409234> (дата обращения: 12.10.2025).

Валя и дети

Почти в каждом письме к отцу или сестрам Дмитрий в конце часто упоминает Валю, свою жену, спрашивая о ее состоянии или прося позаботиться о ней. Купцова Валентина Глебовна — жена Дмитрия, в браке с которым родилось двое детей: Инна (1937 г.р.) и Глеб (1940 г.р.). В письме от 18 апреля 1942 г. Дмитрий просит Анну проводить Валю, ведь от своей жены боец не получал писем уже 10 дней: «...Побывай, пожалуйста у Вали и напиши, как там они живут, а теперь ходит трамвай, а то у нее может всковырнуться отец и вы ей поможете, а то она пропадет как бабка на грязи»⁴³. Из других писем становится ясно, что отец Валентины — Григорюк Глеб Георгиевич⁴⁴ — долго болел, некоторое время не мог ходить, страдал от пролежней и слабости. Дмитрий с горечью описывает состояние своего тестя, а позже, пытаясь облегчить боль от его утраты, пишет, что смерть для отца Валентины стала спасением⁴⁵. В письме от 27 апреля 1942 г. Дмитрий пишет, что положение Вали «все ухудшается, она теперь сама работает дворником, а мать слегла в постель и за ребятами совсем ходить некому»⁴⁶.

Особенную благодарность за заботу о своей семье Дмитрий выражает сестре Анне: «...Большое тебе спасибо за оказанную тобой услугу моей семье и особенности детям. Теперь на фронте я спокоен за моих детей»⁴⁷. Дмитрию за время войны удалось побывать дома: «...Зато как весело играют дети, как они задорно смеются, какой добродушный Глебушка. Инна хоть и капризничала, но для девочки это не великий порок... Трамвай шел очень хорошо и не пришлось ожидать больше пяти минут. Встретили меня очень радушно. А провожали со слезами. А как чувствовали ребята. Как только ложились спать, так расплакались и особенно Глебушка и уснул со словами: «Папа, папа». Мама и Валя также здорово расплакались. Валя же в особенности т.к. мать на нее ворчит и ей это очень обидно, ведь она так старается и убивается для всех их»⁴⁸. «Мама» здесь — это мама Валентины, Варвара Мартыновна. Известно, что она, как и ее дочь, пережила блокаду.

Сестра Ольга

В письмах, направленных по адресу Ленинград, 11 Красноармейская ул., дом 7, кв. 61, Дмитрий обращается в числе прочих к «сестричке Оле»⁴⁹. Известно, что Ольга Емельяновна 1921 г.р. и в 1941 г. ей было 20 лет. Письмо от 27 апреля 1942 г. свидетельствует, что Ольга, также как и Анна, член ВЛКСМ, оставив работу на государственном машиностроительном заводе №848 («Красная Вагранка»)⁵⁰, ушла на фронт: «Ты также

⁴³ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 18.04.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁴⁴ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: [https://blockade.spb.ru/card/?id=224150&source=external&last_name=%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D0%B1&first_name=%D0%BA%D1%80%D0%BA%D0%BA%D0%BA%D0%BA](https://blockade.spb.ru/card/?id=224150&source=external&last_name=%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D0%B1&first_name=%D0%BA%D1%80%D0%BA%D0%BA%D0%BA%D0%BA%D0%BA) (Дата обращения: 10.09.2025).

⁴⁵ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от мая 1942 г. Личный архив семьи автора.

⁴⁶ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 27.04. 1942 г. Личный архив семьи автора.

⁴⁷ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 20.11.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестрам Анне, Ольге и брату Петру от 1.02.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁵⁰ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/card/?id=7508604&source=main&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2

пишешь, что Ольга уехала на фронт, но не пишешь какого числа она уехала и в качестве кого, надеюсь, что мой адрес она помнит и мне напишет письмо». ⁵¹ В нескольких последующих письмах есть информация, что Ольге нравится ее работа на фронте (о самой работе не сообщается). Благодаря оцифровке архивных документов становится известно, что Ольга была телефонисткой⁵² в звании ефрейтора и служила в 189 зенитном артиллерийском полку на северо-восточных подступах к Ленинграду. Во время Великой Отечественной войны женщины могли служить в боевых войсках (в авиации, на флоте, в стрелковых, танковых), однако большая часть, занимала должности в специальных войсках боевого обеспечения, то есть были санитарками, телефонистками, радистками, зенитчицами и шоферами⁵³. Привлечение женщин позволило восполнить нехватку мужских кадров и обеспечило бесперебойную работу тыла и связи.

Очевидно, что большинство женщин в войсках боевого обеспечения, несмотря на то, что во время сражений не сталкивались с вооруженным противником лицом к лицу, подвергались опасности обстрелов, а отсутствие должных бытовых условий на фронте приводило к болезням. Впервые в Красной Армии на Ленинградском фронте 1 октября 1943 г. эвакуационный госпиталь № 1443 на тысячу коек был полностью отдан под лечение женщин-военнослужащих⁵⁴. Здесь же Ольга Купцова, будучи раненной в феврале 1944 г., также проходила восстановление⁵⁵. Согласно статистике госпиталя № 1443 на

%D0%B0&first_name=%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B0&middle_name=%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BA (Дата обращения: 10.09.2025).

⁵¹ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 27.04. 1942 г. Личный архив семьи автора.

⁵² Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1534429128/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%BA%26first_name%3D%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%BA%26middle_name%3D%D0%BB%D5%D0%BC%D0%BA%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Dbaa74ea8b393c9175d3b0ffeb290559cb3573f3600cdcbc1aa8742bd494516397v1%26group%3Dall%26type%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostrane%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezni%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (Дата обращения: 10.09.2025).

⁵³ Барсукова Н.В. Женщины в вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 11.

⁵⁴ Будко А.А. Женщина — воин, женщина — жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 15.

⁵⁵ Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_ran48240364/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%9A%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%BA%26first_name%3D%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%BA%26middle_name%3D%D0%95%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BA%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Db383da6947bc75da2af00d49aadfae94b3573f3600cdcbc1aa8742bd494516397v1%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostrane%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezni%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1&

1943 г., связистки, прокладывающие кабели, нередко под огнем противника, составляли почти четверть от общего числа пребывавших в госпитале женщин—24,7 %⁵⁶.

После ранения Ольга Емельяновна вернулась в ряды Красной Армии. Из рассказав Инны Дмитриевны известно, что Ольга встретила победу 1945 г. на фронте и после вышла замуж за своего сослуживца.

Брат Петя

В начале войны Купцов Петр Емельянович проживает по тому же адресу—Ленинград, 11 Красноармейская ул., дом 7, кв. 61. Согласно «Книге памяти блокады Ленинграда» здесь был прописан Купцов Петр Емельянович 1925 г. рождения⁵⁷. В письме от ноября 1941 г. Дмитрий пишет: «...Дорогой брат Петя... Я очень рад твоим успехам, с чем тебя и поздравляю. Ты теперь должен уделить все внимание, чтобы отлично учиться, если ты это сделаешь с первых дней учебы, то все время будет легче учить, а потом не нужно забывать слова Суворова “Труднее в учении, легче в бою”... Если уж ты пошел учиться на артиллериста, так и стань хорошим артиллеристом, хорошо владеющим и знающим свое дело, как теоретическую часть, в первую очередь, так и практическую...»⁵⁸ Далее Дмитрий наставляет Петра читать предлагаемые по курсу обучения материалы, а также военные мемуары, отдельные работы и «особенно необходимо следить за новой литературой, журналами и газетами»⁵⁹.

Институт специальных артиллерийских школ, о которых идет речь в письме, был учрежден в апреле 1938 г. Советом народных комиссаров СССР. Подобные школы готовили молодежь к поступлению в артиллерийские училища. Вскоре в разных городах страны—Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и других—начали действовать 16 средних артиллерийских школ. В Ленинграде действовали с шестой по десятую школы. С началом Великой Отечественной войны, несмотря на трудности, в октябре 1941 г. в Ленинграде занятия артиллерийских школ были частично возобновлены, но из-за холода вскоре снова прекращены. Основными задачами воспитанников стали ночные патрули, дежурства по охране зданий и участие в расчетах МПВО⁶⁰. Учащиеся ежедневно приходили в школу, где получали задания и одноразовое горячее питание, организованное за счет продовольственных карточек⁶¹.

https://blockade.spb.ru/card/?id=1612690&source=external&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%BF%D1%91%D1%82%D1%80&middle_name=%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 10.09.2025).

⁵⁶ Будко А.А. Женщина—воин, женщина—жертва. С. 15.

⁵⁷ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/card/?id=1612690&source=external&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%BF%D1%91%D1%82%D1%80&middle_name=%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 10.09.2025).

⁵⁸ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича брату Петру от 23.10. 1941 г. Личный архив семьи автора.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Местная противовоздушная оборона (МПВО)—местная система оборонных мероприятий по противовоздушной обороне, осуществлявшихся местными органами власти под руководством военных организаций, направленных на защиту населения и народного хозяйства от нападения врага с воздуха и ликвидацию последствий осуществленных ударов.

⁶¹ Березняцкий В.С. Артиллерийские спецшколы в годы Великой Отечественной войны // Роль и значение артиллерии в достижении Победы над фашистской Германией : Сб. ст. СПб., 2020. С. 116.

В «блокадной книге памяти» прописано, что Петра эвакуировали 8 февраля 1942 г.⁶², в письме от 17 марта 1942 г. данная информация подтверждается и узнается новая деталь, что Петю «эвакуировали со спец школой в Новосибирскую область»⁶³. Месяцем ранее, в январе 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта распорядился эвакуировать спецшколы из осажденного города. Их предполагалось разместить в разных регионах: шестую — в Тобольске, седьмую и восьмую — в Алтайском крае, девятую и десятую — в Кемеровской области, в поселке Мундыбаш и на станции Кузедеево⁶⁴. Территориальная близость Новосибирской и Кемеровских областей позволяет предположить, что Петра эвакуировали либо с девятой, либо с десятой артиллерийскими школами.

В письмах после марта 1942 г. становится ясно, что после эвакуации Петра известий о нем долгое время никто не получал. Например, в письме от 19 апреля 1942 г. Дмитрий беспокоится о судьбе брата и просит Анну найти связь с родителями товарищей Петра по специальной школе, надеясь, что совместные поиски дадут результат и о юных артиллеристах станет известно хоть что-то⁶⁵.

Уже к июлю 1942 г. выясняется, почему Петр не отвечал на письма: «...Они сообщают, что Петр по дороге заболел и оставлен в госпитале г. Курган»⁶⁶. 7 сентября 1942 г. Дмитрий описывает свое подавленное состояние: «За последние дни я себя чувствую очень плохо, скучно и не радостно, ходил сам не свой. Ночью снились какие-то кошмары... Видел во сне Петю, что он с Витей купались... и он захлебывался и тонул...»⁶⁷. Далее в письме идет следующая строка: «Смерть нашего дорогого брата Петра нас еще больше сплотит и мы усилим борьбу с врагом, ибо наши несчастья явились следствием его вторжения на нашу родину»⁶⁸. Петр Купцов заболел дизентерией во время эвакуации в товарном вагоне по пути в Новосибирскую область и скончался от болезни в госпитале города Курган летом 1942 г.⁶⁹ Согласно подсчетам, едва ли не половина эвакуированных из блокадного Ленинграда учеников девятой и десятой артиллерийских школ не пережили пути, погибнув от истощения или в связи с суровыми бытовыми условиями⁷⁰.

Мать — Купцова Домна Мануиловна

В письме от 17.10.41 г. Дмитрий пишет, что не получал известий от мамы и думает, что не получит, ведь она оказалась на оккупированной территории, однако он все равно надеется, что посланные им 50 рублей дойдут до нее⁷¹. В последующих письмах от Дмитрия есть лишь некоторые детали о его маме, от нее напрямую вестей он не получает,

⁶² Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/crd/?id=1612690&source=external&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%BF%D1%91%D1%82%D1%80&middle_name=%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%87 (Дата обращения: 10.09.2025).

⁶³ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 17.03.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁶⁴ Березняцкий В.С. Артиллерийские спецшколы в годы Великой Отечественной войны. С. 117.

⁶⁵ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 19.04.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁶⁶ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 29.07.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁶⁷ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 7.09.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Устные свидетельства Инны Дмитриевны.

⁷⁰ Березняцкий В.С. Артиллерийские спецшколы в годы Великой Отечественной войны. С. 117.

⁷¹ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 17.10.1941 г. Личный архив семьи автора.

все известия от матери приходят через сестру Анну: «Дорогая сестричка милая Аничка очень и очень тебе благодарен за сообщение, что наша милая мамочка жива, живы и все с ней живущие [младшие дети в семье]...»⁷². Из рассказов Инны Дмитриевны известно, что до начала войны Домна Мануиловна на лето уехала вместе с младшими детьми в родную деревню, где и родился Дмитрий, в Смоленской области. Войну они встретили именно там и находились в оккупации. В письме от 19 апреля 1942 г. Дмитрий отмечает, что нужно аккуратно подготовить маму к новости о смерти его отца, соответственно, ее мужа, написать ей несколько писем, но на ответ надеяться не придется, «потому что нет сообщений о взятии Вязьмы, Белого или Никитинки»⁷³. Дмитрий продолжает: «...Когда эти сообщения появятся, тогда можно быть уверенным, что и наша деревня свободна»⁷⁴.

Прорыв блокады Ленинграда

Еще в октябре 1941 г. Дмитрий пишет Анне: «Сегодня нас обстреляли здорово. Мина разорвалась у моего окопа в 2х метрах но все благополучно»⁷⁵. Выжить на фронте — дело случая. Дмитрию повезло, и он смог продолжить службу. В октябре 1942 г. он окончил курсы младших лейтенантов и вернулся в 136 стрелковую дивизию (2-го формирования)⁷⁶.

В составе 67-й армии Ленинградского фронта 136 стрелковая дивизия действовала на участке южного берега Невы, в районе между Московской Дубровкой и Марьино. В ночь на 12 января 1943 г., после мощной артиллерийской подготовки, подразделения 136-й стрелковой дивизии начали штурм немецких укреплений. Несмотря на сильный огонь противника и трудности при переправе через замерзшую Неву, бойцы дивизии прорвали первую линию обороны врага и закрепились на противоположном берегу. В последующие дни дивизия вела ожесточенные бои, продвигаясь к Шлиссельбургу навстречу войскам Волховского фронта. 18 января 1943 г. в районе Рабочего поселка № 1 произошло соединение частей 136-й стрелковой дивизии с подразделениями 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта. Это событие стало переломным — блокада Ленинграда была прорвана. За проявленный героизм и успешное выполнение боевой задачи дивизия была преобразована в 63-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

⁷² Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 21.06.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁷³ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестрам Анне и Ольге от 19.04.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 17.10.1941 г. Личный архив семьи автора.

⁷⁶ Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero103294307/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%9A%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2%20%26first_name%3D%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9%20%26middle_name%3D%D0%95%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%88%D1%87%20%26date_birth_from%3D1911%26static_hash%3D2747462a123a0199e052280ae8bdbb5cb3573f3600cdbc1aa8742bd494516397v1%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrad_y_nagrad_doc%3Anagrad_y_uchet_kartoteka%3Anagrad_y_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_istorianec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezni%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26groupersons%3D1& (Дата обращения: 10.09.2025).

Дмитрий Купцов участвовал в прорыве блокады Ленинграда, о чем преисполненный радости пишет сестре Анне: «Дорогая сестричка я очень горжусь, что был участником прорыва блокады Ленинграда. Наше соединение за это произвели в гвардейцы. Т.е. я тоже гвардеец... За операцию наш взвод особенно хорошо действовал... Когда началась операция я был на самой передовой, вернее мы пришли за 1,5 дня раньше. Вот были канонады дорогая сестричка, это ужасно, зато у нас в пехоте при переходе Невы потерь было мало»⁷⁷ (рис. 4, 5). Здесь же Дмитрий высказывает много мыслей, беспокоивших его в тот момент, пишет, в каком доме они сейчас располагаются, вспоминает брата Петю, жалуется на зубную боль и вновь возвращается к подробностям боевых действий, в конце концов заключая: «...когда увидимся есть что порассказать»⁷⁸. Это было последнее письмо Дмитрия, отправленное Анне. 13 февраля 1943 г. меньше чем через месяц после прорыва блокады сержант Дмитрий Купцов погиб от вражеского снаряда под Колпино, где был захоронен в братской могиле⁷⁹, отдав свою жизнь, как и миллионы людей, боровшихся с нацизмом, за мир для своих близких, родины и всей человеческой цивилизации.

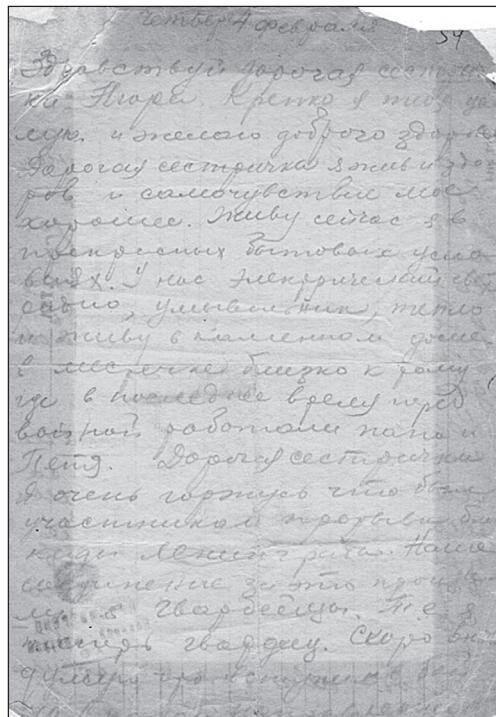


Рис. 4 Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 04 февраля 1942 г.
Личный архив семьи автора. Л. 1

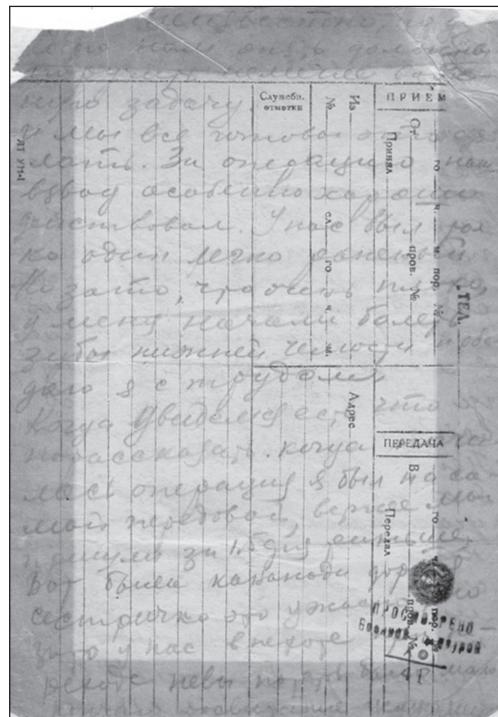


Рис. 5 Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне от 04 февраля 1942 г.
Личный архив семьи автора. Л. 1 об.

⁷⁷ Письмо Купцова Дмитрия Емельяновича сестре Анне 4.02.1942 г. Личный архив семьи автора.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Книга памяти блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: https://blockade.spb.ru/crd/?id=592863&source=main&last_name=%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9&middle_name=%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 16.10.2025).

Список литературы

Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Баринова Е.П. Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. №4. С. 482–489.

Барсукова Н.В. Женщины в вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 11–13.

Березняцкий В.С. Артиллерийские спецшколы в годы Великой Отечественной войны // Роль и значение артиллерии в достижении Победы над фашистской Германией: Сборник статей / В.С. Березняцкий, В.М. Курмышов. Санкт-Петербург: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации», 2020. С. 116–199.

Будко А.А. Женщина—воин, женщина—жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 13–16.

Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 93–110.

Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход // Новые идеи в философии / В. С. Гриценко. Екатеринбург: Институт философии и права Уральское отделение Российской академии наук, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Российское философское общество. 2007. С. 276–279.

Рябков А.М. О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году // ТехноЛогос. 2021. № 2. С. 14–29.

Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 294–323.

References

Kabytov P.S., Kabytova N.N., Barinova E.P. Semejnye istorii o Velikoj Otechestvennoj vojne: specifika istoricheskikh istochnikov [Family stories about the Great Patriotic War: the specifics of historical sources], in *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otoshenija*. 2020. №4. P. 482–489. (In Rus.).

Barsukova N.V. Zhenshiny v vooruzhennyh silah SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 [Women in the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War 1941–1945], in *Omskij nauchnyj vestnik*. 2012. № 5 (112). P. 11–13. (In Rus.).

Bereznjackij V.S. Artillerijskie specshkoly v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Artillery special schools during the Great Patriotic War], in *Rol'i i znachenie artillerii v dostizhenii Pobedy nad fashistskoj Germanieij* [Artillery special schools during the Great Patriotic War] : Sbornik statej / V.S. Bereznjackij, V.M. Kurmyshov. St. Petersburg: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe voennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya “Mihajlovskaja voennaja artillerijskaja akademija Ministerstva oborony Rossiskoj Federacii”, 2020. P. 116–199. (In Rus.).

Budko A.A. Zhenshina—voin, zhenshina—zhertva. Organizacija medicinskoj pomoshchi i lechenija zhenshhin, vstavshih na zashhitu Rodiny [A warrior woman, a victim woman. Organization of medical care and treatment for women who stood up for the Motherland], in *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 2004. № 3. P. 13–16. (In Rus.).

Kozlov N.D. Povsednevnaia zhizn' naroda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Nekotorye aspekty sovremennoj rossijskoj istoriografii [The daily life of the people during the Great Patriotic War. Some aspects of modern Russian historiography], in *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2012. T. 4. № 2. P. 93–110. (In Rus.).

Ljubutin K.N., Kondrashov P.N. Dialektika povsednevnosti: metodologicheskij podhod [The Dialectic of everyday life: a methodological approach], in *Novye idei v filosofii* / V.S. Grinenko. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava Ural'skoe otdelenie Rossijskoj akademii nauk, Ural'skij gosudarstvennyj universitet im. A.M. Gor'kogo, Rossijskoe filosofskoe obshhestvo. 2007. P. 276–279. (In Rus.).

Rjabkov A.M. O rabote promyshlennyh predprijatij Leningrada v 1941 godu [About the work of industrial enterprises in Leningrad in 1941], in *Tehnologos*. 2021. № 2. P. 14–29. (In Rus.).

Sobolev G.L., Hodjakov M.V. Protivoborstvo zhizni i smerti: nekotorye itogi izuchenija istorii blokady Leningrada [The confrontation of life and death: some results of the study of the history of the siege of Leningrad], in *Novejshaja istorija Rossii*. 2021. T. 11. № 2. P. 294–323. (In Rus.).

Грекова А.Н.

ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

Грекова, Анастасия Николаевна — студентка 1 курса магистратуры СПбГУ по направлению «Визуальные технологии в музее», Санкт-Петербург, Российская Федерация, st102388@student.spbu.ru.

Научный руководитель — кандидат философских наук, старший преподаватель Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ А.А. Никонова.

В данной статье на основании документальных источников рассматриваются события 1941–1945 гг., произошедшие с членами нескольких веток родословной автора, повлиявшие на их судьбы, в контексте общей истории страны в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется личным историям предков, которые внесли значительный вклад в победу над фашизмом. Собраны многочисленные документы из архивов Министерства обороны, ЗАГСов, семейных архивов, фотографии, сведения очевидцев, которые подтверждают военный путь членов семьи автора. В списке участников войны семнадцать человек из четырех веток родословной автора, есть погибшие. Чтобы не исказить историю семьи мало только воспоминаний, нужны документальные подтверждения. Задача собрать их была непростой и растянулась на десяток лет. Есть в семье и трудовые подвиги, однако данная статья направлена на сохранение памяти о тех членах семьи, кто боролись за свободу и независимость Родины в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, родословная, история, память, наследие.

TO LIVE AND TO REMEMBER

Grekova, Anastasia Nikolaevna — 1st year master's student at Saint Petersburg State University (SPbU) in the field of «Visual Technologies in Museums», St. Petersburg, Russian Federation, st102388@student.spbu.ru.

Academic supervisor-candidate of philosophical sciences, senior lecturer of the Department of Museum and Monument Protection of SPbSU A.A. Nikonova.

In this article on the basis of documentary sources the wartime events that happened to the members of my family and influenced their fates are considered in the context of the general history of the country during the Great Patriotic War. Special attention is paid to the personal stories of ancestors who made a significant contribution to the victory over fascism. Numerous documents from the archives of the Ministry of Defense, civil registries, family archives, photographs, eyewitness information that confirm the military path of the author's family members are collected. In the list of war participants seventeen people from four branches of the author's family tree, there are those who died. In order not to distort the history of the family is not enough only memories, you need documentary evidence. The task to collect them was not easy and stretched for a dozen years. There are in the family and labor feats, but this article is aimed at preserving the memory of those family members who fought for the freedom and independence of the Motherland during the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, family tree, history, memory, heritage.

«Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память — наше богатство». *Д.С. Лихачев*¹

Восемьдесят лет прошло с тех пор, как каждая советская семья праздновала великий день, долгожданный День Победы. Радость и боль, горе от потерь и желание все забыть были в сердце тех, кто прошел войну. В нашей семье еще жив один ветеран, это Нечипорук Евгения Афанасьевна. Ей 98 лет. Она проживает сейчас в Ялте. Евгения Афанасьевна не любит часто говорить о войне, но свою историю о тех тяжелых годах она рассказала нам. Раньше город Славгород в Белоруссии назывался Пропойск. Война застала ее там в возрасте 15 лет. Оставшись под оккупацией фашистских войск, она вместе со своими одноклассниками создала группу, которая по ночам сжигала сено, заготовленное фашистами для лошадей. Об этом узнал командир партизанского отряда и стал давать подросткам задания. Евгения Афанасьевна устроилась в столовую, где питались фашисты. Однажды, когда готовили обед для офицеров, она подсыпала стрихнин, переданный ей партизанами, в суп. Офицеры отравились, были обыски, аресты. Евгения Афанасьевна успела убежать в лес к партизанам и осталась в отряде. Она стала настоящей партизанкой. С тех пор и до самого объединения белорусских партизан и Красной армии и освобождения Белоруссии, она вместе с отрядом подрывала фашистские эшелоны и мосты. Много пришлось ей повидать на войне и рано повзросльеть.

Нам очень нужно знать о Великой Отечественной войне все. Если каждый сумеет донести до следующего поколения это знание, не исказив его, то будущее нашей страны может стать еще более великим, чем ее героическое прошлое. Все дальнее уходит в историю Великая Отечественная война. Мы, потомки, обязаны по крупицам собирать правду о войне, о людях, которые вынесли на своих плечах все ее тяготы, о героях, благодаря которым мы живем.

История нашей семьи — это история о мужестве, жертвах и победах, о тех, кто сражался за наше будущее. Мой старший брат, Анатолий Николаевич Греков, уже много лет собирает летопись семьи. Благодаря нашим с братом поездкам по местам жизни семьи Протасовых удалось собрать архив семьи. Мы направили свое исследование на изучение судеб всех членов семьи, чтобы восстановить всю родословную, а не только судьбу прямых предков. Собранный материал основан на подлинных документах, архивах и воспоминаниях родных и их потомков. Также в ходе работы мы изучали архивы, ЗАГСы для уточнения личных сведений (дат рождения и смерти), посыпали запросы в государственные архивы для уточнения дат и мест гибели. В данной статье нужно остановиться на анализе сохранившихся документов отдельных членов нашей большой родословной — членов семей Протасовых-Желновых, которые были участниками Великой Отечественной войны.

Мой прадед Петр Елисеевич Желнов (11.09.1908–21.02.1977) был призван в РККА 05 июня 1942 г. в звании капитана. До октября 1942 г. он находился в резерве 108-ого Западного стрелкового полка г. Москва, затем до февраля 1943 г. служил заместителем

¹ Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М., 2024. С. 10.

командира минометной роты по политической части 148 отдельной стрелковой дивизии 20-ой армии. Происходя из рабочей и крестьянской семьи, он начинал свой трудовой путь как комбайнер и тракторист-механизатор. Позднее ему доверили должность директора машинно-тракторной станции (МТС) в Молдавской ССР. Перед началом войны училище, где он получал образование, было эвакуировано в Ижевск.

С февраля до мая 1943 г., получив ранение, он лечился в полевом госпитале в районе г. Рязани. С мая по июль 1943 г. П.Е. Желнов являлся уже заместителем командира роты управления 256-ой танковой бригады 30-ой армии. Затем был слушателем Киевского училища самоходной артиллерии в Киеве. С февраля 1944 по февраль 1945 гг. исполнял обязанности командира артиллерийского парка по технической части училища самоходной артиллерии в г. Киев. С февраля 1945 по июнь 1946 гг. служил командиром артиллерийского парка по технической части училища самоходной артиллерии в г. Киев. Несмотря на то, что Петр Елисеевич имел звание старшего лейтенанта, а потом стал и капитаном, он не покидал границ СССР и не участвовал в боевых действиях на территории Польши, Чехословакии или Германии. Это объясняется тем, что его попросту не направляли за границу. После окончания войны он ушел с военной службы в связи с необходимостью восстановления сельского хозяйства в СССР. За время службы прадед был награжден:

1. Медалью «За Отвагу» 26 января 1943 г.
2. Медалью «За Победу над Германией (7 января 1946 г.).
3. Двумя юбилейными медалями за время службы в годы ВОВ в 1943 г., а именно значком «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне».

На сайте «Подвиг народа» из Архива Министерства обороны СССР есть сведения о его подвиге². А в семейном архиве хранится наградной лист на медаль «За Отвагу» Желнова Петра Елисеевича. В нем указано, что «за время немецкой контратаки 26.11.1942 года с превосходящими силами, личным примером организовал шквальный огонь из минометов, подпустил немцев на близкое расстояние, метров 20–30, открыл ружейный огонь и метание гранат. Сам лично уничтожил 4 немцев и одного немца взял в плен, после чего атака была отбита». Этот документ не просто подтверждает факт награждения, но и раскрывает конкретный эпизод боевых действий, в котором участвовал Петр Елисеевич Желнов. Наградной лист свидетельствует о его мужестве и героизме, проявленных в бою. Важно отметить, что в наградном листе содержатся конкретные детали боевой обстановки: дата, место, численность противника, действия награжденного. Это делает документ особенно ценным для исторического исследования. Кроме того, описание подвига позволяет судить о тактике ведения боя, вооружении и моральном духе советских солдат.

Медалью «За отвагу» был награжден еще один член нашей семьи—Николай Трофимович Протасов (12.05.1915–02.11.1988), старший брат моей прабабушки Желновой (Протасовой) Ксении Трофимовны, у которой было еще три старших брата: Гавриил Трофимович, Ефим Трофимович и Петр Трофимович. Николай Трофимович был призван на фронт Кизыл-Арватским районным военкоматом Туркменской ССР 27 июня 1941 года. Его служба проходила в 105 танковой дивизии 24 танковой бригады, где он исполнял обязанности шоferа до 18 октября 1945 г. Боевой путь Протасова охватывал ряд фронтов, включая Западный (1941–1942), Брянский (1943), 1-й и 2-й Прибалтийские

² Архивная служба Воронежской области [Электронный ресурс]. Сайт «Подвиг народа». URL: <https://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (Дата обращения: 03.06.2024)

(1943–1944) и 1-й Украинский (1945). В семейном архиве сохранился и его наградной лист от 21 августа 1944 г. на медаль «За Отвагу». Из него мы узнаем, что во время боев за освобождение Советской Латвии, он проявил хладнокровие и отвагу, сумев вывести свою автомашину с важными штабными документами из-под обстрела, тем самым предотвратив их утрату. Интересно отметить, что Н.Т. Протасов, будучи шофером с 1941 г., зарекомендовал себя как ответственный и профессиональный военнослужащий, обеспечивая бесперебойную работу техники и избегая аварий.

Из большой семьи Протасовых двое (Николай Трофимович, Серафим Трофимович (дважды)) были награждены медалями «За Отвагу». Военная судьба Серафима Трофимовича Протасова (31.07.1911–10.10.1994) интересна и уникальна. Призванный в звании ефрейтора Воронцовским военкоматом Воронежской области в июне 1941 г., он служил до мая 1945-го—почти весь период войны. Следует отметить, что его подвиги связаны не с прямым боем, а с логистикой: доставкой пищи и боеприпасов под огнем. Из архива Министерства обороны СССР на сайте «Подвиг народа» следует, что 3 марта 1944 г. он был награжден медалью «За отвагу» за обеспечение батальона во время наступательных боев с 31 января по 24 февраля 1944 г. Под огнем противника, рискуя жизнью, он аккуратно и своевременно доставлял горячую пищу и боеприпасы, поддерживая боевой дух бойцов. Можно предположить, что такие действия были ключевыми в зимних боях, где голод и нехватка патронов могли деморализовать войска.

Вторая медаль «За отвагу» пришла 28 марта 1945 г.—уже на заключительном этапе войны. Из того же источника: при прорыве обороны на западном берегу Вислы 14 января 1945 г. Серафим Трофимович организовал транспорт боеприпасов на передний край³. Под сильным обстрелом он бесперебойно доставлял припасы, раздавая их бойцам под пулемётным и артиллерийским огнем. Это описание вызывает вопросы: какие конкретно подразделения он поддерживал? Были ли у него коллеги, чьи истории могли бы дополнить картину? В 1985 г. он получил Орден Отечественной войны II степени, плюс пять юбилейных медалей. В нашем домашнем архиве сохранились удостоверение «Ветеран войны» и даже купон на денежные выдачи к медали за 1944 г.—любопытный артефакт, иллюстрирующий послевоенную поддержку ветеранов. Дальнейшие поиски могли бы включить запросы в архивы Воронежской области для поиска личных писем или фотографий, чтобы лучше понять его повседневную жизнь на фронте.

Трагична судьба еще одного брата моей прабабушки—Ефима Трофимовича Протасова (29.09.1900–07.05.1943). Он был направлен на фронт сержантом санитарной роты Воронцовским военкоматом в августе 1941 г. и умер от ран в госпитале города Боброва Воронежской области 7 мая 1943 г. Это все, что удалось собрать через запросы в ЗАГС Воронежской области и Военный комиссариат Бутурлиновки.

Протасов Гавриил Трофимович (1897–29.04.1943) родился в селе Александровка Воронежской области, был призван Зеленчукским РВК Карабаевской АО (ныне Карабаево-Черкесия) в звании красноармейца и служил в 9-й Горно-стрелковой дивизии. Погиб в горах Краснодарского края 29 апреля 1943 г.—вероятно, во время боев за Кавказ, где немецкие войска пытались прорваться к нефтяным месторождениям. Подтверждение пришло из Военного комиссариата Зеленчукского и Урупского районов. Вдова его—Дарья Федоровна Протасова—родилась 1 июня 1899 г. в станице Кардоникской Зеленчукского района Карабаево-Черкесии. Она скончалась 20 июня 1989 г. в поселке

³ Данилов А.А. История России в вопросах и ответах. М., 2018. С. 57.

Лазаревский Краснодарского края, где и была похоронена. В нашей семье хранится письмо, адресованное сестре убитого — моей прабабушке Ксении Трофимовне, в котором Дарья Федоровна упоминается.

В семейном архиве сохранились личные письма многих родственников, которые они писали своим близким с фронта. Например, письмо моего прадедушки, адресованное своей жене (моей прабабушке) Ксении Трофимовне Желновой. Она бережно сохранила это письмо. В нем прадед пишет: «Во-первых моего письма передаю привет всем и желаю хороших успехов в вашей жизни. Я в настоящее время жив и здоров...». Еще одно письмо от Петра Елисеевича Желнова своей жене, где он сообщает: «Ксения, я получил письмо от Дашуруки, она пишет, что Гаврюша убит на фронте. Это конечно очень печальная новость. Мы пока живы и здоровы...», является ценный источником, иллюстрирующим, как новости о гибели доносились до семей через личную переписку. Исследовательский вопрос: какие детали боев в горах могли бы раскрыть архивы дивизии? Возможно, Гавриил Трофимович Протасов участвовал в обороне перевалов, и его гибель была частью стратегических потерь... Сохранилось и письмо с фронта Николая Трофимовича Протасова своей племяннице Аллочке, которое раскрывает его человеческие качества, прежде всего, заботу о близких и готовность оказать им материальную поддержку, даже находясь на фронте. Этот факт подчеркивает, что несмотря на тяготы войны Николай Трофимович сохранил чуткость и сострадание к своим родным.

Письма являются уникальным источником личного опыта участников Великой Отечественной войны, они позволяют увидеть войну глазами простого солдата, понять его мысли, чувства и переживания. Анализ писем с фронта позволяет выявить не только личные переживания солдат, но и особенности восприятия ими исторических событий. Письма могут содержать информацию о боевых действиях, условиях жизни на фронте, отношении к войне и врагу. В совокупности, письма с фронта являются ценным источником для изучения истории Великой Отечественной войны «изнутри», глазами ее непосредственных участников.

В моей семье бережно сохраняется память о предках. Мы помним все, что связано с каждым родным человеком. Цепочка поколений не должна прерываться, а события той войны забываться. Изучая историю своей семьи, мы все равно вольно или невольно перелистываем события войны. Осознав те жертвы, которое понесло поколение прадедов, для того чтобы отстоять свою землю, понимая, что ценой победы являлась гибель близких людей, мы преклоняемся перед их подвигом.

Список литературы

- Данилов А.А. История России в вопросах и ответах. М.: Проспект, 2018. 316 с.
Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: АСТ, 2024. 192 с.

References

- Danilov A.A. Istorija Rossii v voprosah i otvetah [Russian history in questions and answers]. Moscow: Prospekt, 2018. 316 p. (In Rus.).
Lihachev D.S. Pis'ma o dobrom i prekrasnom [Letters about the good and the beautiful]. Moscow: AST, 2024. 192 p. (In Rus.).